

TS

2551
09

ქართული
ბიბლიოთეკა

33

255
УЧЕБНИКЪ
САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ УЧЕНИЕ

КАРЛА МАРКСА.

(DAS KAPITAL. Kritik der Politischen Oekonomie. B. I—III. 1867—94).

~~8147.443~~
~~75714~~
30

УЧЕБНИКЪ
САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ
1898

ИЗЛОЖЕНИЕ И КРИТИЧЕСКІЙ РАЗБОРЪ

Л. СЛОНИМСКАГО.

УЧЕБНИКЪ
САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ
1898

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 лин., 28.

1898.

18, 211 стр. (22 x 14), [5. 4. 7.

Политическая экономия

УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ
ВЪВЕДЕНІЕ

1

2650

TS 2551
09

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Изъ политической экономіи, — говоритъ извѣстный французскій экономистъ, Поль Леруа-Болье, — сдѣлали въ послѣднія тридцать лѣтъ чисто-школьную науку: ученые изощряютъ умы, чтобы «превратить ее въ новую схоластику, въ нѣчто ужасно сложное и безнадежно пустое, въ безконечную, сотканную съ удивительнымъ искусствомъ паутину, изъ которой нельзя сдѣлать никакого употребленія. И въ самомъ дѣлѣ, политическая экономія становится новой схоластикой, переполненною словесными тонкостями. Въ специальномъ мірѣ обрабатывающихъ ее теоретиковъ, особенно за границей, цѣнятся только тѣ, которые вносятъ свою долю новыхъ тонкостей и дѣлаютъ науку болѣе испещренною опредѣленіями и болѣе чуждою всякой конкретной реальности» ¹⁾).

Съ другой стороны, авторитетный представитель нѣмецкой экономической науки, которую очевидно имѣлъ въ виду Леруа-Болье въ приведенныхъ словахъ, — профессоръ Адольфъ Вагнеръ, — признается, что, несмотря на усилія цѣлой арміи ученыхъ, нѣтъ

¹⁾ *Traité théorique et pratique d'économie politique*, Paris, 1896, T. I—IV, Préf., II—III.

такой части политической экономии, которая могла бы съ нѣкоторымъ правомъ считаться готовою, установившеюся. Основные элементы науки остаются еще спорными; важнѣйшіе вопросы матеріальнаго существованія народовъ, регулируемые традиціонными началами права, едва затронуты экономистами и не причисляются даже къ предметамъ ихъ компетенціи¹⁾.

Ближайшій сотрудникъ Вагнера, авторъ теоретическаго отдѣла въ предпринятомъ имъ обширномъ руководствѣ по политической экономии, проф. Дитцель, высказываетъ въ сущности то же самое, что и Леруа-Болье, по поводу бесплодности новѣйшихъ теоретическихъ работъ въ этой области: «многіе теоретическіе труды современности — замѣчаетъ онъ — обнаруживаютъ несчастную склонность къ мистикѣ и схоластикѣ». И Дитцель не видитъ другого исхода, кромѣ возврата къ старой британской экономикѣ, съ ея житейскимъ здравымъ смысломъ; «ея методъ, какъ и ея главные результаты, сохраняетъ непоколебимую силу и твердость; только для обоснованія требуется новая постройка». «Научное зданіе старыхъ экономистовъ (т.-е. англійскихъ классиковъ) не разрушено, а только расширено новыми»²⁾.

Новыя экономическія школы и направленія, на которыя возлагались такія широкія надежды, оказались безсильными и несостоятельными въ научномъ смыслѣ. Литература политической экономии разрослась до колоссальныхъ размѣровъ и продолжаетъ расти съ каж-

¹⁾ Lehr-und Handbuch der Politischen Oekonomie. Erste Hauptabtheilung. Grundlegung der Pol. Oek.—Zweiter Theil, Lpz., 1894, стр. 5, 11 и слѣд. и 181—193.

²⁾ Тамъ-же, т. III, Zweite Hauptabtheilung, Theoretische Socialoekonomik, von H. Dietzel, 1895, предисловіе.

дымъ годомъ въ ужасающей прогрессіи; но этотъ количественный ростъ ни на одинъ шагъ не подвинулъ науки впередъ и только все сильнѣе погружаетъ ее въ какой-то безформенный хаосъ, среди котораго теряются даже опытные ученые дѣятели. Собраны огромнѣйшія груды матеріала, изъ котораго нельзя извлечь никакой научной истины, и выработался особый типъ специалистовъ, неумоимо накопляющихъ факты для неизвѣстнаго будущаго или занятыхъ приведеніемъ въ систему разнорѣчивыхъ взглядовъ и мнѣній, высказанныхъ другими, не заботясь о томъ, имѣютъ ли какую-либо цѣнность эти факты и мнѣнія. Въ вопросахъ теоріи новые экономисты находятъ себя вынужденными взывать къ авторитету старой англійской школы, дѣйствовавшей въ концѣ прошлаго и въ началѣ настоящаго столѣтія. Одни, какъ Дитцель, предлагаютъ довольствоваться дальнѣйшимъ «обоснованіемъ» и расширеніемъ старыхъ британскихъ доктринъ; другіе, какъ Леруа-Болье, совѣтуютъ идти еще дальше назадъ — къ Адаму Смиту. Въ этомъ нельзя не видѣть печальнаго *testimonium paupertatis* современной политической экономіи.

Въ такъ называемомъ научномъ политико-экономическомъ движеніи нѣтъ ни единства, ни послѣдовательности. Самыя различныя и даже противоположныя теоріи развиваются параллельно, независимо одна отъ другой; то, что для однихъ есть безспорная истина, считается другими явнымъ заблужденіемъ, и каждый остается при своемъ личномъ взглядѣ, не справляясь съ добытыми раньше результатами и не обращая вниманія на доводы противниковъ. Никто не думаетъ о правильномъ научномъ методѣ, и никто не придержи-

вается тѣхъ способовъ разсужденія и провѣрки, которые считаются вообще обязательными въ области научнаго знанія. Добросовѣстные скептики начинаютъ сомнѣваться въ правѣ политической экономіи на званіе науки при подобныхъ условіяхъ; и въ это самое время являются писатели, убѣжденные въ существованіи готовыхъ научныхъ экономическихъ истинъ и законовъ, болѣе твердыхъ и абсолютныхъ, чѣмъ законы естественныхъ наукъ. Физика или химія не знаетъ такихъ законовъ, дѣйствіе которыхъ не зависѣло бы отъ извѣстныхъ фактическихъ условій и не могло бы быть направлено въ ту или другую сторону, при помощи цѣлесообразныхъ приспособленій; а въ сомнительной и шаткой экономической наукѣ открыты будто бы незыблемыя формулы, практическое дѣйствіе которыхъ нельзя ни устранить, ни обойти. Смутность теоретическихъ понятій нивъ чемъ не обнаруживается такъ рѣзко, какъ въ обычныхъ толкованіяхъ и предположеніяхъ по поводу экономическаго ученія Маркса.

Историческая точка зрѣнія, на которой уже много лѣтъ настаиваютъ нѣмецкіе экономисты, нисколько не повліяла на составъ и характеръ господствующей нынѣ экономической догматики, унаслѣдованной отъ старыхъ представителей узко-промышленнаго направленія въ Англіи. Нынѣшняя экономическая наука есть не политическая и не социальная, а промышленная экономія, съ примѣсью нѣкоторыхъ социально-политическихъ элементовъ;— это въ сущности теорія крупной промышленности, распространяемая на всѣ формы и явленія хозяйственной жизни народовъ. Политическая экономія сдѣлается дѣйствительною наукою только тогда, когда она отброситъ традицион-

ныя промышленныя рамки и станеть на путь широкихъ соціологическихъ изслѣдованій и обобщеній.

Знаменитая книга Маркса о капиталѣ должна быть признана наиболѣе выдающимся и типическимъ продуктомъ соединенія нѣмецкой учености и діалектики съ англійскими промышленными идеями и доктринами. До сихъ поръ эта книга вызываетъ еще горячіе споры въ спеціальной и общей литературѣ, причемъ, по обыкновенію, высказываются самыя противоположныя мнѣнія ¹⁾. У насъ многіе почему-то полагають, что теорія Маркса подлежитъ только усвоенію, а не критикѣ. Такой взглядъ кажется мнѣ въ высшей степени страннымъ. Нѣтъ сомнѣнія, что обстоятельный и безпристрастный разборъ популярнаго ученія могъ бы принести нѣкоторую долю пользы даже послѣдователямъ Маркса, какъ удобный способъ проверки усвоенныхъ ими воззрѣній и выводовъ.

Настоящая книжка составилась изъ статей, напечатанныхъ въ «Вѣстникѣ Европы» (1896—97 гг.); эти статьи являются теперь въ переработанномъ и значительно дополненномъ видѣ, съ присоединеніемъ многихъ примѣчаній и литературно-библіографическихъ ссылокъ. Особенное вниманіе было обращено на разъ-

¹⁾ Изъ новѣйшихъ критическихъ статей о Марксѣ отмѣтимъ: *Ernst Lange*, K. Marx als volkswirtschaftlicher Theoretiker (Jahrbücher für National-Oekonomie u. Statistik. v. Conrad, 1897, Heft 4, стр. 540—578); *Karl Walcker*, K. Marx. Gemeinverständliche kritische Darlegung seines Lebens und seiner Lehren (брошюрка въ 43 стр.), Lpz., 1897; *Arthur Mühlberger*, Zur Kenntniss des Marxismus (47 стр.), Lpz., 1897; *Oscar Jurnitschek*, Ueber die wirkliche Entstehung von Capitalien (144 стр.), Berlin, 1897. Prof. *Werner Sombart*, Socialismus und sociale Bewegung im neunzehnten Jahrhundert (89 стр.), Jena, 1897; *Ad. v. Wenckstern*, Die Marx eigenthümliche materialistische Geschichtsauffassung und Deutschland am Ende des neunzehnten Jahrhunderts (Schmoller's Jahrbücher, 1898, Heft I, стр. 247—310).

ясненіе тѣхъ пунктовъ, которые вызвали возраженія въ печати. Три небольшія заключительныя главы написаны вновь; сверхъ того, въ концѣ приведено извѣстное письмо Маркса объ экономическомъ развитіи Россіи, съ необходимыми комментаріями.

Осенью 1897 года вышелъ въ Берлинѣ нѣмецкій переводъ этихъ статей, съ нѣкоторыми сокращеніями и измѣненіями, подъ заглавіемъ: *Karl Marx's national-oekonomische Irrlehren. Eine kritische Studie. Uebersetzt und eingeleitet von Max Schapiro, Berlin (Verlag von Johannes Råde), 203 стр.* Переводъ вообще весьма удовлетворителенъ; но, во-первыхъ, иногда перемѣны и сокращенія въ текстѣ значительно измѣняютъ смыслъ подлинника, и во-вторыхъ, слово «*Irrlehren*» въ заглавіи не вполнѣ соотвѣтствуетъ содержанію и характеру книжки, такъ какъ далеко не всѣ идеи Маркса признаются въ ней ложными. Впрочемъ, какъ объяснилъ въ послѣдствіи переводчикъ, въ этихъ неточностяхъ виноваты издатели, которые передѣляли даже его предисловіе въ духѣ нѣмецкаго буржуазнаго патриотизма.

Л. С.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	СТР.
Предисловіе	I—VI
ГЛАВА I. Предварительныя замѣчанія. — Главнѣйшія общія черты ученія Маркса. — Промышленная наука и «естественные законы». — Недоразумѣнія въ понятіяхъ о капиталѣ и капитализмѣ	I—10
ГЛАВА II. Теорія цѣнности Маркса и значеніе ея въ экономической литературѣ	11—18
ГЛАВА III. «Трудное начало науки». — Анализъ понятій о товарѣ и цѣнности. — Человѣческій трудъ, какъ реальность и какъ фикція. — Различныя виды труда. — Замѣчательныя научныя открытія.	18—41
ГЛАВА IV. Источникъ прибавочной цѣнности. — Обманчивый силлогизмъ. — Покупка рабочей силы вмѣсто найма рабочихъ и платы за трудъ. — Результаты сдѣлки для капиталиста. — Особенности научнаго метода Маркса.	41—51
ГЛАВА V. Природный даръ рабочей силы. — Трудъ животныхъ и людей. — Уменьшеніе числа рабочихъ въ крупной промышленности, съ замѣною ихъ машинами. — «Законы» прибавочной цѣнности, противопоставляемые «міру явленій». — Наглядныя противорѣчія и несообразности. — Ссылки на третій томъ и заключительная мистификація	51—72
ГЛАВА VI. Научныя разсужденія и поправки, оказывающіяся безплодными. — Попытки примирить факты съ теорією. — Замаскированный поворотъ въ сторону вулгарныхъ старыхъ положеній и выводовъ. — Безвыходная путаница въ ученіи Маркса о цѣнности и прибыли	72—90

- ГЛАВА VII. Теорія капиталистическаго производства.—
 Историческое развитіе новѣйшей крупной промышленности.—Капиталистическій законъ народонаселенія.—
 Экспроприація крестьянъ и мелкихъ производителей.—
 Промышленные кризисы и подготовляемая ими раз-
 вязка 91—117
- ГЛАВА VIII. Сильныя и слабыя стороны ученія Маркса.—
 Неправильныя обобщенія особенностей англійской эконо-
 мической исторіи.—Что такое капиталистическое
 производство по Марксу?—Отсутствіе точнаго понятія
 о капиталѣ въ «Капиталѣ». — Охрана интересовъ ра-
 бочихъ законодательствомъ и духъ постепенныхъ ре-
 формъ.—Фактическія ошибки Маркса.—Крестьянство
 и рабочіе союзы 117—135
- ГЛАВА IX. Необходимыя для самихъ рабочихъ «экспро-
 приаторы».—Трудъ управленія и надзора въ промыш-
 ленныхъ предпріятіяхъ. — Управляющіе, какъ произво-
 дительные и въ то же время непродуцительные ра-
 ботники.—Акціонерная и кооперативная формы пред-
 пріятій. — Обобществленіе труда и средствъ произ-
 водства 135—145
- ГЛАВА X. Взгляды Маркса на поземельную собственность
 и землевладѣніе. — «Земля-капиталъ». — Монопольное
 право на части земного шара. — Утвержденіе и отри-
 цаніе общинныхъ правъ на землю.—Отсутствіе руко-
 волящей теоретической идеи. 145—154
- ГЛАВА XI. Литературные и полемическіе приемы Маркса.—
 Теорія Тунена и отзывъ о ней въ «Капиталѣ». — По-
 ходъ Энгельса противъ Родбертуса 154—165
- ГЛАВА XII. Практическіе выводы доктрины Маркса.—
 Неясность понятій о монополіи и о средствахъ труда.—
 Общественный элементъ въ частной предпріимчиво-
 сти.—Смыслъ и цѣль коллективизма. — Нѣмецкая со-
 ціаль-демократія и дѣятельность Лассаля.—Нападки
 Маркса на Готскую программу.—Вульгарная утопія. 165—180
- ГЛАВА XIII. Вліяніе Маркса на нѣмецкую соціаль-демокра-
 тію.—Эрфуртская программа 1891 года и ея внутрен-
 нія противорѣчія.—Декларація «независимыхъ». — За-
 ключительная оцѣнка доктрины и программы Маркса. 180—189
- ГЛАВА XIV. Борьба классовъ и азартная игра въ крупной
 промышленности.—Примѣры финансовыхъ увлеченій.—
 Цицеронъ и философы его времени о честности въ
 торговлѣ.—Ненормальныя особенности промышленной
 борьбы и отношеніе къ нимъ экономистовъ . . 189—194

- ГЛАВА XV. Вліяніє юриспруденції на економічну
жизнь.—Традиції римського права.—Ошибки нѣмецкой
соціально-политической школы.—Отсталость юридиче-
скихъ понятій и необходимость пересмотра ихъ съ
точки зрѣнія економіческихъ интересовъ . . . 195—202
- ПРИЛОЖЕНІЕ.—Письмо Маркса объ економіческомъ раз-
витіи Россіи 203—211

I.

Предварительныя замѣчанія.—Главнѣйшія общія черты ученія Маркса.—Промышленная наука и «естественные законы».—Недоразумѣнія въ понятіяхъ о капиталѣ и капитализмѣ.

Въ трехъ огромныхъ томахъ о цѣнности и капиталѣ, Марксъ обстоятельно анализируетъ экономическія явленія, свойственныя крупной промышленности въ современныхъ ей формахъ, и придаетъ получаемымъ при этомъ выводамъ значеніе общихъ и даже основныхъ научныхъ истинъ политической экономіи.

«Форма цѣнности, имѣющая свой готовый образъ въ денежной формѣ,—говоритъ онъ въ предисловіи,—вполнѣ безсодержательна и несложна. Однако человѣческій умъ тщетно пытался изслѣдовать ее въ теченіе *болѣе двухъ тысячъ лѣтъ*, тогда какъ анализъ гораздо болѣе сложныхъ и содержательныхъ формъ былъ приблизительно удаченъ. Почему? Потому что образовавшееся уже тѣло легче изучается, чѣмъ его клѣточка. Кромѣ того, при анализѣ экономическихъ формъ не могутъ служить ни микроскопъ, ни химическіе реактивы. Сила абстракціи должна замѣнить и то и другое. А для гражданскаго общества товарная форма трудового продукта или форма цѣнности товара составляетъ экономическую клѣточку».

Итакъ, Марксъ доводитъ до благополучнаго конца то изученіе цѣнности, надъ которымъ тщетно трудился человѣческій умъ болѣе двухъ тысячелѣтій; слѣдовательно, и предметъ изученія принадлежитъ къ числу постоянныхъ и всеобщихъ экономическихъ явленій. Но этотъ предметъ изученія опредѣляется авторомъ какъ

принадлежность особой формы народного хозяйства, развившейся лишь въ новѣйшее время и достигшей наибольшаго процвѣтанія въ современной Англїи. «Въ настоящемъ трудѣ, — говоритъ Марксъ, — я поставилъ себѣ цѣлью изслѣдовать капиталистическій способъ производства и соотвѣтствующія ему отношенія по производству и обращенію товаровъ. Классическое мѣсто этой формы производства до сихъ поръ — Англїя». Поэтому авторъ въ своемъ изслѣдованіи почти исключительно руководствуется фактическимъ матеріаломъ, относящимся къ англійской промышленности. Марксъ беретъ понятія цѣнности и капитала въ томъ ихъ значеніи, какое они имѣютъ въ преходящемъ, сравнительно недавно устроенномъ мірѣ промышленнаго капитализма; и въ то же время онъ утверждаетъ, что надъ этими понятіями работалъ человѣскій умъ болѣе двухъ тысячъ лѣтъ. Онъ говоритъ объ «естественныхъ законахъ» капиталистическаго производства, дѣйствующихъ и пробивающихъ себѣ дорогу «съ желѣзною необходимостью»; но если самое капиталистическое производство есть только временная историческая форма, осужденная на исчезновеніе, то и его законы могутъ быть только временными и условными, и никакой общей теоретической силы имъ приписывать нельзя. Изслѣдованіе фактовъ и тенденцій, присущихъ современной организациі крупной промышленности, даетъ практическіе, а не научные выводы; оно не приводитъ и не можетъ приводить къ обобщеніямъ, касающимся основныхъ началъ какой бы то ни было науки. Подобно тому, какъ подробнѣйшій анализъ сложныхъ механическихъ приспособленій во внутреннемъ устройствѣ англійскихъ фабрикъ не могъ бы прибавить ни одной истины къ положеніямъ научной механики, такъ и изученіе специальныхъ особенностей промышленнаго капитализма не внесетъ и не можетъ внести ничего новаго въ теоретическую часть политической экономіи. Вотъ почему, — какъ признается и самъ Марксъ, — фактическія данныя объ англійской промышленности служатъ ему только иллюстраціею для теорїи, развиваемой независимо отъ нихъ, путемъ дедуктивнымъ; но самая эта теорія есть всецѣло продуктъ англійской промышленной атмосферы и имѣетъ смыслъ единственно лишь при условїи значительнаго развитія торгово-промышленной дѣятельности, рассчитанной на обширный внѣшній сбытъ.

Въ исходной точкѣ изслѣдованій Маркса заключается видимое

противорѣчіе: онъ предполагаетъ, что двигаетъ науку разъясненіемъ ея основныхъ понятій и элементовъ, а между тѣмъ онъ анализируетъ только понятія и явленія, свойственныя по его же теоріи только извѣстной исторической формѣ народнаго хозяйства и не имѣющія въ себѣ ничего всеобщаго и постояннаго. вмѣсто политической экономіи, изучающей или долженствующей изучать условія хозяйственнаго развитія и благосостоянія народовъ, предлагается спеціальная торгово-промышленная экономія, трактующая о товарахъ и цѣнностяхъ. Свѣдѣнія и разсужденія объ одной изъ отраслей хозяйственной предприимчивости у даннаго народа и въ данную эпоху выдаются за экономическое знаніе вообще, и взгляды, выработанные въ области чисто-промышленной и торговой, непосредственно примѣняются ко всѣмъ остальнымъ областямъ народнаго труда и ко всѣмъ экономическимъ отношеніямъ страны, въ томъ числѣ и къ отношеніямъ поземельнымъ и земледѣльческимъ.

Эта коренная ошибка экономистовъ классической англійской школы вполнѣ усвоена Марксомъ и даже доведена имъ до крайности; ни одинъ изъ теоретиковъ не вдавался въ такія подробности фабричной и торговой промышленности въ общемъ теоретическомъ трактатѣ по политической экономіи, и никто еще не вносилъ этихъ подробностей въ науку съ такою серьезною убѣжденностью, какъ Марксъ. Въ рукахъ Маркса политическая экономія не только не пріобрѣтаетъ характера широкой общественной науки, но, напротивъ, совершенно утрачиваетъ связь съ другими отраслями обществовѣдѣнія и суживается до степени спеціальной доктрины товарнаго производства и обращенія. Экономисты-классики держались этихъ промышленныхъ рамокъ потому, что существующія формы промышленности представлялись имъ нормальными и окончательными; они не иначе понимали народное хозяйство какъ въ видѣ обширной фабрики или рынка для производства и обмѣна товаровъ. Марксъ отрицаетъ прочность и долговѣчность современнаго промышленнаго строя, и тѣмъ не менѣе онъ изъ анализа его особенностей извлекаетъ свою абстрактную науку. Онъ не выходитъ изъ круга промышленности въ тѣсномъ смыслѣ этого слова,—въ этомъ главнѣйшій и основной недостатокъ экономическаго ученія Маркса. Его книга о «капиталѣ» названа также «критикою политической экономіи»; но въ дѣй-

ствительности критика касается лишь нѣкоторыхъ сторонъ промышленной организаци, не затрагивая вовсе ни научной системы, ни обычнаго содержанія политической экономіи. Марксъ ни въ чемъ не отступаетъ отъ старыхъ шаблоновъ, установленныхъ экономистами-классиками: и для него экономическая наука исчерпывается вопросами о производствѣ и распредѣленіи товаровъ, о цѣнности и прибыли; и для него товарная цѣнность есть основная экономическая клѣточка гражданскаго общества.

Исконный фундаментъ хозяйственнаго и политическаго быта каждаго народа—строй поземельныхъ и земледѣльческихъ отношений—занимаетъ лишь подчиненное, второстепенное мѣсто въ той промышленной доктринѣ, которая по традиціи называется политической экономіею. Казалось бы, что у насъ сильнѣе чѣмъ гдѣ-либо должна бы чувствоваться потребность въ экономическомъ ученіи, которое выдвигало бы на первый планъ и самостоятельно освѣщало бы вопросы поземельные и сельско-хозяйственные; и всего менѣе можно было ожидать, чтобы у насъ увлекались теоріею, предполагающею господство крупной промышленности, въ родѣ англійской. Первостепенная важность землевладѣнія и земледѣлія даже для промышленныхъ странъ настолько очевидна, что Марксъ долженъ былъ уже въ первомъ томѣ коснуться поземельныхъ отношений въ Англии; но онъ сдѣлалъ это только съ точки зрѣнія исторіи промышленнаго развитія, въ главѣ о «первоначальномъ накопленіи» капитала.

Возведеніе крупной промышленности на степень важнѣйшаго предмета теоретическихъ изслѣдованій въ политической экономіи оправдывается у Маркса тѣмъ, что всѣ современные культурные народы идутъ по тому же пути, по которому раньше и быстрѣе другихъ пошла Англія, и что «болѣе развитая въ промышленномъ отношеніи страна показываетъ менѣе развитымъ картину ихъ собственнаго будущаго». Эта мысль высказывается, однако, слишкомъ отрывочно, мимоходомъ, безъ всякихъ логическихъ или историческихъ подтвержденій, и вообще философско-историческіе взгляды Маркса, которымъ придаютъ такое большое значеніе его послѣдователи, выражены у него крайне скудно и бездоказательно, въ видѣ отдѣльныхъ краткихъ замѣчаній, что особенно удивительно въ трактатѣ, отличающемся необычайнымъ многословіемъ въ изложеніи и разборѣ самыхъ элементарныхъ и

общеизвѣстныхъ фактовъ. По словамъ Маркса, послѣднею цѣлю его труда было «разоблачить экономическій законъ движенія современнаго общества», а это движеніе есть «естественно-историческій процессъ», котораго естественные фазисы развитія не могутъ быть ни обойдены, ни устранены ¹⁾. Гдѣ и какъ доказываетъ онъ эти историко-философскія истины? Можно сказать положительно, что онъ даже не пытается подвергнуть ихъ принципиальному обсужденію, а просто провозглашаетъ ихъ по отдѣльнымъ поводамъ и случаямъ. Въ книжкахъ и брошюрахъ, предшествовавшихъ изданію «Капитала», онъ не разъ говорилъ о послѣдовательномъ возвышеніи и новѣйшемъ владычествѣ буржуазіи, о борьбѣ ея съ рабочимъ классомъ и о предстоящемъ торжествѣ послѣдняго, въ связи съ переменами въ условіяхъ производства; въ «Капиталѣ» онъ подробно объясняетъ постепенный переходъ англійской промышленности отъ ремесленныхъ цеховъ и кустарныхъ промысловъ къ мануфактурѣ, и отъ мануфактуры къ крупному машинному производству, но нигдѣ онъ не останавливается надъ вопросомъ, почему и при какихъ условіяхъ обязательно для каждаго народа прохожденіе извѣстныхъ стадій экономическаго развитія, и почему въ частности господство англійскихъ формъ промышленнаго капитализма должно повториться въ другихъ странахъ. «Экономическій законъ движенія общества», какъ и всякій законъ явленій, означаетъ лишь, что при данныхъ условіяхъ и при отсутствіи достаточныхъ противодѣйствующихъ вліяній должны произойти такіе-то факты въ такомъ-то послѣдовательномъ порядкѣ; но факты не произойдутъ или примутъ другое направленіе, если условія будутъ другія, или если вмѣшаются постороннія задерживающія вліянія. Изъ закона паденія тѣлъ вовсе не слѣдуетъ, что предметы должны падать на землю съ возрастающею скоростью при всякихъ вообще обстоятельствахъ, и что естественные фазисы паденія не могутъ быть ни обойдены, ни устранены; камень остановится въ своемъ паденіи, если встрѣтитъ на пути препятствіе, и нельзя сказать, что его тенденція къ паденію будетъ дѣйствовать и обнаруживаться во всякой средѣ съ

¹⁾ Das Kapital, Bd. I (2-е изд., Hamburg, 1872 г.), предисловіе, стр. 3—7. Ср. предисловіе къ соч.: Zur Kritik der Politischen Oekonomie, 1859; русскій переводъ, 2-е изд., 1896, стр. X—XI.

жельзною необходимостью. Морское положеніе Англии и промышленная предприимчивость ея обитателей создали ей особую исторію, какъ политическую, такъ и народно-хозяйственную, и никто не станетъ утверждать, что эта исторія можетъ повториться у народа континентальнаго, поставленнаго въ совершенно другія условія существованія. Если не всѣмъ народамъ суждено быть націями мореплавателей, то и промышленный капитализмъ, процвѣтающій въ Англии, не составляетъ обязательнаго удѣла всѣхъ вообще государствъ. Наконецъ, въ самой Англии естественныя тенденціи капитала къ поработенію рабочихъ проявлялись съ жельзною необходимостью только до тѣхъ поръ, пока не приняты были энергическія мѣры противодѣйствія, въ видахъ охраны рабочаго класса отъ злоупотребленій промышленной эксплуатации.

Естественно-историческій законъ Маркса, обязывающій будто бы всѣ культурные народы проходить извѣстные фазисы промышленнаго развитія и не допускающій ни предупрежденія, ни устраненія ихъ, противорѣчитъ элементарнымъ правиламъ научной логики и опровергается на каждомъ шагу положительными фактами, указываемыми отчасти самимъ Марксомъ. Чтò доказываетъ вся излагаемая имъ исторія англійскаго фабричнаго законодательства, какъ не возможность своевременнаго ограниченія вредныхъ тенденцій капитализма даже въ классической странѣ крупной промышленности? Въ странахъ, менѣе подвластныхъ промышленному классу, ограничительное воздѣйствіе могло бы идти гораздо дальше и коснуться самой сущности капиталистическаго строя, и никакой «естественный законъ» не помѣшалъ бы успѣху такого начинанія.

Марксъ восхваляетъ безпристрастіе, энергію и правдивость парламентскихъ и правительственныхъ комиссій, изслѣдовавшихъ положеніе рабочихъ въ Англии и раскрывавшихъ вопіющія злоупотребленія фабрикантовъ; онъ превозноситъ дѣятельность англійскихъ фабричныхъ инспекторовъ и особенно одного изъ нихъ, Леонарда Горнера, которому приписываетъ «безсмертныя заслуги» въ дѣлѣ защиты интересовъ рабочаго класса. Авторъ «Капитала» несомнѣнно подрываетъ этимъ свою собственную теорію

объ исключительномъ господствѣ экономическихъ мотивовъ и классовыхъ стремленій въ законодательной и политической дѣятельности государствъ; онъ говоритъ иногда о государственной власти, какъ объ общественной силѣ, призванной водворять справедливость въ человѣческихъ отношеніяхъ, забывая уже, что, по его опредѣленію, эта власть есть только надстройка къ существующей экономической организаціи, выработанной борьбою матеріальныхъ интересовъ въ обществѣ. Противъ фабрикантовъ и капиталистовъ дѣйствовала не одна только аристократическая торійская партія, и проведеніе фабричныхъ законовъ нельзя объяснять антагонизмомъ между землевладѣльческою аристократіею и промышленнымъ классомъ. Члены слѣдственныхъ комиссій и фабричные инспектора, какъ и поддерживавшіе ихъ члены парламента, не были аристократами, заинтересованными въ пониженіи и ослабленіи промышленнаго капитализма; большею частью они сами принадлежали къ тому же среднему промышленному классу и слѣдовательно, по теоріи Маркса, должны были дѣйствовать не въ пользу рабочихъ. Большинство палаты общинъ, утверждавшее фабричные законы, не могло состоять изъ членовъ аристократическихъ семействъ или изъ представителей рабочаго класса. Откуда же появились эти восхваляемые Марксомъ безпристрастные и энергическіе защитники рабочихъ въ средѣ буржуазіи, если узко-классовая борьба опредѣляетъ весь ходъ общественнаго движенія? Марксъ обходитъ этотъ вопросъ молчаніемъ, потому что удовлетворительнаго отвѣта не нашлось бы съ точки зрѣнія его материалистическаго пониманія исторіи.

Причина, побудившая многихъ добросовѣстныхъ англичанъ близко принимать къ сердцу бѣдственное положеніе фабричныхъ рабочихъ, кроется въ простомъ человѣческомъ чувствѣ справедливости, въ сознаніи волеющей нелѣпости того факта, что трудъ, создающій непомѣрныя богатства промышленныхъ хозяевъ, не доставляетъ рабочимъ даже необходимѣйшихъ условій сноснаго человѣческаго существованія. Нравственное чувство, освѣщенное знаніемъ, дѣлаетъ и промышленника человѣкомъ; оно дѣйствуетъ сильнѣе всякихъ классовыхъ и сословныхъ интересовъ, когда выражается въ сознательныхъ убѣжденіяхъ и идеяхъ. Это чувство заставляло отдѣльныхъ представителей промышленнаго класса посвящать свои силы заботамъ объ улучшеніи и обеспеченіи быта

рабочихъ; оно давало рабочимъ убѣжденныхъ заступниковъ и руководителей изъ среды промышленной буржуазіи, къ которой принадлежали, по рожденію и воспитанію, и Карль Марксъ, Фердинандъ Лассаль и Фридрихъ Энгельсъ. Нравственныя идеи, достигши извѣстной степени напряженія, не только пересиливаютъ матеріальные разсчеты, но приводятъ къ рѣшимости отдавать самую жизнь для блага другихъ, и этими самоотверженными порывами двигается впередъ исторія. Представленіе о буржуазіи, какъ объ особомъ замкнутомъ классѣ, которому недоступны никакія человѣческія чувства и понятія, кромѣ алчности,—есть очевидная карриатура, которую Марксъ напрасно кладетъ въ основу своихъ экономическихъ и историко-философскихъ обобщеній. Борьба идей и направленій въ передовой части общества не зависитъ отъ сословныхъ и классовыхъ перегородокъ; она регулируетъ борьбу интересовъ и часто отодвигаетъ ее на задній планъ, какъ свидѣлствуетъ вся исторія рабочаго вопроса въ Англии и въ другихъ странахъ. Соціализмъ повсюду выросъ и находилъ вождей внутри буржуазіи, и сами теоретики и проповѣдники классовой борьбы служатъ живымъ опроверженіемъ своей собственной теоріи.

Разсматривая капиталистическое производство, какъ историческую форму народнаго хозяйства, Марксъ связываетъ самое понятіе капитала съ новѣйшимъ ростомъ крупной промышленности и торговли, начиная съ XVI вѣка. Капитализмъ есть для него порожденіе новыхъ экономическихъ условій, неизвѣстное будто бы въ болѣе раннія историческія эпохи. Этотъ узкій взглядъ, пренебрегающій всею предшествовавшею исторіею человѣчества; приводитъ къ явнымъ несообразностямъ.

Во-первыхъ, капиталъ, какъ необходимый элементъ всякой производительной дѣятельности, не имѣетъ самъ по себѣ ничего общаго съ капитализмомъ, какъ особою формою хозяйства и орудіемъ угнетенія рабочихъ. Еще въ сороковыхъ годахъ Луи-Бланъ возставалъ противъ софизма, смѣшивающаго полезность капитала съ полезностью его обладателей. Значеніе капитала,—писалъ онъ,—постоянно подмѣнивается тѣмъ, что можно назвать капитализмомъ, т.-е. присвоеніемъ капитала одними въ ущербъ другимъ. «Кричите: да здравствуетъ капиталъ,—и мы будемъ рукоплескать; но съ тѣмъ большею живостью мы станемъ нападать на его смер-

тельного врага — капитализм»¹⁾. Капиталъ играетъ роль въ производствѣ независимо отъ того, принадлежитъ ли онъ самимъ трудящимся или постороннимъ лицамъ, поставленъ ли онъ въ равноправныя отношенія съ трудомъ или же имѣетъ возможность угнетать его. Никакое производство не можетъ обойтись безъ орудій, матеріаловъ и запасовъ, составляющихъ на экономическомъ языкѣ капиталъ. Марксъ этого не отрицаетъ, и тѣмъ не менѣе онъ относитъ къ капиталу то, что примѣнимо лишь къ капитализму, т. е. впадаетъ въ грубый софизмъ, который поддерживали буржуазные экономисты, вызывавшіе негодование Луи-Блана. Если допустить мысль, что при другой, не-капиталистической организаціи производства капиталъ не нуженъ или не имѣетъ самостоятельнаго значенія, то понятіе капитала должно быть исключено изъ числа общихъ теоретическихъ понятій политической экономіи, чего Марксъ, однако, не предлагаетъ.

Во-вторыхъ, отдѣленіе работниковъ отъ орудій и средствъ производства, составляющее основу и сущность капитализма, есть одинъ изъ древнѣйшихъ фактовъ экономической жизни, и относить этотъ фактъ къ новѣйшей эпохѣ, начиная съ XVI-го вѣка,—значитъ игнорировать исторію или предполагать въ далекомъ прошломъ тѣ утопическія идилліи, отъ созданія которыхъ отрекшиваются марксисты по отношенію къ настоящему. Въ евангельской притчѣ о хозяинѣ виноградника, нанимающемъ рабочихъ съ платою по одному динарію въ день, упоминаются уже всѣ существенные признаки капиталистическаго хозяйства, кромѣ одного—производства для сбыта; но что вино приготавлилось тогда для продажи—это не подлежитъ сомнѣнію. Хозяинъ нанимаетъ рабочихъ на торжищѣ, т. е. на рынкѣ, гдѣ предлагаются свободныя рабочія руки; онъ нанимаетъ по нѣскольку человѣкъ въ разные часы дня и къ вечеру беретъ, наконецъ, остальныхъ, не нашедшихъ себѣ нанимателей; затѣмъ онъ поручаетъ своему упра-

¹⁾ Organisation du travail, 1847, I. IV, ch. I. «Ce sophisme (de M. Bastiat) consiste à confondre perpétuellement l'utilité du *capital* avec ce que j'appellerai le *capitalisme*, c'est à dire l'appropriation du capital par les uns, à l'exclusion des autres. Comme si l'utilité d'une chose résultait de son accaparement et non de sa nature!... Criez donc: vive le *capital*! Nous applaudirons, et nous en attaquerons avec d'autant plus de vivacité le *capitalisme*, son ennemi mortel». Мы цитируемъ по изданію 1882 г., стр. 208—9.

вителью заплатитъ всѣмъ работникамъ одинаково по динарію, и противъ этого ропщутъ люди, нанятые раньше другихъ, ссылаясь на то, что они трудились съ утра и перенесли тягость дня и зной, тогда какъ пришедшіе послѣдними работали только одинъ часъ. Отвѣтъ хозяина одному изъ недовольныхъ рабочихъ вполнѣ выражаетъ точку зрѣнія современнаго капиталиста: «не за динарій ли ты договорился со мною? Возьми свое и поиди; развѣ я не властенъ въ своемъ дѣлать, чтó хочу?» Тутъ имѣется на лицо и свободный наемный трудъ, и наниматель-капиталистъ, владѣющій орудіями и средствами производства, и довольно обширное хозяйство, съ управителемъ и съ большимъ количествомъ наемныхъ рабочихъ, и избытокъ рабочихъ рукъ на рынкѣ, и даже требованіе соотвѣтствія платы количеству рабочихъ часовъ, и недовольство рабочихъ распоряженіями хозяина, и ссылка послѣдняго на свое право собственности и на свободу договоровъ. Такое хозяйство едва ли могло имѣть цѣлью только снабженіе виномъ самого владѣльца и его семьи; во всякомъ случаѣ оно могло выработывать продукты и для продажи. Обширная торговля промышленными продуктами существовала и въ тѣ времена; англичане древности, финикіяне, производили различныя ткани, крашенныя шерстяныя и льняныя издѣлія, разныя вещи изъ стекла, домашнюю утварь, украшенія изъ слоновой кости, золота и другихъ металловъ; они торговали также египетскими льняными тканями, глиняною посудою и винами Греціи, драгоценными камнями, металлическими издѣліями, мѣхами, растительными продуктами всякаго рода. Индія славилась своими издѣліями изъ мѣди, золота и серебра, хлопчато-бумажными, шерстяными и шелковыми тканями. Нѣтъ основанія предполагать, что при обеспеченномъ внѣшнемъ сбытѣ всѣ эти продукты производились исключительно домашнимъ способомъ, безъ наемныхъ рабочихъ и безъ участія капиталистовъ; по крайней мѣрѣ у финикіянь производство не было устроено на болѣе первобытныхъ началахъ, чѣмъ у того хозяина, о которомъ говорится въ евангельской притчѣ. Такимъ образомъ, взглядъ на капитализмъ, какъ на своеобразное явленіе новой промышленной исторіи, основанъ на очевидномъ недоразумѣніи.

II.

Теорія цѣнности Маркса и значеніе ея въ экономической литературѣ.

Главную научною заслугою Маркса считается выработанная имъ теорія цѣнности, поставленная въ основу дѣлаемаго имъ анализа капиталистическаго производства. Эта теорія цѣнности вноситъ нѣкоторыя дополненія и поправки въ доктрину англійскаго экономиста и банкира, Давида Рикардо, которому Марксъ слѣдуетъ не только въ общемъ, но и въ нѣкоторыхъ частностяхъ.

Какъ Рикардо строитъ политическую экономію на условіяхъ англійской крупной промышленности, такъ и Марксъ смотритъ на экономическія судьбы народовъ чрезъ призму англійскаго промышленнаго строя. Рикардо, вслѣдъ за Адамомъ Смитомъ, принимаетъ трудъ за источникъ и мѣрило цѣнности; Марксъ подробно истолковываетъ это положеніе и дѣлаетъ изъ него очень сложные выводы, при помощи діалектики, напоминающей буквальное толкованіе законовъ юристами. Геніальный англо-еврейскій банкиръ высказываетъ свои мысли сжато и ясно, ведетъ свою аргументацію въ строгомъ стилѣ математической логики, относится къ своей задачѣ замѣчательно скромно и отзывается съ уваженіемъ о работахъ своихъ предшественниковъ и современниковъ;—нѣмецкій послѣдователь его развиваетъ на сотняхъ страницъ самыя элементарныя идеи, запутываетъ ихъ обиліемъ повтореній и примѣровъ, заявляетъ о необычайной важности открытыхъ имъ истинъ и ядовито высмѣиваетъ или игнорируетъ многихъ своихъ предшественниковъ и соперниковъ въ экономической литературѣ, особенно тѣхъ, съ которыми долженъ былъ бы чувствовать себя солидарнымъ.

Поклонники Маркса называютъ его основателемъ новой экономической школы, хотя не могутъ отрицать, что онъ самъ принадлежитъ къ школѣ Рикардо. Дѣйствительно ли его теорія цѣнности окончательно разрѣшила вопросъ, надъ которымъ тщетно трудились будто бы человѣческіе умы болѣе двухъ тысячъ лѣтъ? Ученики его увѣряютъ, что такъ и есть, и что не признаютъ этой теоріи только вульгарные, буржуазные экономисты, столь безпощадно преслѣдуемые насмѣшками Маркса. Извѣстный про-

профессор Луїо Brentano, убѣжденный защитникъ интересовъ рабочаго класса, не можетъ быть причисленъ къ вулгарнымъ экономистамъ; однако онъ категорически свидѣтельствуесть, что «теорія цѣнности Маркса не имѣетъ въ настоящее время никакихъ послѣдователей въ научныхъ кругахъ» ¹⁾. Компетентность Brentano въ пониманіи и оцѣнкѣ того, что происходитъ въ нѣмецкихъ научныхъ кругахъ, не подлежитъ сомнѣнію, и въ этомъ случаѣ ему надо вѣрить. Въ специальномъ критическомъ обзорѣ различныхъ учений о цѣнности, Роберта Цукеркандля, насчитано до 90 авторовъ, съ особыми теоріями или отгѣнками теорій по этому вопросу, причемъ классическая доктрина Рикардо отнесена къ числу устарѣлыхъ и несостоятельныхъ. Марксу удѣлено въ этомъ обширномъ обзорѣ всего семь страницъ, и заключеніе, къ которому приходитъ авторъ,—вполнѣ отрицательное. Въ теоріи цѣнности,—говоритъ онъ,—«Марксъ поддерживаесть всѣ заблужденія и предразсудки ортодоксальной политической экономіи и въ своемъ довѣрїи къ дедукціямъ изъ выдуманныхъ предположеній идетъ гораздо дальше Рикардо». Ученіе Маркса, возстановляющее старую доктрину классической англійской школы, есть «шагъ назадъ, а не впередъ»; социалисты остаются теперь «единственными представителями теоріи цѣнности, выработанной этою школою» ²⁾. Авторъ долженъ былъ бы сказать—«нѣмецкіе социалисты», потому что ни французскіе, ни англійскіе, ни американскіе теоретики социализма не считали нужнымъ, подобно Марксу, входить въ діалектическія подробности споровъ о цѣнности для оправданія своихъ общихъ положеній и выводовъ. Въ экономической литературѣ Франціи и Англии теорія Маркса мало извѣстна, а тѣ ученые экономисты, которые съ нею знакомы, какъ, напр., Эмиль де-Лавелей, находятъ въ ней «искусное сплетеніе заблужденій и тонкостей, смѣшанныхъ съ нѣкоторыми истинами» ³⁾.

¹⁾ Lujo Brentano, Ueber die Ursachen der heutigen sozialen Noth. Lpz., 1889, стр. 7: «...während die Marx'sche Werthlehre in wissenschaftlichen Kreisen heute ohne alle Anhänger ist». Ср. русскій переводъ, Одесса, 1896 г., стр. 10.

²⁾ Dr. Robert Zuckerkandl. Zur Theorie des Preises mit besonderer Berücksichtigung der geschichtlichen Entwicklung der Lehre. Lpz., 1889, стр. 289—296.

³⁾ Emile de Laveleye, Le socialisme contemporain, Paris, 1883, стр. 37: «un habile tissu d'erreurs et de subtilités, entremêlées de quelques vérités.».

У насъ тоже существуетъ цѣлый рядъ диссертаций о цѣнности—гг. Зибера, Патлаевского, Коссовскаго, Залѣскаго, Орженецкаго, Буха, Дена и другихъ, независимо отъ обширныхъ отдѣловъ въ трактатахъ о деньгахъ и въ общихъ курсахъ политической экономіи. Достигнуто ли что-нибудь положительное этими многочисленными изслѣдованіями и разсужденіями, и не принадлежитъ ли самая разработка вопроса къ числу тѣхъ безплодныхъ словопреній, которыя никогда ни къ чему привести не могутъ? Въ упомянутомъ выше обзорѣ г. Цукеркандля разбирается множество теорій и взглядовъ, и въ концѣ концовъ читатель выноситъ одно впечатлѣніе,—что всѣ мнимо-научные споры о цѣнности вертятся около словесныхъ опредѣленій и имѣютъ вполне схоластическій характеръ. По меланхолическому признанію автора, «результаты, добытые доктриною, не таковы, чтобы даже при самомъ старательномъ эклектизмѣ можно было овладѣть полною истиною или только значительною долею ея;—рѣшеніе проблемы о цѣнности должно быть испробовано на новыхъ, недавно установленныхъ, основаніяхъ». Послѣ разбора мнѣній почти цѣлой сотни выдающихся экономистовъ оказывается, что вопросъ еще не исчерпанъ и требуетъ дальнѣйшаго изслѣдованія на новыхъ «реалистическихъ» началахъ! То же самое было бы и въ естественныхъ наукахъ, еслибы представители ихъ занимались анализомъ понятій и словъ, вмѣсто изученія и анализа реальныхъ явленій. Неудивительно поэтому, что и въ трехъ объемистыхъ томахъ Маркса вопросъ о цѣнности не доведенъ до разрѣшенія, достаточно убѣдительнаго для безпристрастнаго читателя.

Казалось бы, нѣтъ ничего проще той общеизвѣстной истины, что мѣновую цѣнность имѣютъ только предметы, для производства или добыванія которыхъ необходимъ человѣческій трудъ. То, что всякому доступно даромъ, безъ употребленія какихъ-либо усилій и затратъ, не имѣетъ цѣны. Чѣмъ больше труда требуется для приготовленія извѣстной вещи, тѣмъ цѣнность ея выше, и наоборотъ. Въ этомъ смыслѣ Адамъ Смитъ и Рикардо утверждали, что трудъ есть источникъ и мѣрило цѣнности. Но количество труда, употребленнаго на производство, сводится къ количеству издержекъ, которыя должны быть возмѣщены въ цѣнѣ продукта, съ присоединеніемъ прибыли; а издержки покрываются и при-

былъ получается только при достаточномъ спросѣ на товаръ со стороны потребителей. Все это, повидимому, не даетъ матеріала для метафизики. Рикардо оговаривается притомъ, что цѣнность измѣряется количествомъ затраченнаго труда только при двухъ условіяхъ,—если производство товаровъ можетъ увеличиваться неограниченно по мѣрѣ приложенія челоуѣческаго труда, и если оно подлежитъ дѣйствию свободнаго соперничества. Цѣны продуктовъ могутъ быть значительно выше сдѣланныхъ затратъ, но товаръ, требующій вдвое больше труда, будетъ и стоить вдвое дороже, чѣмъ другой; поэтому только относительная цѣнность товаровъ при обмѣнѣ опредѣляется относительными количествами труда, употребленнаго на ихъ производство. Ничего абсолютнаго нѣтъ въ этомъ представленіи о трудѣ, какъ мѣрилѣ цѣнности. Рикардо прилагаетъ свою теорію и къ заработной платѣ. Естественная цѣна труда зависитъ отъ количества средствъ, необходимыхъ для существованія рабочихъ и ихъ семействъ, а размѣръ этихъ средствъ опредѣляется потребностями, которыя въ каждой странѣ зависятъ отъ нравовъ и степени культуры народа. «Друзья челоуѣчества,—замѣчаетъ Рикардо,—должны желать, чтобы рабочіе классы повсюду имѣли потребность въ удобствахъ и наслажденіяхъ, и чтобы они были поощряемы къ доставленію ихъ себѣ всѣми законными средствами. Въ тѣхъ краяхъ, гдѣ бѣдные классы имѣютъ менѣе потребностей и довольствуются самой дешевой пищей, народъ подвергается величайшимъ превратностямъ и нищетѣ. Онъ не имѣетъ никакой защиты отъ бѣдствій; онъ не можетъ искать себѣ убѣжища даже въ болѣе скромномъ положеніи; онъ и безъ того уже достигъ такой низкой ступени, что не можетъ опуститься еще ниже. Для замѣны главнаго продукта, служащаго для поддержанія ихъ жизни, существуетъ лишь весьма незначительное количество другихъ вещей, а дороговизна этихъ вещей сопровождается для нихъ почти всѣми бѣдствіями голода»¹⁾. Такъ говоритъ теоретикъ, котораго французы называли экономистомъ «sans entrailles», — типическій представитель промышленнаго класса, столь ненавистнаго другому представителю этого класса, Марксу.

По ученію Рикардо, заработная плата возвышается, а прибыль

¹⁾ Сочиненія Давида Рикардо, въ переводѣ Н. Зиберы. Спб., 1882, стр. 51.

падаетъ, вмѣстѣ съ развитіемъ народнаго хозяйства; возвышеніе заработной платы понижаетъ прибыль, и наоборотъ, — такъ что между капиталистами и рабочими существуетъ естественная противоположность интересовъ. Указаніе на этотъ антагонизмъ, въ связи съ принятіемъ труда за единственный источникъ богатства, должно было оживить общественное вниманіе къ рабочему вопросу и способствовать болѣе энергической его постановкѣ. Трудъ создаетъ богатство, а трудящіеся обречены на бѣдность и страданія;—это внутреннее противорѣчіе особенно ярко выясняется въ трактатѣ Рикардо. Сопоставленіе бѣдствій рабочаго класса съ создаваемыми имъ промышленными богатствами настолько общедоступно и краснорѣчиво само по себѣ, что не требуется вовсе никакихъ дальнѣйшихъ теоретическихъ доводовъ въ пользу болѣе справедливаго участія рабочихъ въ выгодахъ производства. То, что прежде вызывалось простымъ человѣколюбіемъ, опирается уже на чувство правды и сознаніе права; эти ясные, понятные всѣмъ мотивы легли въ основу французскаго социализма, независимо отъ вліянія англійскихъ экономическихъ теорій.

Нѣмецкіе систематики не могли довольствоваться безыскусственными разсужденіями Луи-Блана или Прудона, обращающимися прямо къ здравому смыслу и къ сердцу читателя; ученые нѣмцы должны были построить цѣлое научное зданіе, хотя и на чужомъ фундаментѣ. Теорія Рикардо сдѣлалась оплотомъ новѣйшаго научнаго социализма, преимущественно нѣмецкаго. Простыя и краткія указанія англійскаго экономиста породили весьма значительную литературу, которая большею частью только затемнила и спутала ихъ. Самъ Рикардо вѣрилъ еще въ незыблемую прочность и нормальность промышленнаго порядка, основаннаго на господствѣ капитала надъ трудомъ и на свободѣ конкуренціи; нѣмецкіе послѣдователи его внесли свою историческую точку зрѣнія и въ то же время превратили его ученіе въ схоластику, которую стали вдобавокъ загромождать огромнымъ и все болѣе возрастающимъ фактическимъ и литературнымъ балластомъ. Рикардо ставилъ извѣстныя гипотезы и освѣщалъ ихъ примѣрными комбинаціями и расчетами, относительно произвольности которыхъ онъ не оставлялъ никакого сомнѣнія въ читателѣ; истолкователи и продолжатели его приняты гипотезы за истины, а при-

мѣры — за доказательства. Такъ дѣйствуетъ, между прочимъ, Марксъ, соединяющій въ себѣ всѣ характерныя черты нѣмецкаго ученаго теоретика.

Сущность разсужденій Маркса о цѣнности, трудѣ и капиталѣ можетъ быть выражена въ немногихъ словахъ. Трудъ есть источникъ цѣнности товаровъ; извѣстныя количества человѣческаго труда кристаллизуются въ его продуктахъ и опредѣляютъ мѣру ихъ мѣновой стоимости. Разумѣется, принимается во вниманіе только то количество труда, которое необходимо для приготовленія товара при данныхъ общественныхъ условіяхъ производства. Товары обмѣниваются по трудовой ихъ стоимости; продукты, заключающіе въ себѣ равныя количества труда, равноцѣнны, и при обмѣнѣ ихъ черезъ посредство денегъ не можетъ возникнуть никакой прибыли. Прибыль капитала образуется въ періодъ производства, вслѣдствіе того, что наемный трудъ рабочихъ производить больше, чѣмъ стоитъ онъ капиталисту. Цѣнность труда опредѣляется количествомъ средствъ, необходимыхъ для содержанія работника и его семьи; нѣкоторая часть рабочаго дня достаточна для покрытія этой наемной цѣны труда, и слѣдовательно, въ теченіе остальныхъ часовъ работы создается уже прибавочная цѣнность, не оплаченная хозяиномъ и присвоиваемая имъ даромъ безъ соотвѣтственнаго эквивалента. Эта прибавочная цѣнность, создаваемая трудомъ наемныхъ рабочихъ, есть единственный источникъ богатства капиталистовъ. Рабочій продаетъ не свой трудъ, а свою рабочую силу, изъ которой хозяинъ старается извлечь какъ можно больше производительнаго труда; другими словами, рабочій отдаетъ себя въ распоряженіе капиталиста безъ всякихъ условій о количествѣ ежедневной работы; онъ продаетъ самого себя, а не то или другое количество своихъ рабочихъ часовъ, заранѣе опредѣленное при наймѣ.

Въ опредѣленіи мѣновой стоимости труда Марксъ, такимъ образомъ, существенно отступаетъ отъ основнаго понятія цѣнности. Онъ ставитъ цѣнность труда въ зависимость не отъ того, сколько стоитъ его приготовленіе и доставленіе на рынокъ, или сколько требуется для содержанія и постояннаго возстановленія рабочей силы, а отъ того, какую пользу можетъ трудъ принести покупателю; излишекъ же пользы, извлекаемой покупателемъ, признается неоплаченнымъ, несмотря на фактъ продажи труда

самимъ рабочимъ по условленной цѣнѣ. Между тѣмъ, относительно всѣхъ другихъ товаровъ нѣтъ и рѣчи о соображеніяхъ подобнаго рода, хотя вполне возможны товары, доставляющіе особыя выгоды пріобрѣтателю, — на примѣръ, усовершенствованныя орудія и машины, увеличивающія производительность труда. По Марксу, только живой человѣческой трудъ производитъ цѣнность; капиталъ, какъ мертвый продуктъ труда, не производителенъ самъ по себѣ; онъ только всасываетъ въ себя живую работу, какъ вампиръ, и оживляется трудомъ для производства. Капиталъ только восстанавливаетъ свою цѣнность въ производствѣ, не прибавляя ничего къ цѣнности производимыхъ товаровъ. Машины только оплачиваютъ свою стоимость; производительность ихъ — даровая, какъ и производительность силъ природы. Такъ какъ прибыль доставляется лишь тою частью капитала, которая идетъ на оплату наемнаго труда рабочихъ, то капиталисты должны были бы быть заинтересованы въ употребленіи возможно большаго числа рабочихъ; но по разнымъ причинамъ хозяева, напротивъ, стремятся въ сокращенію числа рабочихъ и къ болѣе широкому примѣненію машинъ, причемъ вознаграждаютъ себя удлиненіемъ рабочаго дня и увеличеніемъ интензивности работы.

Разные виды труда, начиная съ научно-техническаго и кончая простымъ мускульнымъ, приводятся Марксомъ къ одной и той же нормѣ — къ абстрактной человѣческой работѣ, воплощаемой въ производимыхъ товарахъ. Высшія формы труда оплачиваются дороже, но болѣе высокая оцѣнка ихъ сравнительно съ черною работою не измѣняетъ сущности и не мѣшаетъ опредѣлять стоимость товаровъ по количеству заключающагося въ нихъ простаго человѣческаго труда. Въ дальнѣйшемъ своемъ анализѣ Марксъ уже говоритъ исключительно объ эксплуатаціи простыхъ наемныхъ рабочихъ на фабрикахъ и заводахъ, совершенно оставляя въ сторонѣ участіе высшаго технического труда — тоже наемнаго — въ производствѣ. Прибыль создаютъ только простые рабочіе, отдающіе капиталисту излишнее количество рабочихъ часовъ сверхъ оплаченныхъ, т. е. необходимыхъ для возмѣщенія заработной платы; только высасываніе этого труда обогащаетъ капиталиста. Если представить себѣ, что нѣсколько женщинъ и дѣтей приводятъ въ движеніе сложный механизмъ обширной фабрики, то эти женщины и дѣти, наблюдающія за дѣйствіемъ огромныхъ

TS

 2551
 09

машинъ, производятъ всю прибавочную цѣнность товаровъ и vyrabatyvayutъ весь чистый доходъ предпріятія. Въ одномъ мѣстѣ самъ Марксъ допускаетъ такое усовершенствованіе машиннаго производства, что одинъ простой работникъ будетъ въ состояніи управлять всѣмъ ходомъ фабрики; въ такомъ случаѣ, по теоріи Маркса, этотъ одинъ чернорабочій будетъ производителемъ всей прибыли, доставляемой фабрикою.

На этой капитальной ошибкѣ, какъ увидимъ далѣе, построены всѣ положенія Маркса о прибавочной цѣнности и прибыли,—положенія, признаваемые наиболѣе важными и оригинальными въ его доктринѣ.

III.

«Трудное начало науки».—Анализъ понятій о товарѣ и цѣнности.—Человѣческой трудъ, какъ реальность и какъ фикція.—Различные виды труда.—Замѣчательныя научныя открытія.

Основное ученіе Маркса о цѣнности, изложенное въ первой главѣ его «Капитала», должно представлять, по словамъ самого автора, наибольше трудностей для обыкновеннаго читателя. «Всякое начало трудно,—говоритъ онъ,—и это чувствуется одинаково въ каждой наукѣ. Пониманіе первой главы, именно того отдѣла, въ которомъ содержится анализъ товара, окажется поэтому наиболѣе затруднительнымъ. Что касается анализа существа и мѣры цѣнности, то я по возможности популяризировалъ его... Для несвѣдущаго человѣка этотъ анализъ можетъ показаться состоящимъ изъ однѣхъ тонкостей; въ самомъ дѣлѣ рѣчь идетъ здѣсь о тонкостяхъ, но въ такомъ же смыслѣ, какъ занимается ими микрологическая анатомія. За исключеніемъ перваго отдѣла, о формѣ цѣнности, нельзя будетъ обвинять эту книгу въ неудобопонятности. Я предполагаю, разумѣется, такихъ читателей, которые хотятъ научиться чему-нибудь новому и, слѣдовательно, желаютъ сами думать» ¹⁾.

¹⁾ Стр. 3—4 (изд. 1872 г.).

«Обыкновенно думаютъ, — поясняетъ, съ своей стороны, одинъ изъ дѣятельныхъ популяризаторовъ и толкователей Маркса, Каутскій, — что политическая экономія есть такая отрасль знанія, которую всякій можетъ понимать безъ малѣйшей подготовки. Между тѣмъ это есть наука, и притомъ одна изъ труднѣйшихъ, ибо едва ли существуетъ предметъ болѣе сложный, чѣмъ общество. Конечно, чтобы понять то собраніе общихъ мѣстъ, которое Марксъ называетъ вульгарной экономіей, нужно не больше знаній, чѣмъ сколько пріобрѣтаетъ каждый самъ по себѣ при дѣловыхъ отношеніяхъ повседневной жизни. Но пониманіе «Капитала» Маркса, который кладетъ начало новой исторической и экономической системѣ, предполагаетъ не только извѣстныя историческія свѣдѣнія, но и знаніе фактовъ, представляемыхъ крупною промышленностью. Кто хоть отчасти не знаетъ фактовъ, изъ которыхъ Марксъ извлекаетъ свои экономическіе законы, тотъ не получитъ яснаго понятія о смыслѣ этихъ законовъ, и можетъ жаловаться на мистицизмъ или гегельянство. Самое ясное изложеніе ему не поможетъ». Особенно важно, по мнѣнію Каутскаго, предварительное знакомство съ фактами для пониманія первой главы «Капитала» ¹⁾).

Безъ сомнѣнія, тѣ трудности, о которыхъ говоритъ Марксъ, относятся вовсе не къ фактамъ, какъ утверждаетъ Каутскій. Общія теоретическія понятія основываются на анализѣ общихъ типическихъ явленій, и если этотъ анализъ не всѣмъ понятенъ и доступенъ, то знаніе фактовъ тутъ совершенно ни при чемъ. Всего менѣе можно упрекнуть книгу о «капиталѣ» въ недостаточности или неясности фактического матеріала. Замѣчаніе Каутскаго, прямо противорѣчащее объясненію самого Маркса, служитъ только интереснымъ образчикомъ того, какъ ученики и послѣдователи перетолковываютъ мнѣнія учителя даже въ мелочахъ. Марксъ предупреждаетъ читателя насчетъ тонкостей отвлеченнаго анализа, затрудняющихъ начало данной науки, а Каутскій видитъ затрудненіе въ малой извѣстности фактовъ, подвергаемыхъ анализу или принимаемыхъ въ расчетъ въ ходѣ изслѣдованія. Марксъ требуетъ отъ своихъ читателей способности и

¹⁾ Karl Marx's oekonomische Lehren. Gemeinverständlich dargestellt und erläutert von Karl Kautsky. Stuttgart, 1887, стр. V—VI.

желанія мыслить, а Каутскій совѣтуетъ запастись предварительно какими-то фактическими свѣдѣніями, необходимыми будто бы для пониманія аргументаціи Маркса. Факты, на которые опирается авторъ «Капитала» въ первой главѣ, могутъ быть названы элементарными; они извѣстны каждому изъ «дѣловыхъ отношеній повседневной жизни» и нисколько не возвышаются надъ уровнемъ вульгарной экономіи. Нужно большое вниманіе къ логическимъ соображеніямъ и выводамъ Маркса, составляющимъ для него «начало науки», и потому мы обязаны подробно разобрать существенное содержаніе первой вступительной части «Капитала».

«Богатство обществъ, въ которыхъ господствуетъ капиталистическій способъ производства, представляется огромнымъ собраніемъ товаровъ, а отдѣльный товаръ—его элементарною формою. Наше изслѣдованіе начинается поэтому съ анализа товара.» Такъ начинается книга Маркса. Этимъ общимъ положеніемъ авторъ сразу ставитъ политическую экономію на торгово-промышленную почву и въ то же время крайне суживаетъ понятіе богатства. Притомъ положеніе нуждается въ нѣкоторыхъ оговоркахъ: огромное собраніе товаровъ, на которые нѣтъ соответственнаго и вполне обеспеченнаго спроса, вовсе не будетъ богатствомъ, а можетъ, напротивъ, служить признакомъ экономическаго кризиса, предвѣщающаго общее промышленное бѣдствіе и разореніе. Даже при существованіи достаточнаго и постояннаго спроса, богатство капиталистическаго общества характеризуется не количествомъ произведенныхъ товаровъ, а состояніемъ производительныхъ силъ и средствъ, дающихъ возможность производить эти массы товаровъ.

«Товаръ—говорится далѣе,—есть прежде всего внѣшній предметъ, вещь; удовлетворяющая своими свойствами человѣческія потребности какого-либо рода. Природа этихъ потребностей—возникають ли онѣ, напр., изъ желудка или изъ воображенія—ни въ чемъ не измѣняетъ сущности дѣла. Безразлично также, какимъ образомъ вещь удовлетворяетъ человѣческую потребность, непосредственно ли, какъ средство къ жизни, т.-е. какъ предметъ пользованія, или же окольнымъ путемъ, какъ средство производства». Полезность вещи дѣлаетъ ее пригодною для потребленія, т.-е. потребительною цѣнностью, но не придаетъ ей

еще мѣновой цѣнности; не всѣ полезныя вещи могутъ быть предметами обмѣна или товарами, и мѣновая цѣнность, будучи въ то же время полезностью, не зависитъ отъ степени пользы и не соразмѣряется съ нею: желѣзо полезнѣе золота, но цѣнится гораздо менѣе, чѣмъ золото. Эту простую мысль Марксъ облакаетъ въ болѣе научную, по его мнѣнью, форму. Полезность «не виситъ въ воздухѣ;—обусловленная свойствами товарнаго тѣла, она не существуетъ безъ него. Самое вещество товара, какъ желѣзо, пшеница, алмазъ и т. п., есть поэтому потребительная цѣнность или имущество. Этотъ характеръ его не зависитъ отъ того, много или мало труда стоитъ человѣку присвоеніе его потребительныхъ свойствъ. При разсмотрѣннн потребительныхъ цѣнностей всегда предполагается ихъ количественная опредѣленность, какъ, напр., дюжина часовъ, аршинъ полотна, тонна желѣза и т. д. Потребительныя цѣнности товаровъ даютъ матеріалъ для особой отрасли свѣдѣній—товарнаго знанія. Потребительная цѣнность осуществляется только въ пользованіи или потребленіи. Потребительныя цѣнности образуютъ вещественное содержаніе богатства, какова бы ни была его общественная форма. Въ той общественной формѣ, которую мы будемъ разсматривать, онѣ служатъ въ то же время вещественными носительницами мѣновой цѣнности. Мѣновая цѣнность является прежде всего количественнымъ отношеніемъ или пропорціею при обмѣнѣ потребительныхъ цѣнностей одного рода на потребительныя цѣнности другого рода,—отношеніемъ, которое постоянно мѣняется, смотря по мѣсту и времени. Мѣновая цѣнность кажется поэтому чѣмъ-то случайнымъ и вполне относительнымъ; слѣдовательно, внутренняя, присущая товару мѣновая цѣнность (*valeur intrinsèque*) представляется внутреннимъ противорѣчіемъ» (стр. 9—11).

Въ чемъ же заключается сущность и источникъ цѣнности? Марксъ разрѣшаетъ этотъ вопросъ при помощи слѣдующаго силогизма: разнородные товары, обмѣниваемые между собою въ различныхъ пропорціяхъ, признаются равноцѣнными, несмотря на всѣ свои качественныя различія; равноцѣнность означаетъ равенство по отношенію къ чему-то третьему, общему всѣмъ сравниваемымъ товарамъ и присущему имъ въ одинаковой мѣрѣ; этимъ общимъ можетъ быть только воплощенный въ нихъ человѣческій трудъ. Но это не тотъ реальный трудъ, который потраченъ на

производство, а абстрактный, безразличный, всегда себѣ равный человѣческой трудъ, кристаллизирующійся въ производимыхъ товарахъ. Эта фикція отвлеченнаго, безпредметнаго труда становится основнымъ элементомъ всей теоріи цѣнности Маркса. Понятіе труда отдѣляется у него отъ представленія о цѣляхъ и потребностяхъ, ради которыхъ предпринимается трудъ; такъ же точно и цѣнность, создаваемая трудомъ, дѣлается самостоятельнымъ внутреннимъ свойствомъ товаровъ, независимо отъ ихъ полезности и мѣновой стоимости.

При обмѣнѣ,—говоритъ Марксъ,—принимаются въ расчетъ только количественныя отношенія, а не полезныя качества предметовъ; потребительная цѣнность оставляется совершенно въ сторонѣ. «Если же отбросить потребительную цѣнность товарныхъ веществъ, то у нихъ остается одно только свойство—то, что они составляютъ продукты труда. Однако, и продуктъ труда подвергается въ то же время метаморфозѣ. Устраняя значеніе его, какъ полезности, мы игнорируемъ также его вещественныя составныя части и формы, дѣлающія его полезнымъ для употребленія. Это уже не столъ, или домъ, или лень или какая нибудь другая полезная вещь. Всѣ внѣшнія особенности предмета уже погашены. Это также не продуктъ столярной работы, или строительной, или ткацкой, или вообще какой либо опредѣленной производительной работы. вмѣстѣ съ полезнымъ характеромъ трудовыхъ продуктовъ исчезаетъ полезный характеръ представляемыхъ ими работъ, исчезаютъ поэтому и различныя конкретныя формы этихъ работъ; онѣ уже не различаются между собою, а всѣ въ совокупности приведены къ одинаковому человѣческому труду, абстрактно-человѣческому труду. Отъ трудовыхъ продуктовъ ничего другого не остается, кромѣ той же призрачной вещественности,—это простой осадокъ безразличнаго человѣческаго труда, т.-е. затраты человѣческой рабочей силы, безъ вниманія къ формѣ ея затраты. Эти вещи представляютъ собою только то, что въ производствѣ ихъ израсходована человѣческая рабочая сила, накопленъ человѣческой трудъ. Въ качествѣ кристалловъ этой общей имъ соціальной сущности, онѣ—товары. Въ мѣновомъ отношеніи самыхъ товаровъ мѣновая цѣнность ихъ являлась намъ чѣмъ-то совершенно независимымъ отъ ихъ потребительнаго значенія. То общее, что выражается въ мѣновомъ отношеніи или

мѣновой цѣнности товаровъ, есть, слѣдовательно, ихъ цѣнность. Мѣновая цѣнность есть необходимая форма выраженія или проявленія цѣнности, которую слѣдуетъ, однако, разсматривать пока независимо отъ этой формы. Такимъ образомъ, полезный предметъ (потребительная цѣнность) имѣетъ цѣнность только потому, что въ немъ овеществленъ или матеріализованъ абстрактно-человѣческой трудъ. Какъ измѣняется величина этой цѣнности? Количествомъ содержащейся въ ней производительной силы или сущности—работы. Количество самой работы опредѣляется ея продолжительностью, и рабочее время имѣетъ свое мѣрило въ опредѣленныхъ частицахъ времени, какъ часть, день и т. д.). Однако, цѣнность товара зависитъ не отъ случайнаго количества труда, употребляемаго на производство тѣмъ или другимъ работникомъ, быть можетъ, лѣнивымъ или неискуснымъ. «Трудъ, образующій сущность цѣнности, есть равный человѣческой трудъ, затрата одной и той же рабочей силы. Совокупная рабочая сила общества, выражающаяся въ цѣностяхъ товарнаго міра, считается здѣсь одною и тою же человѣческою рабочею силою, хотя она состоитъ изъ безчисленныхъ индивидуальныхъ рабочихъ силъ. Каждая изъ этихъ индивидуальныхъ рабочихъ силъ есть такая же точно человѣческая рабочая сила, какъ и всякая другая, насколько она обладаетъ характеромъ средней общественной рабочей силы и дѣйствуетъ въ качествѣ такой средней общественной рабочей силы, т.-е. употребляетъ въ производствѣ товаровъ только необходимое въ среднемъ выводѣ или общественно-необходимое рабочее время. Общественно-необходимымъ рабочимъ временемъ признается рабочее время, требуемое для изготовленія какой-нибудь потребительной цѣнности при наличныхъ общественно-необходимыхъ условіяхъ производства и при общественной средней степени искусства и интензивности труда. По введеніи парового ткацкаго станка въ Англіи, напр., было достаточно, быть можетъ, на половину меньше работы, чѣмъ прежде, для превращенія въ ткань опредѣленнаго количества льна. Для этого превращенія англійскій ручной ткачъ въ дѣйствительности употреблялъ то же рабочее время, какъ и прежде, но продуктъ его индивидуальнаго рабочаго часа составлялъ теперь только половину общественнаго рабочаго часа и потерялъ поэтому половину своей прежней цѣны. Слѣдовательно, только количество

общественно-необходимой работы или общественно-необходимое для изготовления товара рабочее время опредѣляет мѣру его цѣнности. Отдѣльный товар разсматривается здѣсь вообще какъ средній экземпляръ своего рода ¹⁾. Товары, въ которыхъ содержатся одинаковыя количества работы или которые могутъ быть изготовлены въ теченіе одного и того же рабочаго времени, имѣютъ поэтому одинаковую цѣнность. Цѣнность одного товара относится къ цѣнности каждаго другого товара, какъ рабочее время, необходимое для производства одного, относится къ рабочему времени, необходимому для производства другого. Какъ цѣнности, всѣ товары суть только опредѣленныя массы протекшаго и отвердѣвшаго рабочаго времени. Величина цѣнности товара оставалась бы поэтому постоянною, еслибы требуемое для его производства рабочее время было постоянно. Послѣднее измѣняется, однако, съ каждой переменною въ производительной силѣ труда. Производительная сила работы обусловливается разнородными обстоятельствами,—между прочимъ, среднею степенью искусства работниковъ, степенью развитія науки и ея техническаго примѣненія, общественной комбинаціею процесса производства, объемомъ и производительностью средствъ производства и естественными условіями. То же количество труда въ благопріятное время года представляется, напр., восемью бушелями пшеницы, а въ неблагопріятное—только четырьмя. То же самое количество работы доставляетъ больше металла въ богатыхъ содержаніемъ рудникахъ, чѣмъ въ бѣдныхъ, и т. д. Бриллианты рѣдко встрѣчаются въ земной корѣ, и потому отысканіе ихъ стоитъ среднимъ числомъ много рабочаго времени. Слѣдовательно, они представляютъ въ небольшомъ объемѣ много работы. Сомнительно, покрылась ли когда-нибудь добычею золота полная его стоимость. Еще больше примѣнимо это къ брилліантамъ. По статистическимъ даннымъ, восьмидесяти-лѣтняя общая добыча всѣхъ бразильскихъ брилліантовыхъ

¹⁾ «Дѣйствительная цѣнность товара есть не индивидуальная, но общественная его цѣнность, т. е. она измѣняется не тѣмъ рабочимъ временемъ, какого онъ фактически стоитъ производителю въ отдѣльномъ случаѣ, но общественно-необходимымъ для его производства рабочимъ временемъ». «Овеществленный въ цѣнности трудъ есть трудъ средняго общественного качества и, слѣдовательно, проявленіе средней рабочей силы». Стр. 806 (вставки № 3 и 4).

копей къ 1823 году не достигла еще цѣны полутора-годоваго средняго продукта бразильскихъ сахарныхъ и кофейныхъ плантацій, хотя она представляла собою гораздо больше работы и слѣдовательно, больше цѣнности. Съ увеличеніемъ богатства копей то же самое количество труда представлялось бы большимъ количествомъ брилліантовъ, и ихъ цѣнность упала бы. Еслибы удалось съ небольшою работою превращать уголь въ брилліанты, то цѣнность ихъ могла бы упасть ниже цѣнности кирпичей. Вообще, чѣмъ выше производительная сила труда, тѣмъ меньше потребное для изготовленія предмета рабочее время, тѣмъ меньше кристаллизованная въ немъ масса труда, и тѣмъ меньше его цѣнность. Наоборотъ, чѣмъ меньше производительная сила работы, тѣмъ больше необходимое для его изготовленія рабочее время и тѣмъ выше его цѣнность. Мѣра цѣнности товара измѣняется такимъ образомъ прямо пропорціонально количеству и обратно пропорціонально производительной силѣ овеществляющагося въ немъ труда». Наконецъ, Марксъ напоминаетъ, что не всѣ полезные предметы суть цѣнности или товары. «Вещь можетъ быть полезною и быть продуктомъ чловѣческой работы, не будучи товаромъ. Кто удовлетворяетъ своимъ продуктомъ свою собственную потребность, тотъ создаетъ полезность или потребительную цѣнность, но не товары. Чтобы производить товары, онъ долженъ не только производить полезности, но производить ихъ для другихъ,—производить общественную полезность. Съ другой стороны, никакая вещь не можетъ быть цѣнностью, не будучи предметомъ потребления. Если она бесполезна, то и заключающийся въ ней трудъ бесполезенъ, не принимается во вниманіе, какъ трудъ, и поэтому не образуетъ цѣнности» (стр. 12—16).

Такимъ образомъ, цѣнность продукта не зависитъ отъ его полезности и въ то же время безъ нея вовсе не существуетъ; она неразрывно связана съ нею и вмѣстѣ съ тѣмъ отдѣляется отъ нея, какъ нѣчто вполне самостоятельное. Цѣнность присуща товару, соотвѣтственно воплощенному въ немъ количеству чловѣческаго труда, и въ то же время она вовсе не присуща товару, а опредѣляется посторонними условіями, общественными и природными, причемъ количество воплощенной работы не играетъ уже никакой самостоятельной роли. Цѣнность есть кристаллизованный трудъ, и мѣра ея опредѣляется количествомъ заключаю-

шагося въ товарѣ труда; въ то же время цѣнность вовсе не отвѣтствуетъ количеству кристаллизованной въ продуктѣ работы, а падаетъ или возвышается при одномъ и томъ же количествѣ труда, въ зависимости отъ случайныхъ внѣшнихъ обстоятельствъ, напр. отъ степени урожайности данного участка, отъ богатства или бѣдности разрабатываемыхъ копей и т. п. Оговорки насчетъ общественно-необходимаго рабочаго времени и общественныхъ условій производства мало помогаютъ дѣлу, какъ видно и изъ приведенныхъ Марксомъ примѣровъ. Введеніе парового ткацкаго станка можетъ обнимать только нѣкоторую часть производства данной категоріи товаровъ, не оказывая большого вліянія на количество продуктовъ, производимыхъ трудомъ ручныхъ ткачей; тогда нѣтъ еще основанія говорить о перемѣнѣ общественныхъ условій производства, и съ точки зрѣнія средняго общественно-необходимаго кристаллизованнаго труда остается непонятнымъ, почему цѣнность всей ручной ткацкой работы должна понизиться на половину послѣ уменьшенія на половину количества труда при фабричномъ производствѣ нѣкоторой части тѣхъ же товаровъ. Куда же дѣвается вдругъ половина накопленнаго, кристаллизованнаго труда ручныхъ ткачей? Отчего нормою общественно-необходимаго рабочаго времени для производства товаровъ берется здѣсь одинъ лишь фабричный трудъ, а не тотъ средній общественный трудъ, который обнимаетъ собою и всю продолжающую дѣйствовать ручную ткацкую работу? Секретъ объясняется тѣмъ, что цѣнность, совпадающая съ общественно-необходимымъ трудомъ, незамѣтно подмѣнивается здѣсь вульгарнѣйшею рыночною цѣнностью или продажною цѣною товаровъ, которая дѣйствительно регулируется въ данномъ случаѣ наиболѣе дешевыми цѣнами фабричныхъ продуктовъ. Последнее положеніе о регулированіи цѣнъ наиболѣе дешевыми продуктами не могло еще быть установлено и принято въ расчетъ при общемъ теоретическомъ анализѣ цѣнности, и тѣмъ не менѣе оно уже заранѣе вводится въ этотъ анализъ, безъ малѣйшаго къ тому логическаго основанія.

Другіе два примѣра, приводимые Марксомъ, еще яснѣе показываютъ несостоятельность принимаемой имъ фикціи кристаллизованнаго труда, какъ опредѣлителя цѣнности. Если при урожаѣ тотъ же самый трудъ даетъ вдвое больше продуктовъ, чѣмъ въ дру-

гое время, то это еще не значитъ, что общественно-необходимое количество труда для ихъ производства уменьшилось на половину, ибо для этого вывода требовалось бы предположить урожай повсемѣстный, а не въ одной только странѣ или области; при мѣстномъ же урожаѣ цѣнность продуктовъ можетъ не измѣниться, несмотря на уменьшеніе количества заключающейся въ нихъ работы. Въ неурожайное время трудъ, вложенный въ землю и долженствующій образовать цѣнность, пропадаетъ, не кристаллизуется ни въ какихъ товарахъ и оказывается, слѣдовательно, непроизводительнымъ не по своей винѣ, чего опять-таки не бываетъ въ фабричномъ производствѣ. Поставивъ же рыночную цѣну или мѣновую стоимость на мѣсто теоретической внутренней цѣнности, какъ это допущено Марксомъ въ примѣрѣ ручныхъ ткачей, мы уже не можемъ сказать, что болѣе дешевые продукты плодородныхъ земель или урожайныхъ мѣстъ опредѣляютъ цѣны всей совокупности продуктовъ данного рода; по крайней мѣрѣ, школа Рикардо — и въ томъ числѣ самъ авторъ «Капитала» — признаетъ, что мѣновая цѣнность хлѣбныхъ товаровъ регулируется не наименьшимъ количествомъ необходимой производительной работы, какъ въ фабричномъ производствѣ, а напротивъ, наибольшими затратами труда на малопродуктивныхъ земляхъ, обработка которыхъ еще необходима для удовлетворенія потребности общества въ хлѣбѣ¹⁾. Марксъ поясняетъ также, что при замѣнѣ капиталистическаго производства коллективнымъ цѣнность хлѣбныхъ продуктовъ опредѣлялась бы *среднимъ* количествомъ труда, потраченнаго на производство въ предѣлахъ всего вообще воздѣльваемого пространства земли, такъ что цѣнность продуктовъ худшаго участка была бы ниже издержанной суммы труда, а продукты лучшихъ участковъ цѣнились бы выше дѣйствительныхъ затратъ (тамъ же, т. III, ч. II, стр. 200); слѣдовательно и въ этомъ примѣрѣ нѣтъ соответствія между цѣнностью продуктовъ данного участка и количествомъ воплощен-

¹⁾ Т. III, ч. II, стр. 197 и слѣд. Исключеніе допускается Марксомъ (вслѣдъ за Шторхомъ) только для тѣхъ случаевъ, когда болѣе дешевые продукты производятся въ количествѣ, превышающемъ спросъ; въ этомъ смыслѣ англійскія хлѣбныя цѣны регулируются американскими. Но въ сущности это вовсе не исключеніе, такъ какъ избытокъ дешевыхъ продуктовъ дѣлаетъ излишнюю обработку худшихъ земель.

ной въ нихъ работы. Средней общественно-необходимой нормы труда для производства извѣстнаго количества продуктовъ не существуетъ вообще въ земледѣліи, при разнообразіи естественныхъ свойствъ почвы и при переменчивыхъ вліяніяхъ климата. Такимъ образомъ, примѣры, касающіеся земледѣльческаго производства, совершенно не подходятъ къ аргументаціи, имѣющей въ виду исключительно фабрично-заводскую промышленность.

Что касается добыванія драгоценныхъ камней и металловъ, упоминаемыхъ Марксомъ, то въ замѣчаніяхъ его по этому предмету бросается въ глаза сознательное смѣшеніе двухъ разнородныхъ понятій—количества труда и количества издержекъ производства. Правда, затраты капитала тоже могутъ быть переведены на расходованіе труда и продуктовъ труда; но для Маркса производителемъ цѣнности является только живой человѣческой трудъ, и онъ вполне пренебрегаетъ теорію издержекъ производства, усвоенною всѣми учебниками вульгарной политической экономіи. Когда говорится о золотѣ, что оно едва ли когда-либо окупало свою полную цѣнность, то это можетъ быть понято только въ одномъ смыслѣ: общая цѣнность добываемаго золота не окупала издержекъ его добыванія въ разныхъ краяхъ. Мы имѣемъ статистическія данныя о цифрахъ добычи золота и денежныхъ затратахъ производства на золотыхъ промыслахъ; но мы ничего не знаемъ о количествѣ труда, употребляемаго на добываніе золота, и замѣна слова «издержки» словомъ «трудъ» не устраняетъ, конечно, того факта, что рѣчь идетъ именно о денежной стоимости производства. Точно такъ же, если разработка бразильскихъ бриллиантовыхъ копей плохо окупалась, то это означаетъ только, что въ среднемъ итогѣ онѣ давали незначительный доходъ сравнительно съ произведенными денежными затратами, каково бы ни было количество потраченнаго труда въ этой отрасли предпримчивости. Марксъ говоритъ о трудѣ, а въ самомъ дѣлѣ ссылается на издержки производства. Замѣтимъ впрочемъ, что выводъ о средней малоходности указанныхъ предприятий получается обыкновенно при помощи ошибочнаго расчета: многіе искатели золота и бриллиантовъ разоряются просто потому, что не могутъ напасть на слѣдъ скрытыхъ въ землѣ богатствъ; ихъ усилія бесполезны, а то, что тратится безъ пользы, не должно приниматься въ соображеніе при оцѣнкѣ средней производительности реаль-

ныхъ промысловъ, доставляющихъ реальные продукты. Еслибы бесполезныя затраты неудачныхъ пріисковъ и копей не включались въ общую цифру расходовъ по добыванію золота и брилліантовъ, то не было бы матеріала для заключеній о недостаточной средней выгодности этихъ промысловъ,—заключеній, съ которыми соглашается Марксъ. Относительно ручныхъ ткачей, какъ мы видѣли, принята другая точка зрѣнія; напрасныя затраты ихъ труда просто вычеркиваются изъ общаго счета необходимыхъ затратъ на производство ткацкихъ издѣлій, по введеніи фабричнаго производства.

Посмотримъ теперь, во что превращается силлогизмъ, съ котораго Марксъ начинаетъ свое разсужденіе о трудѣ, какъ источникѣ и мѣрилѣ цѣнности. Рядомъ поставлены различныя количества разнородныхъ товаровъ, признаваемые равноцѣнными при обмѣнѣ,—пшеница, желѣзо, ткацкія издѣлія, золото, брилліантъ. Въ нихъ есть нѣчто общее, дѣлающее ихъ равными между собою, и предположимъ, что это общее третье намъ еще неизвѣстно и должно еще быть отыскано. Всѣ эти товары требовали извѣстнаго труда для своего изготовленія или доставленія на рынокъ; но можно ли утверждать, что въ нихъ заключается одинаковое количество труда, какъ это въ самомъ началѣ категорически высказываетъ Марксъ? Самъ авторъ видитъ, что нельзя, и онъ прибавляетъ затѣмъ три важныя ограниченія—среднюю общественно-необходимую норму работы, общественныя условія производства и степень производительности труда въ зависимости отъ постороннихъ и случайныхъ обстоятельствъ, природныхъ и общественныхъ. При этихъ ограничительныхъ оговоркахъ, обмѣниваемые между собою равноцѣнные товары могутъ содержать въ себѣ совершенно различныя количества челоѣческой работы, и тѣмъ не менѣе признается уже доказаннымъ, что эти различныя количества труда въ сущности не различны, а равны между собою, съ абстрактной точки зрѣнія, и что именно этими количествами труда измѣряется цѣнность товаровъ, какъ это заранѣе установлено въ принципѣ. Мы имѣемъ рядомъ пшеницу урожайнаго и неурожайнаго года, желѣзо изъ богатѣйшихъ и бѣдныхъ рудъ, продукты ручной ткацкой работы и фабричной, золото изъ богатыхъ залежей и скудныхъ россыпей, драгоцѣнные камни

изъ разныхъ частей свѣта¹⁾. Мы знаемъ положительно, что всѣ эти равноцѣнные товары представляютъ крайне различныя массы человѣческаго труда, что пшеница изъ урожайныхъ странъ добыта съ меньшимъ трудомъ, чѣмъ въ неурожайныхъ, что продукты ручной ткацкой работы стоили вдвое больше труда, чѣмъ фабричныя издѣлія, что желѣзо могло требовать больше или меньше работы, смотря по богатству рудъ и по способу ихъ разработки, и что золото и брилліанты могли стоить въ десять или въ сто разъ меньше труда, чѣмъ сравниваемые съ ними товары. Это разнообразіе количествъ человѣческой работы, воплощенныхъ въ указанныхъ товарахъ, намъ вполне извѣстно; но самого количества потраченного на нихъ труда мы не знаемъ, и его не возьмется опредѣлить реально ни одинъ экономистъ; а не зная массы употребляемой работы въ отдѣльныхъ производствахъ и въ общей совокупности ихъ, мы ничего не можемъ сказать о средней общественно-необходимой нормѣ абстрактнаго человѣческаго труда, воплощаемого въ производимыхъ товарахъ, и эта средняя норма остается для насъ величиною совершенно неизвѣстною и неуловимою. Столь же мало можемъ мы опредѣлить степень и объемъ дѣйствія тѣхъ естественныхъ и общественныхъ условий, которыя непосредственно вліяютъ на количество необходимой человѣческой работы въ разныхъ отрасляхъ промышленности и въ различныхъ странахъ земного шара. Такимъ образомъ, Марксъ предлагаетъ объяснить одно неизвѣстное—причину равной цѣнности разнородныхъ товаровъ—другимъ, столь же неизвѣстнымъ и еще болѣе неопредѣленнымъ, недоступнымъ никакой провѣркѣ, и это второе неизвѣстное должно замѣнить собою несомнѣнно извѣстное намъ разнообразіе количествъ труда въ отдѣльныхъ товарахъ и служить окончательнымъ теоретическимъ основаніемъ и мѣриломъ ихъ цѣнности.

Чтобы сдѣлать свой выводъ, Марксъ пропускаетъ ближайшія звенья въ цѣпи изучаемыхъ явленій и прямо прибѣгаетъ къ абстракціи; а между тѣмъ прежде всего слѣдовало рассмотреть то

¹⁾ Само собою разумѣется, что здѣсь идетъ рѣчь не объ индивидуальной цѣнности, зависящей отъ случайныхъ причинъ, а о средней общественной цѣнности различныхъ категорій товаровъ, производство которыхъ находится въ неодинаковыхъ условіяхъ въ силу постоянно дѣйствующихъ естественныхъ и общественныхъ причинъ.

ближайшее, что лежитъ въ основѣ равной цѣнности обмѣниваемыхъ товаровъ,—среднія издержки производства или добыванія ихъ. Силлогизмъ долженъ былъ бы принять такой видъ: сопоставляемые разнородные товары обмѣниваются по равной цѣнѣ; поэтому въ нихъ должно заключаться нѣчто общее, уравнивающее ихъ, и это общее прежде всего выражается въ равныхъ издержкахъ производства. Потребовался бы уже дальнѣйшій анализъ, чтобы перевести издержки производства на трудъ, и выводы получились бы тогда нѣсколько иные; для непосредственного же заключенія о равномъ трудѣ, воплощенномъ въ равноцѣнныхъ товарахъ, не было ни логическихъ, ни фактическихъ основаній. Перескочивъ, такъ сказать, черезъ ближайшую фактическую основу равноцѣнности товаровъ, Марксъ не избавилъ себя отъ необходимости говорить о ней косвенно, по поводу затратъ на добываніе золота и брилліантовъ, и эта непоследовательность прикрыта лишь игрою словъ. Въстѣ съ тѣмъ общее положеніе о цѣнности, какъ о кристаллизованномъ трудѣ, называется непримѣнимымъ къ извѣстнымъ разрядамъ товаровъ, и Марксу приходится быть осторожнымъ въ выборѣ примѣровъ, чтобы не поколебать свою теорію. Возьмемъ на удачу товары разнаго рода, кромѣ фабричныхъ,—драгоценные камни, апельсины, убойный скотъ, дичь, дубовый лѣсъ, сибирскіе мѣха и т. п. Можно ли сказать обо всѣхъ этихъ предметахъ, что въ нихъ овеществленъ человѣческой трудъ въ томъ же смыслѣ, какъ въ кускѣ полотна или въ мѣрѣ пшеницы? Въ фабричномъ продуктѣ дѣйствительно воплощается извѣстное количество человѣческой работы; это дѣйствительно продуктъ труда, безъ котораго онъ и не существовалъ бы; но попробуемъ приложить ту же самую мѣрку къ перечисленнымъ товарамъ другого типа, и выйдетъ явная несообразность.

Человѣческой трудъ матеріализованъ въ убойномъ скотѣ, въ вѣковомъ дубовомъ лѣсѣ, въ золотѣ и драгоценныхъ камняхъ, въ апельсинахъ и рябчикахъ, и цѣнность этихъ товаровъ измѣряется количествомъ содержащейся въ нихъ работы, точно такъ же, какъ цѣнность полотна и всякихъ издѣлій; рябчики дороже куръ потому, что въ нихъ заключено больше человѣческаго труда; алмазъ производится трудомъ, какъ и фабричная ткань,—все это предполагается ученіемъ Маркса, вопреки очевидности. Марксъ не

объясняетъ, почему онъ отступилъ отъ дѣленія товаровъ на категоріи, принятаго Рикардо, и смѣшалъ разнородныя группы предметовъ въ одну безразличную массу ¹⁾; всѣ вообще мѣновыя цѣнности онъ подводитъ подъ одни и тѣ же правила, установленныя для продуктовъ фабричной промышленности. Это произвольное, ничѣмъ не мотивированное примѣненіе специально-фабричной точки зрѣнія ко всѣмъ вообще предметамъ, имѣющимъ мѣновую цѣнность, есть одна изъ основныхъ теоретическихъ ошибокъ Маркса, способная сама по себѣ подорвать все значеніе его теоріи цѣнности.

Принявъ за доказанное, что абстрактно-человѣческой трудъ опредѣляетъ цѣнность всевозможныхъ товаровъ, Марксъ въ многихъ словахъ разрѣшаетъ или, вѣрнѣе, обходитъ важный вопросъ о различныхъ видахъ и качествахъ труда, служащаго мѣриломъ цѣнности. Цѣнность товаровъ,—говоритъ онъ,—представляетъ затрату человѣческой работы вообще; трудъ есть расходованіе простой рабочей силы, которою обладаетъ въ своемъ тѣлесномъ организмѣ каждый обыкновенный человѣкъ, безъ особеннаго развитія. «Простая средняя работа, правда, мѣняетъ свой характеръ въ различныхъ странахъ и въ разныя эпохи, но въ данномъ обществѣ она является чѣмъ-то опредѣленнымъ. Болѣе сложный трудъ принимается только за повышенную или умноженную простую работу, такъ что меньшее количество сложной работы равняется большому количеству простой работы. Что это перечисленіе происходитъ постоянно—показываетъ опытъ. Товаръ можетъ быть продуктомъ самой сложной работы, но его цѣнность приравниваетъ его къ продукту простого труда и представляетъ собою поэтому только опредѣленное количество простого

¹⁾ Говоря въ другомъ мѣстѣ о теоріи Рикардо, Марксъ даетъ понять, что въ современномъ буржуазномъ обществѣ, при существованіи крупнаго производства и неограниченной конкуренціи, нѣтъ уже надобности различать товары по степени доступности ихъ приготовления и добыванія въ какихъ угодно количествахъ. «Критика нѣкоторыхъ положеній политической экономіи», рус. пер., стр. 35. Однако это голословное утвержденіе опровергается въ отдѣльныхъ случаяхъ самимъ Марксомъ, который признаетъ, напр., существенныя различія между условіями земледѣльческаго производства и фабричнаго, говоритъ объ особенностяхъ образованія цѣнности вина путемъ храненія его въ подвалахъ, безъ всякой добавочной работы (Т. II, стр. 221) и т. п.

труда. Различныя пропорціи, въ которыхъ разныя виды работы приводятся къ простой работѣ, какъ къ своей массовой единицѣ, устанавливаются общественнымъ процессомъ за спиною производителей и потому кажутся имъ существующими по обычаю. Ради упрощенія, мы въ дальнѣйшемъ изложеніи принимаемъ всѣ виды рабочей силы непосредственно за простую рабочую силу, чѣмъ устраняется только трудъ перечисленія» (стр. 19—20). Правильнѣе было бы сказать, что этимъ устраняется не трудъ перечисленія, а самый вопросъ, вмѣстѣ съ обширною областью фактовъ, не имѣющихъ ничего общаго съ голословнымъ предположеніемъ Маркса. Никакой опытъ не показываетъ и не можетъ показать то, чего нѣтъ. Никакого перечисленія сложныхъ и высшихъ формъ работы на простую не происходитъ на дѣлѣ и происходитъ не можетъ, потому что при существующемъ денежномъ хозяйствѣ простой наемный трудъ оцѣнивается разнообразно, въ зависимости отъ особыхъ обстоятельствъ рабочаго рынка. Никто никогда не наблюдалъ того общественнаго процесса, который устанавливаетъ пропорціи между разными видами человѣческой работы; если же такой процессъ происходитъ, хотя бы за спиною производителей, то Марксъ долженъ былъ бы освѣтить его своимъ анализомъ, не ограничиваясь простымъ намекомъ. Для теоріи труда, какъ мѣрила цѣнности, было чрезвычайно важно выяснитъ способъ опредѣленія и измѣренія самаго труда въ различныхъ его формахъ; — иначе выходитъ нѣчто крайне странное: мѣриломъ служить переменчивая величина, не имѣющая сама никакого мѣрила.

Научный методъ, приводящій къ этой странности, очень своеобразенъ. Равноцѣнные товары, по Марксу, имѣютъ равную цѣнность потому, что въ нихъ содержится одинаковое количество средняго абстрактнаго человѣческаго труда, общественно-необходимаго для ихъ производства; но въ сопоставляемыхъ равноцѣнныхъ товарахъ содержится, напр., тридцать дней общественно-необходимой работы сапожника, десять дней такой же средней работы портного, три дня работы ювелира, одинъ день работы художника и полчаса работы Айвазовскаго; поэтому, въ силу высказаннаго заранѣе положенія, всѣ эти разнообразныя количества труда должны считаться равными количествами абстрактно-человѣческой работы; а такъ какъ неравныя цифры остаются все-

таки неравными, то надо предположить, что онѣ могутъ быть приведены къ одному знаменателю; привести же ихъ къ одному знаменателю не трудно, если сдѣлать новое предположеніе, что каждый изъ перечисленныхъ видовъ труда равенъ именно такому количеству простой человѣческой мускульной работы, какое требуется для уравниенія неравнаго; однако подобное предположеніе могло бы показаться произвольнымъ, и потому гораздо удобнѣе допустить, что на практикѣ разные виды труда постоянно переводятся сами собою на простую работу гдѣ-то за спиною производителя, путемъ таинственнаго общественнаго процесса, котораго затѣмъ можно уже не касаться больше. Итакъ, тридцать дней работы сапожника, десять дней—портного, три дня—ювелира, одинъ день—художника, и полчаса—Айвазовскаго, предполагаются равными одному и тому же количеству простого мускульнаго труда, напр., шестидесяти днямъ, и это заключительное предположеніе должно служить доказательствомъ истинности того, что требовалось доказать. Напомнимъ еще, что для перечисленія сложной и высшей работы на простую нельзя руководствоваться существующими нормами денежной заработной платы, ибо послѣдняя не соотвѣтствуетъ внутренней цѣнности труда, — а надо брать за единицу полную производительность дневнаго труда простого работника, сообразно количеству выработанныхъ имъ продуктовъ, т.-е. надо еще найти неизвѣстную величину, для опредѣленія которой не имѣется пока никакихъ положительныхъ данныхъ. Мы видѣли также, что самая эта величина, еслибы и была найдена, оказалась бы непостоянною, подвергнутою сильнѣйшимъ измѣненіямъ и колебаніямъ: одинъ день простого труда имѣеть другое значеніе въ фабричномъ производствѣ, чѣмъ въ ремесленномъ или земледѣльческомъ, другое въ богатыхъ рудникахъ, чѣмъ въ бѣдныхъ, другое въ урожайной мѣстности, чѣмъ въ неурожайной и т. д. Въ результатѣ единица мѣры человѣческаго труда превращается въ нѣчто неуловимое, и сказать, что цѣнность товаровъ измѣряется количествомъ заключающейся въ нихъ простой человѣческой работы—значить все равно, что ничего не сказать.

Остается только удивляться тому, что Марксъ посвящаетъ всего тринадцать строчекъ этому первостепенному вопросу о разныхъ видахъ труда, тогда какъ азбучныя вещи, въ родѣ объ-

ясненія разницы между полезностью и мѣнною цѣнностью, излагаются и повторяются имъ на десяткахъ страницъ, съ утомительнымъ обиліемъ примѣровъ и комментаріевъ. Впрочемъ, такова уже система Маркса: основныя положенія о цѣнности, на которыхъ построена вся его экономическая доктрина, онъ тоже высказываетъ какъ бы мимоходомъ, на двухъ-трехъ страницахъ, причемъ для удобства обходить существенныя стороны предмета и предполагаетъ доказаннымъ то, что еще требуется доказать; остальное изложеніе занято иллюстраціею побочныхъ вопросовъ и подробностей, которымъ намѣренно придается преувеличенное значеніе.

Такъ, понятное всѣмъ различіе между трудомъ, какъ производителемъ мѣнновой цѣнности, и работою, создающею простую полезность, выставляется какъ главнѣйшій «пунктъ, около котораго вертится пониманіе политической (т.-е. промышленной) экономіи». Этотъ двойственный характеръ содержащагося въ товарѣ труда, замѣчаетъ Марксъ, «доказанъ критически мною первымъ» (въ 1859 году),—что, конечно, не имѣло бы большой важности, даже еслибы ссылка на первенство была основательна. Пространное разсужденіе о сюртукѣ, обмѣниваемомъ на двадцать аршинъ полотна (стр. 16—45), можетъ быть названо единственнымъ въ своемъ родѣ въ экономической литературѣ, по разнообразію и количеству повтореній однѣхъ и тѣхъ же элементарныхъ мыслей; по всей вѣроятности, даже сами вѣрующіе поклонники «Капитала» должны признавать въ душѣ, что не было надобности такъ долго и обстоятельно доказывать, что сюртукъ есть полезный предметъ, удовлетворяющій извѣстную потребность, что онъ одинаково полезенъ, носить ли его самъ портной или его заказчикъ, что сюртукъ имѣетъ еще мѣнновую цѣнность, которая различается отъ полезности, что два сюртука полезнѣе одного (ибо, какъ вполне резонно поясняетъ Марксъ, «двумя сюртуками можно одѣть двухъ человѣкъ, а однимъ только одного»), но что мѣнновая цѣнность сюртуковъ можетъ падать съ увеличеніемъ ихъ числа, и т. д., и т. д. ¹⁾). Внеситъ ли, по крайней мѣрѣ, это раз-

¹⁾ Въ передачѣ покойнаго Н. И. Зибера эти особенности изложенія Маркса дѣлаются еще болѣе чувствительными; въ товарахъ, какъ мѣнновыхъ цѣнностяхъ, оказывается лишь «призрачная предметность или простое желе безразличнаго человѣческаго труда, т.-е. обнаруженіе человѣческой рабочей

сужденіе что-нибудь новое въ теоретическія начала, установленныя раньше? Нѣтъ, оно только примѣняетъ и истолковываетъ ихъ, какъ готовыя и доказанныя уже истины.

Почему,—спрашиваетъ Марксъ,—сюртукъ имѣетъ вдвое большую цѣнность, чѣмъ десять аршинъ полотна? «Потому что полотно содержитъ въ себѣ вдвое меньше работы, чѣмъ сюртукъ, и для производства послѣдняго должна быть израсходована рабочая сила въ теченіе вдвое большаго времени, чѣмъ для производства перваго». Съ этого начинается вся аргументація, и она цѣликомъ вертится около *фикціи абстрактнаго человѣческаго труда, воплощеннаго въ обоихъ товарахъ. Между тѣмъ избранный примѣръ самъ по себѣ ошибоченъ, такъ какъ онъ основанъ на произвольномъ смѣшеніи фабричныхъ продуктовъ съ ремесленными, въ которыхъ играютъ видную роль индивидуальныя качества работы. Фабрика, устроенная извѣстнымъ образомъ, производитъ одинаковые товары при всякомъ составѣ рабочихъ; всѣ куски полотна даннаго сорта, выходящіе изъ этой фабрики, будутъ имѣть одинаковую цѣнность, независимо отъ того, какіе работники участвуютъ въ его производствѣ. Но продукты, изготовляемые въ мастерской портного, цѣнятся различно, смотря по свойствамъ труда закройщиковъ и мастеровъ, и цѣнность товаровъ зависитъ уже не отъ одной продолжительности работы, какъ на фабрикѣ, но

силы, безъ вниманія къ формѣ ея обнаруженія». «Человѣческая рабочая сила въ жидкомъ состояніи (!) или человѣческая работа образуетъ цѣнность, но сама не есть цѣнность. Она становится цѣнностью въ сущенномъ состояніи, въ предметной или вещной формѣ. Чтобы выразить цѣнность холста въ студенеобразной или безформенной массѣ человѣческаго труда, она должна быть выражена какъ «вещность», которая отъ самаго холста вещно отлична, и на ряду съ нимъ обща съ другимъ товаромъ». Далѣе: «Матеріальная вещьность товаровъ тѣмъ отличается отъ Виттиба Гуртига, что неизвѣстно, гдѣ можно ее получить. Въ прямое противорѣчіе къ чувственно-грубой вещьности тѣхъ товаровъ, природной матеріи не входитъ въ ихъ вещьность цѣнности ни одного атома. Потому можно отдѣльный товаръ вертѣть и двигать, какъ угодно;—онъ остается непонятнымъ, какъ цѣнная вещь» и т. д. Не только товаръ, но и самое это разсужденіе остается непонятнымъ. Что разумѣлъ Зиберъ подъ Виттибомъ Гуртигомъ—мы не знаемъ; но въ нѣмецкомъ текстѣ это имя - женское (von der Wittib Hurtig, т. I, стр. 22) и означаетъ быстроногую волшебницу народныхъ сказокъ.—«Давидъ Рикардо и Карлъ Марксъ въ ихъ общественно-экономическихъ изслѣдованіяхъ». Спб., 1882, стр. 153—202. Въ изд. 1898 г. стр. 147 и слѣд.

и отъ особыхъ качествъ работы, отъ степени умѣнья и искусства работниковъ. Цѣнность сюртука опредѣляется не тѣмъ, сколько времени употреблено на его изготовленіе, а тѣмъ, кто и какъ его сшилъ; сюртукъ, сдѣланный у Тедески, будетъ имѣть вдвое или втрое большую цѣнность, чѣмъ приготовленный у другого портного, хотя количество труда, потраченного на производство обоихъ сюртуковъ, будетъ одно и то же. Замѣна искуснаго закройщика зауряднымъ сразу измѣняетъ цѣнность сюртуковъ, выходящихъ изъ той же мастерской, а перевести искусную работу на простую нѣтъ возможности, потому что качество не можетъ быть сведено на количество. Заурядный мастеръ можетъ трудиться цѣлый день или цѣлую недѣлю, и онъ не сдѣлаетъ того, что устроить талантливая рука въ теченіе одного часа: искусная работа вообще не измѣняется продолжительностью рабочаго времени, какъ простая, и эта важная особенность, присущая качеству труда, совершенно оставлена безъ вниманія Марксомъ. Сопоставляя сюртукъ съ двадцатью аршинами полотна, Марксъ сравниваетъ предметы разнородные и отчасти несоизмѣримые, и получаемые при этомъ выводы не могутъ быть признаны основательными.

Произвольное обобщеніе началъ фабричнаго производства на всѣ отрасли производительнаго труда сказывается и въ дальнѣйшихъ замѣчаніяхъ о формахъ цѣнности, о мѣновыхъ отношеніяхъ товаровъ, объ эквивалентахъ и деньгахъ. Марксъ такъ много говоритъ о внутренней цѣнности обмѣниваемыхъ предметовъ, независимо отъ ихъ вещественной формы и полезности, что самъ начинаетъ какъ будто вѣрять въ таинственность, загадочность, сверхчувственность изучаемой «сущности». Товаръ, разсуждаетъ онъ, кажется на первый взглядъ очень простою и понятною вещью, но изъ анализа его видно, что онъ представляетъ собою нѣчто крайне запутанное, полное метафизическихъ тонкостей и теологическихъ тайнъ. Товары вступаютъ между собою въ самостоятельныя отношенія, скрывая отъ взоровъ наблюдателя общественный характеръ воплощеннаго въ нихъ человѣческаго труда и взаимныя отношенія самихъ производителей; оттого они получаютъ мистическія черты, дѣлаются фетишами, и этотъ «фетишизмъ, связанный съ трудовыми продуктами, когда они производятся въ видѣ товаровъ, неразрывно соединяется съ товарнымъ производствомъ» (стр. 47—9).

Любопытно, что и въ этомъ случаѣ истолкователь Маркса, Карль Каутскій, дѣлаетъ изъ его словъ явно неправильный выводъ. По Каутскому выходитъ, что мѣщанскіе экономисты отыскиваютъ въ товарахъ мистическія свойства, вызывающія обмѣнъ ихъ въ опредѣленныхъ пропорціяхъ, что, подобно дикарю, приписывающему своимъ фетишамъ качества, не вытекающія изъ ихъ природы, заурядные экономисты смотрятъ на товаръ, какъ на «вещественный предметъ, одаренный сверхчувственными свойствами», и что Марксъ именно и уличилъ мѣщанскую экономію въ этомъ фетишизмѣ. «Этотъ фетишистскій характеръ товаровъ и самого капитала, — заключаетъ Каутскій, — впервые указанъ Марксомъ. Фетишизмъ затрудняетъ и дѣлаетъ даже невозможнымъ изученіе особенностей товаровъ, пока съ нимъ не справились; нельзя достигнуть полного пониманія товарной цѣнности, не придя къ сознанію фетишистскаго характера товара. Поэтому глава о «фетишистскомъ характерѣ товара и его тайнѣ» кажется намъ одною изъ важнѣйшихъ въ «Капиталѣ». и каждый читатель долженъ удѣлить ей особенное вниманіе» ¹⁾. Такимъ образомъ, анализъ, дѣлаемый Марксомъ, возлагается на отвѣтственность мѣщанскихъ экономистовъ, которые ничего общаго съ этимъ анализомъ не имѣютъ, и самъ Марксъ превращается изъ провозвѣстника новыхъ истинъ въ простого обличителя чужихъ заблужденій. Въ дѣйствительности, мѣщанская экономія не могла видѣть въ товарѣ фетиша съ таинственными свойствами по той простой причинѣ, что она давно отбросила понятіе о внутренней цѣнности товаровъ и привыкла ставить значеніе ихъ въ исключительную зависимость отъ вульгарныхъ житейскихъ условій, — отъ спроса и предложенія, въ связи съ необходимыми затратами производства. Нѣчто таинственное и загадочное можно было усмотрѣть въ товарѣ только при взглядѣ на него какъ на овеществленный абстрактный человѣческой трудъ, какъ на предметъ, обладающій цѣнностью именно въ силу этого овеществленія труда, а этотъ взглядъ всецѣло принадлежитъ Марксу, которому всецѣло принадлежитъ поэтому и заслуга открытія фетиша въ товарѣ.

Истиннымъ и притомъ великимъ открытіемъ считаетъ авторъ

¹⁾ Kautsky, тамъ-же, стр. 15.

«Капитала» свою фикцію абстрактной работы, выраженной въ товарахъ и опредѣляющей ихъ цѣнность. «Позднее научное открытіе,—говоритъ онъ,—что трудовые продукты, насколько они—цѣнности, суть только вещественныя выраженія израсходованной въ ихъ производствѣ человѣческой работы, составляетъ эпоху въ исторіи развитія человѣчества» (стр. 51). До такихъ великихъ истинъ никогда не доходила мѣщанская политическая экономія; она не замѣчала поэтому и товарнаго фетишизма, впервые найденнаго Марксомъ. Правда, она «анализировала, хотя и несовершенно, цѣнность и мѣру цѣнности и указала содержаніе, скрытое въ этихъ формахъ; но она никогда даже не ставила себѣ вопроса, почему это содержаніе принимаетъ эти формы, и почему трудъ выражается въ цѣнности, а мѣра труда по его продолжительности опредѣляетъ цѣнность трудового продукта» (стр. 57—8), т.-е. экономисты никогда не объясняли того, чего вовсе не признавали въ такой абсолютной формѣ. Мѣщанская экономія,—по словамъ Маркса,—не пыталась также объяснить происхожденіе денежной формы изъ понятія о трудовой цѣнности продуктовъ; эту задачу долженъ былъ впервые исполнить авторъ «Капитала», и до него оставалось будто бы неразъясненнымъ значеніе денегъ, какъ общаго мѣноваго мѣрила и эквивалента товаровъ. До Маркса господствовали вульгарныя воззрѣнія мѣщанскихъ экономистовъ относительно товарнаго производства и обращенія; Марксъ первый внесъ свѣтъ истинной науки въ пониманіе таинственной природы товаровъ,—онъ создалъ абстрактную товарно-промышленную науку, не имѣющую въ себѣ ничего вульгарнаго, кромѣ развѣ самаго ея предмета, которому нельзя отказать въ вульгарности. Марксъ а ргіогі установилъ, что во всѣхъ вообще товарахъ, какъ, напр., въ фабричномъ полотнѣ, въ кускѣ золота, въ вѣковомъ дубовомъ лѣсѣ, продаваемомъ на срубъ, одинаково кристаллизованы человѣческой трудъ, и что только количествомъ этого труда объясняется и измѣряется ихъ относительная цѣнность. Это предположеніе выдается сначала за истину, не требующую доказательствъ, а потомъ превращается въ «научное открытіе», составляющее эпоху въ исторіи развитія человѣчества, по признанію самого автора. Если это очевидная истина, которую нѣтъ надобности доказывать, или, проще сказать, аксіома, то не было бы повода открывать ее, ибо она была бы и безъ

того доступна и понятна каждому; если же это только фикція или гипотеза, придуманная для облегченія изслѣдованія, то она не была бы открытіемъ и не могла бы составить эпоху въ исторіи развитія человѣчества. Если же вдобавокъ эта фикція сама уничтожаетъ себя на каждомъ шагѣ своими неразрѣшимыми внутренними противорѣчіями, то она не можетъ быть ни истиною, ни научнымъ открытіемъ, ни даже гипотезою. Одно изъ этихъ несогласимыхъ противорѣчій заключается въ томъ, что товарамъ приписывается самостоятельная внутренняя цѣнность, зависящая отъ количества воплощеннаго въ нихъ человѣческаго труда, и въ то же время оставляется въ полной силѣ вульгарная истина о безусловной зависимости этой внутренней цѣнности отъ внѣшнихъ обстоятельствъ производства и рынка. Трудъ, вложенный въ извѣстные товары, какъ признаетъ и Марксъ, теряетъ всякое значеніе, когда прекратился на нихъ спросъ или когда они замѣнены другими, болѣе подходящими и цѣлесообразными; количество труда, необходимое до сихъ поръ для приготовленія извѣстныхъ продуктовъ, можетъ завтра же сократиться на половину, и вся излишне-употребленная человѣческая работа сразу утрачиваетъ свою производительную силу, перестаетъ быть источникомъ и причиною цѣнности, и отбрасывается безъ всякихъ перемоній, какъ негодный мусоръ. Можетъ ли служить единственнымъ основаніемъ и мѣриломъ даннаго явленія нѣчто такое, что само не играетъ никакой самостоятельной роли, не имѣетъ своей опредѣленной мѣрки и подвергнуто всевозможнымъ внѣшнимъ случайностямъ? Къ чему сводится тогда вся эта внутренняя цѣнность, опредѣляемая трудомъ, когда она можетъ оказаться вовсе не цѣнностью, а трудъ, производительно затраченный вчера, можетъ быть объявленъ бесполезнымъ сегодня? Чтобы оправдать эту логическую путаницу, Марксъ пускаетъ въ ходъ мистическія тайны, загадочныя аллегоріи, фетишизмъ. Таинственная путаница, зависящая отъ способа аргументаціи, предполагается въ самомъ изучаемомъ предметѣ;—а разъясненіе поставленныхъ загадокъ должно привести къ новымъ открытіямъ, которыя также составятъ эпоху въ исторіи развитія человѣчества.

Таково «начало науки», наиболѣе трудное для усвоенія, по свидѣтельству самого Маркса. Діалектическіе приемы, при помощи которыхъ разѣ установленная фикція проводится сквозь строй

противорѣчащей логики фактовъ, имѣть, конечно, мало общаго съ тѣми реальными тонкостями, которыми занимается микрологическая анатомія. Но кто приметъ фикцію за истину и увѣруетъ въ ея непреложность, отказавшись отъ права критики ради признаннаго авторитета Маркса, тому не трудно уже принять и дальнѣйшія разсужденія, вытекающія изъ первой посылки.

IV.

Источникъ прибавочной цѣнности.—Обманчивый силлогизмъ.—Покупка рабочей силы вмѣсто найма рабочихъ и платы за трудъ.—Результаты сдѣлки для капиталиста.—Особенности научнаго метода Маркса.

Продукты труда, какъ утверждаетъ авторъ «Капитала», цѣнятся по количеству содержащейся въ нихъ трудовой субстанціи; если это количество въ обмѣниваемыхъ товарахъ одинаково, то они равноцѣнны, и при нормальныхъ условіяхъ товарнаго обращенія переходъ продуктовъ изъ рукъ въ руки, черезъ посредство денегъ, можетъ совершаться лишь путемъ обмѣна эквивалентовъ, безъ какаго бы то ни было излишка въ пользу продавцовъ или покупателей. «Предположимъ, что въ силу какой-нибудь необъяснимой привилегіи продавцу предоставлено продавать товары выше ихъ цѣнности, напр., на десять процентовъ. Продавецъ получаетъ, такимъ образомъ, прибавочную цѣнность въ десять процентовъ. Но послѣ того какъ онъ былъ продавцомъ, онъ становится покупателемъ. Третій владѣлецъ товаровъ выступаетъ предъ нимъ въ качествѣ продавца и въ свою очередь пользуется привилегіею продавать свои товары на десять процентовъ выше ихъ цѣнности. Нашъ купецъ выигралъ десять процентовъ какъ продавецъ, чтобы потерять десять процентовъ какъ покупатель. Въ дѣйствительности дѣло сводится къ тому, что всѣ товаровладѣльцы продаютъ свои товары другъ другу на десять процентовъ дороже ихъ стоимости, а это есть вполнѣ то же самое, какъ еслибы они продавали товары по ихъ цѣнности. Такая всеобщая номинальная прибавка къ цѣнности товаровъ производитъ то же самое дѣйствіе, какъ еслибы всѣ товарныя цѣнности опре-

дѣлены были въ серебряной валютѣ, вмѣсто золотой. Денежныя названія, т. е. цѣны товаровъ, возвысились бы, но ихъ относительныя цѣнности остались бы неизмѣнными». Подобный же результатъ оказался бы и въ томъ случаѣ, еслибы, наоборотъ, покупатели имѣли привилегію приобретать товары ниже ихъ стоимости. Итакъ,—заключаетъ Марксъ,—образование прибавочной цѣнности и слѣдовательно превращеніе денегъ въ капиталъ не можетъ быть объяснено ни тѣмъ, что продавцы продаютъ свои товары выше ихъ цѣнности, ни тѣмъ, что покупатели приобретаютъ ихъ ниже стоимости... Можно вертѣться какъ угодно, но итогъ получается тотъ же самый. Если мѣняются эквиваленты, то не возникаетъ никакой прибавочной цѣнности, а если мѣняются не-эквиваленты, то тоже не образуется прибавочной цѣнности. Товарное обращеніе не создаетъ цѣнности» (стр. 144—8).

Присмотримся ближе къ этому важному силлогизму. Фабрикантъ продаетъ свои товары съ надбавкою десяти процентовъ къ ихъ стоимости и выручаетъ при этомъ сто тысячъ рублей прибыли; затѣмъ, онъ, напр., на двѣсти тысячъ покупаетъ другіе товары, нужные ему для производства, и съ своей стороны переплачиваетъ въ ихъ цѣнѣ десять процентовъ, т. е. онъ теряетъ при покупкѣ двадцать тысячъ рублей; слѣдовательно, онъ выигрываетъ при продажѣ сто тысячъ, а теряетъ при покупкѣ двадцать тысячъ, что вовсе не одно и то же ¹⁾. Гдѣ же тутъ ра-

¹⁾ Мы предполагаемъ здѣсь, что, напр., сахарозаводчикъ употребляетъ сырыхъ матеріаловъ на 1 р. для каждаго пуда сахара, продаваемого по пяти рублей, или что цѣнность желѣза и чугуна составляетъ пятую долю цѣнности издѣлій, приготавливаемыхъ изъ нихъ механическимъ или сталелитейнымъ заводомъ,—предположенія вполне законныя, болѣе или менѣе соответствующія дѣйствительности. Но можно взять и другія, какія угодно цифры, и сущность дѣла нисколько не измѣнится. Въ примѣрѣ, сообщаемомъ самимъ Марксомъ со словъ одного манчестерскаго фабриканта (стр. 209—210), разница между стоимостью сырыхъ матеріаловъ и цѣнностью готовыхъ продуктовъ на данной хлопчатобумажной фабрикѣ составляетъ 168 фунтовъ стерлинговъ въ недѣлю или 8736 ф. въ годъ; расходуется сырья на 342 ф. въ недѣлю, а получается пряжи на 510 ф. ст. Разница между покупками и продажами фабриканта происходитъ прежде всего отъ того, что значительная часть издержекъ производства идетъ на заработную плату и на управленіе предпріятіемъ; рабочіе, техники и пр. получаютъ плату безъ всякой надбавки къ стоимости ихъ работы, и если они въ свою очередь теряютъ 10% при покупкѣ жизненныхъ продуктовъ, то это уже ихъ потеря, а не фа-

венство, которое предполагает Маркс? Для того, чтобы существовало это равенство, т.-е. чтобы выигрыш при продажѣ соотвѣтствовалъ потерѣ при покупкѣ, необходимо было бы, чтобы фабрикантъ купилъ товаровъ на миллионъ, т.-е. на всю сумму стоимости своего производства. Допустимъ, однако, что онъ купилъ товаровъ на миллионъ и потерялъ въ ихъ цѣнѣ свои сто тысячъ прибыли; изъ этихъ купленныхъ продуктовъ онъ работаетъ на своей фабрикѣ новые товары, цѣнностью въ пять миллионовъ рублей, и при продажѣ ихъ онъ опять выигрываетъ десять процентовъ, т. е. пятьсотъ тысячъ, на мѣсто потерянныхъ при покупкѣ ста тысячъ. Въ результатѣ выходитъ выигрышъ четырехсотъ тысячъ, какъ прежде выходилъ выигрышъ восьмидесяти тысячъ, въ пользу фабриканта. Потеря при покупкѣ товаровъ уменьшаетъ прибыль только на два процента, такъ что послѣ операціи продажи и покупки фабриканту остается восемь процентовъ барыша, вмѣсто десяти; этимъ ограничивается все практическое дѣйствіе того обстоятельства, на которое указываетъ Марксъ,—и никогда не можетъ выйти ничего другого, если не играть словами, а анализировать дѣйствительныя явленія. Приведенный примѣръ вполне характеризуетъ діалектику, употребляемую авторомъ «Капитала»; эта діалектика есть въ сущности не что иное, какъ софистика. Функція производителей заключается именно въ томъ, что они производятъ товары, которыхъ раньше не было, при помощи наемнаго труда; они пріобрѣтаютъ не только сырые продукты, но и рабочую силу, а продаютъ только товары; слѣдовательно, они всегда должны больше продавать, чѣмъ покупать, въ предѣлахъ своего производства, даже если бы продавали свои продукты по цѣнѣ издержекъ. Марксъ молчаливо ставитъ невозможное предположеніе, что фабриканты столько же покупаютъ товаровъ, сколько продаютъ, т.-е. что они специально торговцы, а не фабриканты, расходующіе часть капи-

бриканта. Замѣтимъ еще, что нужно принимать въ расчетъ только затраты на покупку предметовъ, необходимыхъ для *производства* въ данномъ предпріятіи, а никакъ не расходы потребленія и не помѣщеніе прибылей въ другихъ предпріятіяхъ,—потому что дѣло идетъ именно о балансѣ каждаго даннаго производства для предпринимателей. Этому совершенно не понялъ г. М. Ратнеръ при разборѣ моихъ замѣчаній (см. «Р. Богатство», 1897 г., № 6, стр. 119—120).

тала на заработную плату ¹⁾). Въмѣстѣ съ этимъ невѣроятнымъ предположеніемъ падаетъ и построенный на немъ выводъ о равенствѣ прибылей и потерь для производителей при продажѣ и покупкѣ товаровъ выше ихъ стоимости; такимъ образомъ, уничтожается самъ собою и выводъ о невозможности извлеченія прибавочной цѣнности изъ обмѣна или обращенія товаровъ.

Марксъ допускаетъ, какъ мы уже упомянули выше, что цѣнность земледѣльческихъ продуктовъ регулируется цѣнностью той части ихъ, которая производится на наименѣ производительныхъ земляхъ, воздѣлываемыхъ по необходимости для удовлетворенія потребности населенія въ хлѣбѣ. Цѣны продуктовъ должны быть настолько высоки, насколько это нужно для покрытія затратъ производства при наименѣ благопріятныхъ условіяхъ. Въ этомъ случаѣ покупатели платятъ больше средней цѣнности товаровъ по той простой причинѣ, что иначе не могла бы быть произведена требуемая масса продуктовъ. Такъ же точно можно сказать, что не существовало бы никакого фабричнаго производства и никакой вообще промышленной дѣятельности, еслибы товары должны были продаваться по внутренней ихъ стоимости, безъ прибыли; неизбѣжное возникновеніе прибавочной цѣнности лежитъ поэтому въ основѣ всякаго товарнаго производства и обмѣна ²⁾. Если указаніе на эту неизбѣжность достаточно убѣди-

¹⁾ Во второмъ томѣ «Капитала» Марксъ объясняетъ уже, что промышленный капиталистъ неизбѣжно продаетъ больше, чѣмъ покупаетъ, и что безъ этой разницы въ цѣнности покупокъ и продажъ капиталъ не исполнялъ бы вовсе своей производительной функции: «спросъ его (капиталиста) на средства производства, меньше употребленнаго въ дѣло капитала; онъ покупаетъ средства производства, имѣющія меньшую стоимость, чѣмъ товарный капиталъ, доставляемый имъ на рынокъ»,—ибо капиталистъ предъявляетъ также спросъ на рабочую силу. Т. II, 1885, стр. 94. Въ этомъ случаѣ Марксъ, очевидно, отрывается отъ ненужнаго уже софизма, сослужившаго свою службу.

²⁾ По мнѣнію Зибера, производитель не можетъ продавать свои товары выше издержекъ производства, «такъ какъ не найдетъ для этого столь наивныхъ и простодушныхъ покупателей». (См. указ. соч., стр. 360; въ изд. 1898 г. стр. 332). Чтобы не оказаться наивнымъ и простодушнымъ въ глазахъ Зибера, покупатель (который обыкновенно есть въ то же время и производитель) долженъ или совсѣмъ не пріобрѣтать нужныхъ ему товаровъ или производить ихъ самъ по мѣрѣ надобности; онъ самъ будетъ дѣлать посуду, обжигать кирпичи, добывать желѣзо, готовить металлическія издѣлія,

тельно для объясненія цѣнности земледѣльческихъ продуктовъ, то почему же оно недостаточно и для объясненія прибыли? Но Марксъ не довольствуется тѣмъ, что замѣчается на поверхности явленій; онъ отыскиваетъ скрытую сущность ихъ и обыкновенно находитъ ее прежде, чѣмъ начинаетъ искать, благодаря особымъ приѣмамъ разсужденія и доказательства.

Такъ какъ увеличеніе цѣнности товаровъ сравнительно съ ихъ трудовою стоимостью, — объясняетъ далѣе Марксъ, — не можетъ происходить при продажѣ и обмѣнѣ продуктовъ, то оно должно имѣть свой источникъ въ самомъ процессѣ производства, въ способѣ потребленія товаровъ, употребляемыхъ въ производствѣ. Чтобы изъ употребленія извлечь цѣнность, надо предположить существованіе такого товара, полезность котораго заключалась бы въ особомъ свойствѣ создавать цѣнность. Такой специальный товаръ имѣется на рынкѣ, въ видѣ рабочей силы. Рабочая сила продается какъ товаръ только при двухъ условіяхъ: если владѣльцы и носители этой рабочей силы свободно располагаютъ ею, въ силу своей личной свободы, и если они не имѣютъ для продажи никакого другого товара, кромѣ своей способности къ труду (стр. 151—3). Капиталистъ покупаетъ этотъ товаръ на общихъ основаніяхъ, уплачивая за него цѣну, опредѣляемую необходимыми затратами труда на его приготовленіе и сохраненіе, т. е. необходимыми средствами существованія работниковъ. Марксъ почти дословно повторяетъ разсужденія Рикардо о цѣнности живого труда, какъ товара, и остается вѣрнымъ традиціонному взгляду англійскихъ экономистовъ-классиковъ, примѣнявшихъ къ человѣческой рабочей силѣ чисто-промышленныя и фабричныя понятія о товарѣ и цѣнности.

Рабочая сила есть источникъ цѣнности; она достается за деньги капиталисту, и слѣдовательно разгадка происхожденія прибыли найдена. Вопросъ разрѣшенъ уже самою его постановкою. «Процессъ потребленія рабочей силы есть въ то же время процессъ производства товара и цѣнности. Потребленіе рабочей силы, подобно потребленію всякаго другого товара, совершается

бумажныя и шерстяныя ткани, — если специальные производители этихъ вещей не пожелаютъ работать для него даромъ, безъ прибыли. Странно вообще называть произвольную «надбавкою», привилегією и т. п. то, безъ чего товары вовсе не производились бы для продажи.

внѣ рынка и товарнаго обращенія». Въ скрытой области производства должно быть показано «не только какъ капиталъ производить, но и какъ производится капиталъ. Тайна увеличенія цѣнности должна наконецъ раскрыться». Сфера товарнаго обмѣна, въ которой происходитъ купля и продажа рабочей силы, представляетъ истинное царство прирожденныхъ человѣческихъ правъ; здѣсь господствуютъ только свобода, равенство, собственность и Бентамъ. «Свобода,—ибо покупатель и продавецъ товара, напр., рабочей силы, дѣйствуютъ лишь по своей свободной волѣ. Они вступаютъ въ сдѣлку какъ свободныя, юридически равноправныя личности. Договоръ ихъ есть заключительный результатъ, въ которомъ ихъ обоюдная воля получаетъ свое совмѣстное правовое выраженіе. Равенство,—потому что они отнѣсются другъ къ другу только какъ владѣльцы товаровъ и обмѣниваютъ эквивалентъ на эквивалентъ. Собственность,—потому что каждый распоряжается только своимъ. Бентамъ,—ибо каждый изъ нихъ руководствуется только своими собственными интересами». Но при удаленіи изъ сферы товарнаго обмѣна мѣняются уже роли дѣйствующихъ лицъ: бывший покупатель «шествуетъ впереди, какъ капиталистъ; владѣлецъ рабочей силы слѣдуетъ за нимъ какъ его работникъ; первый—торопливо, съ дѣловымъ видомъ; второй—робко, неохотно, какъ человѣкъ, вынесшій на рынокъ свою собственную шкуру и могущій ожидать только одного—ея выколачиванія» (стр. 155—163).

Эта краснорѣчивая характеристика отношеній между продавцами и покупателями рабочей силы не вполне соотвѣтствуетъ дѣйствительности, даже съ точки зрѣнія принциповъ мѣщанской юриспруденціи. Рабочій не обладаетъ свободою выбора и рѣшенія, если онъ вынуждается къ продажѣ труда необходимостью поддержанія своей жизни; онъ не можетъ взвѣшивать условія договора и сознательно выражать свою волю, когда каждый потерянный день грозитъ голодомъ ему лично или его семьѣ; онъ неравноправенъ съ капиталистомъ, когда находится подъ гнетомъ нужды и принимаетъ по неволѣ всякія предлагаемыя ему условія; онъ не можетъ обдумывать свои интересы и руководствоваться ими, когда выносить на рынокъ единственное, что у него есть, свою рабочую силу. Во всѣхъ почти законодательствахъ существуютъ постановленія, предусматривающія влияніе бѣдности и

нужды на свободу воли человека: допускается даже въ извест-
 ныхъ случаяхъ оспариваніе сдѣлокъ при продажѣ предмета за
 чрезмѣрно-низкую цѣну (*laesio enormis*), и эти же начала могли бы
 быть примѣняемы и къ договорамъ между рабочими и капита-
 листами. Что касается Бентама, то и онъ не видѣлъ равенства въ
 положеніи рабочихъ и хозяевъ; рабочій классъ, создающій силу
 и богатство государства,—говорилъ онъ,—занимаетъ послѣднее
 мѣсто въ безразсудномъ лексиконѣ гордости, но для просвѣщен-
 ной политики онъ долженъ быть первымъ ¹⁾. Еслибы осуще-
 ствился идеаль Бентама, еслибы въ самомъ дѣлѣ рабочіе могли
 чувствовать себя равноправными съ капиталистами, то многія те-
 оретическія положенія Маркса потеряли бы почву и оказались бы
 вовсе не теоретическими, а временно-практическими, основан-
 ными на переменчивыхъ обстоятельствахъ данной эпохи. Пред-
 положимъ, что рабочіе союзы и синдикаты совершенно измѣнили
 положеніе рабочихъ и обеспечили имъ ту свободу дѣйствій, ко-
 торою раньше пользовались одни лишь капиталисты,—какъ это
 отчасти и достигнуто въ Англіи и Франціи; тогда отпадаетъ и
 значительная часть аргументаціи Маркса по нѣкоторымъ суще-
 ственнымъ вопросамъ народнаго хозяйства. Временные факты и
 злоупотребленія не даютъ матеріала для общей научной теоріи.

Рабочій, по Марксу, продаетъ капиталисту не свой трудъ, не
 то или другое количество своего рабочаго времени, а свою ра-
 бочую силу. Рабочая сила принадлежитъ будто бы купившему
 ее капиталисту на томъ же основаніи, какъ и купленные имъ
 средства и орудія производства; потребленіе этой рабочей силы,
 какъ и всякаго другого товара, составляетъ несомнѣнное право
 покупателя. Рабочее время «есть то время, въ продолженіе кото-
 раго капиталистъ потребляетъ купленную имъ рабочую силу.
 Если рабочій употребляетъ свое свободное время для себя самого,
 то онъ обворовываетъ капиталиста» (стр. 225). «Изъ природы
 товарнаго обмѣна не вытекаетъ никакого ограниченія для рабо-
 чаго дня. Капиталистъ осуществляетъ свое право, какъ покупа-
 тель, стараясь сдѣлать рабочій день возможно болѣе продолжи-
 тельнымъ и превратить, если можно, одинъ рабочій день въ два».

¹⁾ Manuel d'économie politique, extrait des manuscrits de Jérémie Bentham,
 par Et. Dumont. Brux. 1840, p. 48.

Вульгарные экономисты думают, что продается собственно не рабочая сила; а только ея функція, работа; «такъ же точно можно было бы утверждать, что не цѣнность машины, а цѣнность ея операций уплачивается капиталистомъ». На поверхности явленій многое представляется въ превратномъ видѣ, и только наука разоблачаетъ ихъ сущность, скрытую въ глубинѣ. Всемирная исторія требуетъ много времени, чтобы разгадать тайну заработной платы, а разгадка достигается именно открытіемъ Маркса, что рабочій продаетъ капиталисту не свой трудъ, а свою рабочую силу (стр. 557—563). Доказывается эта истина тѣмъ соображеніемъ, что «трудъ есть субстанція и постоянное мѣрило цѣнности, но самъ онъ не имѣетъ цѣнности», т.-е. доказательствомъ служитъ утвержденіе того, что требуется доказать. Не видно только, какимъ образомъ и почему сдѣлка о наймѣ «свободныхъ» рабочихъ на опредѣленный срокъ и на извѣстныхъ условіяхъ можетъ быть названа покупкою рабочей силы въ собственность, подобно покупкѣ невольниковъ при существованіи рабства. Купленная машина дѣйствительно принадлежитъ капиталисту, ибо онъ уплатилъ за самую машину, а не за производимыя ею операциі, но при наймѣ работника онъ покупаетъ не его самого, а только его трудъ. Никакая наука не можетъ замѣнять существующія явленія другими, вовсе несуществующими, или извращать природу изучаемыхъ фактовъ, для полученія нужныхъ выводовъ, предположенныхъ заранѣе. Купля-продажа рабочей силы, взамѣнъ купли-продажи труда или просто найма рабочихъ, была однако нужна Марксу для примѣненія къ этимъ сдѣлкамъ общихъ понятій о товарахъ и для нѣкоторыхъ важныхъ теоретическихъ заключеній.

Капиталистъ купилъ рабочую силу и пріобрѣлъ право «потреблять» ее для своихъ промышленныхъ цѣлей; онъ пользуется ея трудомъ и извлекаетъ изъ него цѣнность. Онъ уплатилъ товарную цѣну рабочей силы, т.-е. цѣну необходимыхъ средствъ ея существованія и сохраненія; но трудъ окупаетъ эти средства, напр., въ теченіе половины рабочаго дня, а остальная часть дневной работы создаетъ прибавочную цѣнность, которая и реализуется въ прибыли капиталиста при продажѣ произведенныхъ товаровъ. «Мы знаемъ, — говоритъ Марксъ, — что цѣнность каждаго товара опредѣляется количествомъ овеществленнаго въ немъ труда

или общественно-необходимымъ для его производства рабочимъ временемъ» (стр. 174); отсюда слѣдуетъ, что созданіе новой цѣнности въ производствѣ можетъ быть исключительно только результатомъ дополнительнаго труда, сверхъ той части его, которая идетъ на покрытіе товарной цѣнности рабочей силы. Средства производства, орудія и машины не производятъ цѣнности, потому что, *какъ условлено заранее*, только живой человѣческой трудъ есть источникъ цѣнности; средства производства передаютъ свою цѣнность новымъ товарамъ, безъ измѣненія, а машины сообщаютъ имъ лишь ту долю своей цѣнности, которая соотвѣтствуетъ ихъ потребленію или порчѣ въ процессѣ производства. «Часть капитала, помѣщенная въ средствахъ производства, т.-е. въ сыромъ матеріалѣ, въ вспомогательныхъ продуктахъ и въ средствахъ труда, не измѣняетъ своей цѣнности въ процессѣ производства; назовемъ эту часть капитала постояннымъ капиталомъ. Часть капитала, употребленная на покупку рабочей силы, напротивъ, мѣняетъ свою цѣнность въ процессѣ производства; она воспроизводитъ свой собственный эквивалентъ и еще излишекъ, добавочную цѣнность, которая можетъ измѣняться, быть больше или меньше. Изъ постоянной величины эта часть капитала превращается въ переменную; назовемъ ее поэтому переменнымъ капиталомъ» (стр. 199).

Изъ этихъ опредѣленій дѣлаются уже научные выводы и извлекаются законы, излагаемые для большей убѣдительности въ видѣ алгебраическихъ формулъ. «Мы знаемъ уже, — говорится, на примѣръ, — что прибавочная цѣнность есть только результатъ измѣненія цѣнности той части капитала, которая превращена въ рабочую силу» (стр. 203). Вопросъ о производительности машинъ разрѣшается отрицательно, на основаніи даннаго заранее опредѣленія постоянного капитала: «какъ и всѣ другія составныя части постоянного капитала, машина не создаетъ цѣнности, но передаетъ свою собственную цѣнность продукту, производству котораго она служить» (стр. 453). Одна машина производитъ работу многихъ сотенъ человѣческихъ рабочихъ силъ съ несравненно большею точностью, чѣмъ люди; при помощи одного человѣка или мальчика она дѣлаетъ, напр., то, что прежде требовало работы двухсотъ человѣкъ; тѣмъ не менѣе она не можетъ быть названа производительною, ибо это противорѣчило бы опредѣленію производительности, какъ специальной принадлежности

труда. Если одинъ участокъ земли по своему плодородію даетъ вдвое больше продуктовъ, чѣмъ другой, при одинаковой затратѣ труда, то это значитъ, что не земля, а трудъ вдвое производительнѣе въ одномъ мѣстѣ, чѣмъ въ другомъ. Установлено заранее, что производительность можетъ быть относима только къ человѣческой работѣ; поэтому увеличеніе результатовъ производства при введеніи усовершенствованныхъ машинъ есть не что иное, какъ увеличеніе производительности живого человѣческаго труда, употребляемаго въ производствѣ. Когда машина расширяетъ производство въ огромныхъ размѣрахъ и вытѣсняетъ собою взрослыхъ и искусныхъ рабочихъ, замѣняя ихъ женщинами и дѣтьми, то капиталистъ обогащается единственно благодаря необычайной производительности труда этихъ женщинъ и дѣтей,— потому что прибавочная цѣнность, какъ «мы уже знаемъ», вырабатывается лишь переменнымъ капиталомъ, обращеннымъ на покупку человѣческой рабочей силы. Мальчикъ, приводящій въ движеніе колоссальную машину, производитъ всю прибавочную цѣнность, создаваемую при помощи этой машины, такъ какъ рабочая сила мальчика входитъ въ составъ переменнаго капитала, а машина принадлежитъ къ постоянному капиталу, который, по условію, не производитъ цѣнности. Чтобы разрѣшить какой-нибудь научный вопросъ въ томъ или другомъ смыслѣ по методу Маркса, надо только вставить въ условія задачи именно то, что заранее заключаетъ въ себѣ предположенное рѣшеніе; надо давать такія опредѣленія, которыя рѣшаютъ вопросъ самою своею формулировкой, а затѣмъ можно наполнить цѣлые томы различными выводами и комбинаціями, математическими выкладками и формулами, вытекающими изъ того, что «мы уже знаемъ». Если эти выводы и комбинаціи идутъ совершенно въ разрѣзъ съ общеизвѣстными фактами и съ типическими свойствами явленій, то можно указывать на неизбѣжное противорѣчіе между скрытою сущностью и ея внѣшними формами, и обличать вульгарность людей, привыкшихъ вносить повсюду заурядную логику и обыкновенный здравый смыслъ. Этотъ замѣчательный научный методъ, разрѣшающій всѣ вопросы при помощи условныхъ опредѣленій, принимаемыхъ за законы, доведенъ до рѣдкаго искусства въ книгѣ Маркса. Тѣ вульгарные экономисты, которыхъ обличаетъ авторъ «Капитала», часто дѣйствительно заслуживаютъ обличенія, какъ

представители самодовольной и ограниченной «мѣщанской экономіи», ложно выдаваемой за науку; но и сама наука Маркса, какъ видимъ, вызываетъ большія и основательныя сомнѣнія ¹⁾.

V.

Природный даръ рабочей силы.—Трудъ животныхъ и людей.—Уменьшеніе числа рабочихъ въ крупной промышленности, съ замѣною ихъ машинами.—«Законы» прибавочной цѣнности, противопоставляемые «миру явленій».—Наглядныя противорѣчія и несообразности.—Ссылки на третій томъ и заключительная мистификація.

«Дѣйствующая рабочая сила, живой трудъ—говоритъ Марксъ ²⁾, —обладаетъ *природнымъ даромъ* (Naturgabe), который ничего не

¹⁾ Различая мѣщанскую политическую экономію отъ не-мѣщанской, Марксъ нигдѣ не объясняетъ въ точности, въ чемъ состоитъ это различіе и насколько оно существенно; онъ высказывается только о разницѣ между классиками-экономистами и вульгарными: «подъ классической политической экономіею,—говоритъ онъ,—я разумѣю всю экономію (т. е. экономическую науку) со временъ Вильяма Петти, изслѣдующую внутреннюю связь гражданскихъ производственныхъ отношеній, въ противоположность вульгарной экономіи, которая вертится лишь (или, вѣрнѣе, возится—*sich herumfreibt*) въ предѣлахъ кажущейся связи явленій, постоянно вновь пережевываетъ давно доставленный научною экономіею матеріалъ для правдоподобнаго истолкованія самыхъ, такъ сказать, грубыхъ феноменовъ и для домашняго обихода, въ остальномъ же ограничивается тѣмъ, что систематизируетъ, педантизируетъ и провозглашаетъ, въ качествѣ вѣчныхъ истинъ, банальныя и самодовольныя представленія мѣщанскихъ производственныхъ дѣятелей объ ихъ собственномъ наилучшемъ мірѣ». Т. I, стр. 59, прим. 32. Другими словами, вульгарная экономія—вообще не наука, а quasi-научная болтовня, о которой не стоитъ и говорить въ серьезномъ научномъ трактатѣ; но и классическая политическая экономія есть въ то же время несомнѣнно буржуазная, мѣщанская наука, и отъ нея никакъ не можетъ отдѣлять себя Марксъ, слѣдующій по стопамъ одного изъ главныхъ ея представителей, Рикардо. Марксъ дѣлаетъ изъ этой мѣщанской доктрины свои особые практическіе выводы; но практическіе выводы не входятъ въ составъ науки и не затрагиваютъ ея общаго характера и метода. Такъ какъ другой экономической науки, кромѣ промышленно-мѣщанской, пока еще не существуетъ, и содержаніе книги о «капиталѣ» всецѣло принадлежитъ къ этой же наукѣ, которую вполне признаетъ Марксъ, то насмѣшливое, пренебрежительное отношеніе къ мѣщанской политической экономіи, одновременно съ признаніемъ ея научнаго достоинства и авторитета въ лицѣ Рикардо, не имѣетъ вообще опредѣленнаго смысла со стороны Маркса и его послѣдователей.

²⁾ Т. I, стр. 196, 630 и др.

стоит рабочему, но много приносит капиталисту; въ силу этого природнаго дара сохраняется цѣнность орудій и средствъ производства и прибавляется къ нимъ еще новая цѣнность, дающая значительный излишекъ, сверхъ покрытiя затратъ на существованiе рабочаго». Процессъ работы продолжается далѣе того момента, когда цѣнность рабочей силы восстановлена въ производимомъ товарѣ и прибавлена къ цѣнности средствъ производства и къ потребленной долѣ цѣнности орудій и машинъ. Въмѣсто шести часовъ, которыхъ было бы для этого достаточно, процессъ работы продолжается ежедневно, напр., двѣнадцать часовъ. Первую часть рабочаго дня, въ теченiе которой воспроизводится лишь затраченная цѣнность, Марксъ называетъ необходимымъ рабочимъ временемъ, а израсходованную за это время работу—необходимую работою. Вторая часть рабочаго дня идетъ уже на выработку прибавочной цѣнности, которая «улыбается капиталисту со всею прелестью созданiя изъ ничего»; это есть прибавочное рабочее время, а употребленный за это время трудъ есть прибавочный трудъ. Въ данномъ случаѣ, рабочiй употребляетъ половину двѣнадцатичасоваго рабочаго дня на себя, а другую половину—въ пользу капиталиста. Такъ какъ заранѣе рѣшено, что прибавочная цѣнность составляетъ исключительно результатъ употребленiя живой рабочей силы, то эта вновь созданная цѣнность имѣетъ отношенiе только къ той части капитала, которая израсходована на рабочихъ; эта часть капитала такимъ образомъ неизбѣжно увеличивается, почему она и названа переменною. Относительное увеличенiе этого переменнаго капитала, или относительная величина прибавочной цѣнности, называется размѣромъ или нормою прибавочной цѣнности; этотъ размѣръ соотвѣтствуетъ отношенiю между прибавочнымъ рабочимъ временемъ и необходимымъ, между частью рабочаго дня, употребляемою для капиталиста, и частью, окупающею заработную плату. Когда обѣ части рабочаго дня равны между собою (напр., по шести часовъ при двѣнадцатичасовомъ рабочемъ днѣ), то размѣръ прибавочной цѣнности составляетъ, очевидно, сто процентовъ. Норма прибавочной цѣнности въ точности выражаетъ поэтому степень эксплуатацiи рабочей силы капиталомъ, или работника—капиталистомъ; она возрастаетъ или абсолютно, съ удлинениемъ рабочаго дня, или относительно, съ сокращениемъ необходимаго рабочаго времени,

возстановляющаго цѣнность израсходованныхъ продуктовъ и приложенной къ нимъ рабочей силы. Масса прибавочной цѣнности тѣмъ выше, чѣмъ больше употребляется рабочихъ силъ въ производствѣ и чѣмъ большая доля рабочаго времени присвоивается капиталистомъ. Изъ этихъ положеній вытекаетъ множество «законовъ», формулъ и комбинацій, которыя подробнѣйшимъ образомъ излагаются и анализируются авторомъ «Капитала».

Исключительный «природный даръ» живой рабочей силы оказывается однако роковымъ для всей построенной на немъ теоріи цѣнности Маркса. Одна и та же простая мускульная работа можетъ быть произведена человѣкомъ или лошадыю; для полученія нужнаго результата совершенно безразлично, исполняется ли извѣстный физическій трудъ человѣческою или лошадиною силою, и тѣмъ не менѣе, по Марксу, только въ первомъ случаѣ извлекается изъ труда даровая прибавочная цѣнность, обогащающая капиталиста. Ясно поэтому, что, при одинаковой стоимости человѣческой и лошадиной работы, капиталистъ, съ точки зрѣнія Маркса, долженъ всегда предпочитать первую, какъ обладающую особымъ даромъ, котораго лишены лошади и машины; но о такомъ мотивѣ предпочтенія человѣческаго труда лошадиному или машинному не упоминается ни разу въ трехъ томахъ «Капитала», и самое это предпочтеніе въ дѣйствительности вовсе не существуетъ для Маркса. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Англїи,—говоритъ онъ между прочимъ,—«все еще пользуются работою женщинъ, вмѣсто лошадей, напр., для тяги при сооруженіи каналовъ, потому что количество необходимаго труда для производства лошадей и машинъ представляетъ опредѣленную математическую величину, тогда какъ трудъ на содержаніе женщинъ изъ избыточнаго населенія—ниже всякаго разсчета» ¹⁾, т.-е., проще говоря, потому что работа женщинъ обходится дешевле лошадиной или машинной; здѣсь уже авторъ совершенно забываетъ объ особой способности человѣческаго труда—создавать прибавочную цѣнность,—способности, которой онъ не приписываетъ лошадямъ, и которую онъ рѣшительно отрицаетъ относительно машинъ. Въ данномъ случаѣ трудъ женщинъ долженъ былъ бы считаться болѣе выгоднымъ для капиталиста даже при равной цѣнѣ его

¹⁾ Т. I, стр. 411.

съ работою лошадиною или машинною, ибо онъ содержитъ въ себѣ источникъ чистаго дохода въ качествѣ человѣческой работы, оплачиваемой капиталомъ значительно ниже своей производительной цѣнности. Почему же никому не приходится въ голову замѣнять лошадиный или машинный трудъ человѣческимъ для извлеченія прибавочной цѣнности, а наоборотъ, повсюду замѣчается стремленіе употреблять рабочей скотъ или механическія орудія взамѣнъ человѣческой рабочей силы, которая одна только способна будто бы создавать цѣнность изъ ничего?

Всѣ разсужденія Маркса о покупкѣ рабочей силы капиталомъ и о созданіи прибавочной цѣнности путемъ эксплуатаціи особаго дара живого труда примѣняются въ болѣе полной мѣрѣ къ рабочему скоту, чѣмъ къ людямъ. Капиталистъ покупаетъ лошадь, для примѣненія ея рабочей силы въ производствѣ; онъ дѣйствительно получаетъ эту рабочую силу въ свое распоряженіе и можетъ располагать ею по своему усмотрѣнію. Работа купленной лошади должна непремѣнно давать больше, чѣмъ сколько стоитъ она капиталисту; иначе не было бы ему расчета пріобрѣтать ее и тратиться на ея содержаніе. Въ теченіе, напр., половины рабочаго дня лошадь покрываетъ извѣстную долю своей денежной стоимости, вмѣстѣ съ издержками на свое содержаніе, а другая половина ежедневной работы идетъ уже всецѣло въ пользу хозяина, составляя для него прибавочную цѣнность. Никакой принципиальной разницы не существуетъ въ этомъ отношеніи между простымъ мускульнымъ трудомъ человѣка и животныхъ. Животныя работаютъ при постоянномъ участіи людей, которые изъ эксплуатаціи ихъ извлекаютъ и для себя необходимыя средства къ жизни; слѣдовательно, лошадь, напр., должна оплачивать не только себя, но и содержаніе состоящаго при ней человѣка, и сверхъ того давать еще чистый доходъ владѣльцу. Денежная заработная плата замѣняется здѣсь уплатою стоимости лошади и ежедневными расходами на содержаніе ея; но такъ какъ и заработная плата сводится, по Марксу, къ тѣмъ же двумъ элементамъ—къ стоимости рабочей человѣческой силы и къ необходимымъ средствамъ для ея сохраненія и поддержанія, то въ обоихъ случаяхъ мы имѣемъ одинаковыя условія для созданія прибавочной цѣнности. Производительная работа лошади, разумѣется, не можетъ быть приписана тому человѣку или мальчику, который

за нею смотреть; при одномъ и томъ же надсмотрщикѣ хорошая лошадь приноситъ большой доходъ, а дурная — малый. То же самое слѣдуетъ сказать относительно рабочаго скота вообще; рабочій скотъ не только окупаетъ свою стоимость и свое содержаніе, но кормитъ еще наблюдающихъ за нимъ людей и доставляетъ прибыль капиталисту. Рабочій или молочный скотъ несомнѣнно вырабатываетъ больше продуктовъ, чѣмъ сколько онъ обходится хозяину, и такимъ образомъ онъ создаетъ прибавочную цѣнность, на одинаковыхъ основаніяхъ съ человѣческой рабочей силою. При существованіи рабства, исчезаетъ даже формальное различіе между рабочимъ человѣкомъ и рабочимъ скотомъ; невольникъ приравнивается къ лошади или волу. Если же, какъ утверждаетъ Марксъ ¹⁾, нѣтъ существеннаго различія между наемнымъ трудомъ и рабскимъ по способу образованія прибавочной цѣнности, то и работа домашнихъ животныхъ ничѣмъ не отличается въ этомъ отношеніи отъ простаго мускульнаго труда невольника и наемнаго рабочаго.

Съ другой стороны, и при замѣнѣ рабочихъ машинами нѣтъ и рѣчи о потерѣ преимуществъ, связанныхъ съ упомянутымъ выше природнымъ даромъ человѣческой рабочей силы. Усовершенствованныя орудія вводятся въ употребленіе, когда они стоятъ дешевле замѣняемыхъ ими рабочихъ, и только разница въ цѣнѣ тѣхъ и другихъ принимается въ расчетъ авторомъ «Капитала» при опредѣленіи условій этой замѣны, такъ что машины сами по себѣ, по характеру своей производительности, признаются вполне однородными съ вытѣсненными ими рабочими силами (стр. 409, 460 и др.). Понятно, что выигрышъ въ издержкахъ производства при замѣнѣ наемныхъ рабочихъ машинами не имѣлъ бы рѣшающаго значенія для капиталиста, еслибы живой человѣческой трудъ обладалъ способностью давать особый чистый доходъ, котораго не давала бы машина. Но машины, сдѣлавшись всеобщепотребительными въ извѣстной отрасли промышленности, понижаютъ стои-

¹⁾ Т I, стр. 207, 227 и др. Марксъ нѣсколько разъ приводитъ ошибочное, по его мнѣнію, замѣчаніе Адама Смита, приравнивающее рабочій скотъ къ производительнымъ рабочимъ въ земледѣліи, но не останавливается надъ вопросомъ, въ чемъ тутъ ошибка; см. т. II, стр. 194, 352 и 366. Съ точки зрѣнія «природнаго дара» живой рабочей силы, покупаемой капиталистомъ, Марксъ едва ли могъ бы объяснить, почему замѣчаніе Смита ошибочно.

мость продуктовъ одновременно съ увеличеніемъ производства и, въ силу конкуренціи, не даютъ, по мнѣнію Маркса, никакой прибавочной цѣнности; производительность ихъ дѣйствуетъ даромъ, наравнѣ съ естественными силами природы. Очевидно, то же самое разсужденіе еще въ большей степени примѣнимо къ наемному человѣческому труду: рабочіе доступны всякому желающему, и ихъ можно имѣть въ достаточномъ и даже въ какомъ угодно количествѣ, безъ единовременной затраты крупнаго капитала, необходимой для пріобрѣтенія машины; слѣдовательно, и создаваемая ими даровая «прибавочная цѣнность», при господствѣ свободнаго соперничества, не можетъ служить источникомъ особыхъ выгодъ для кого бы то ни было и должна быть также причислена къ разряду общедоступныхъ даровъ природы. Рабочія руки предлагаются въ большемъ изобиліи, чѣмъ, напр., плодородные поземельные участки; поэтому исключительная способность человѣческой рабочей силы давать чистый доходъ или даровую прибавочную цѣнность имѣетъ за себя гораздо меньше даже чисто-внѣшнихъ основаній, чѣмъ отвергаемая Марксомъ «иллюзія фізіократовъ», (стр. 61), приписывавшихъ такую способность естественной производительной силѣ земли.

Капиталь стремится по мѣрѣ возможности сократить число рабочихъ въ крупной промышленности введеніемъ усовершенствованныхъ машинъ и все болѣе уклоняется, такимъ образомъ, отъ широкаго пользованія особымъ «природнымъ даромъ» живой рабочей силы. При печатаніи узоровъ на ситцевой матеріи, одна машина, при содѣйствіи одного человѣка или мальчика, исполняетъ теперь въ теченіе часа такую же работу, какую прежде дѣлали двѣсти рабочихъ; слѣдовательно, вмѣсто прибавочнаго труда двухсотъ человѣкъ, фабрикантъ имѣетъ въ своемъ распоряженіи прибавочный трудъ только одного работника или мальчика, въ качествѣ единственнаго источника своей прибыли. Въ земледѣльческомъ производствѣ шестнадцать машинъ дѣлаютъ ежедневно то, что прежде требовало работы не менѣе 750 человѣкъ. Во времена Адама Смита необходимо было участіе десяти человѣкъ для приготовления 48.000 иголокъ въ теченіе дня; теперь одна машина вырабатываетъ ежедневно 145 тысячъ иголокъ. Одна женщина или дѣвочка наблюдаетъ обыкновенно за дѣйствіемъ четырехъ такихъ машинъ, и поэтому «производитъ съ

ними ежедневно около 600 тысячъ, а въ недѣлю свыше трехъ миллионѣвъ иглокъ» (стр. 482). Слѣдовательно, въ производствѣ швейныхъ иглокъ прибавочный трудъ 125 рабочихъ замѣненъ прибавочною работою только одной женщины или дѣвочки, которая, по теоріи Маркса, одна только и создаетъ прибыль капитала въ данномъ предпріятіи, благодаря особому природному дару живой рабочей силы. Казалось бы, что эти и подобные имъ факты, сообщаемые самимъ авторомъ «Капитала», доводятъ его теорію прибавочной цѣнности до абсурда; но Марксъ имѣетъ свой специальный методъ, по которому явныя несообразности нисколько не колеблютъ установленныхъ заранѣе теоретическихъ построений. Если дѣйствительныя явленія не подходятъ подъ теорію или несомнѣнно опровергаютъ ее, то виновата въ этомъ не теорія, а сама дѣйствительность, полная внутреннихъ противорѣчій и загадокъ.

Марксъ подробно излагаетъ факты, даже несомѣстимые съ его доктриною, но онъ избѣгаетъ сопоставленій и примѣровъ, могущихъ наглядно обнаружить несостоятельность его выводовъ. Онъ высказываетъ свои положенія и опредѣленія; въ видѣ безспорныхъ научныхъ «законовъ», и повторяетъ ихъ съ замѣчательною увѣренностью, при разборѣ прямо противорѣчащихъ имъ фактовъ. Уменьшеніе числа занятыхъ рабочихъ въ машинномъ производствѣ не отражается, по его словамъ, на количествѣ извлекаемой изъ нихъ прибавочной цѣнности по слѣдующей причинѣ: машины увеличиваютъ и удешевляютъ производство, и несравненно больше продуктовъ вырабатывается, напр., въ одинъ часъ, чѣмъ прежде; слѣдовательно, гораздо меньшая доля рабочаго дня достаточна для возмѣщенія заработной платы, и соотвѣтственно большая часть ежедневнаго труда рабочихъ посвящается созданію прибавочной цѣнности въ пользу капиталиста. То, что теряется въ количествѣ эксплуатируемыхъ рабочихъ, выигрывается въ степени ихъ эксплуатаціи; рабочихъ употребляется меньше, но трудъ ихъ производительнѣе по введеніи машинъ, ибо, какъ «мы уже знаемъ», машины всецѣло обязаны своею производительностью приставленнымъ къ нимъ людямъ или мальчикамъ; такимъ образомъ, при введеніи машинъ каждый рабочій окупаетъ цѣнность своей рабочей силы въ болѣе короткій срокъ, и размѣръ ежедневнаго прибавочнаго труда увеличивается,

хотя бы работа сдѣлалась легче прежняго при неизмѣнности прочихъ ея условій. Для капитала увеличеніе прибавочной цѣнности, доставляемой немногими отдѣльными рабочими при помощи машинъ, можетъ оказаться настолько выгоднымъ, что ради этого стоитъ вводить машины и сокращать ими число занятыхъ рабочихъ. Здѣсь все вертится около той игры словъ, въ силу которой производительность машинъ переносится цѣликомъ на состоящихъ при нихъ людей

Итакъ, при замѣнѣ двухсотъ рабочихъ однимъ человѣкомъ или подросткомъ въ красильномъ производствѣ, благодаря введенію машинъ, капиталистъ извлекаетъ изъ работы этого одного человѣка или подростка больше прибавочной цѣнности, чѣмъ прежде изъ труда двухсотъ человѣкъ. Этотъ одинъ рабочий, при необычайно быстромъ ходѣ машины, «производитъ», быть можетъ, въ десять минутъ столько продуктовъ, сколько требуется для покрытія издержекъ на его заработную плату; эти десять минутъ составляютъ его необходимое рабочее время, и по справедливости онъ не долженъ былъ бы работать больше, такъ какъ только за трудъ этихъ десяти минутъ онъ получаетъ эквивалентъ въ своей заработной платѣ; въ теченіе всего остального рабочего дня онъ даетъ уже прибавочный трудъ и прибавочную цѣнность, т.-е. трудится даромъ для хозяина. Если его заработная плата составляетъ, наприм., рубль въ день, то этотъ рубль слѣдуетъ ему собственно за десять минутъ ежедневной работы; весь остальной рабочий день остается неоплаченнымъ со стороны капиталиста. Чтобы вознаградить этого подростка сполна, согласно теоріи Маркса, надо бы ему платить, при десятичасовомъ рабочемъ днѣ, по шестидесяти рублей ежедневно; тогда онъ получалъ бы полный эквивалентъ того, что вырабатываетъ онъ съ машинами въ теченіе дня. Точно такъ же женщина или дѣвочка, участвующая въ приготовленіи 600 тысячъ иголокъ въ день, возмѣщаетъ свою заработную плату машиннымъ трудомъ, быть можетъ, въ теченіе одного получаса, а въ остальные девять съ половиною часовъ она создаетъ съ машинами огромную прибавочную цѣнность для капиталиста. Въ первомъ случаѣ одинъ подростокъ обогащаетъ хозяина въ такой же мѣрѣ, какъ прежде сто человѣкъ (если предположить, что цѣны продуктовъ понизились на половину); во второмъ случаѣ, при томъ же условіи, одна дѣвочка доставляетъ

столько же чистаго дохода, сколько доставляли 60 человекъ во времена Адама Смита. Эти поразительныя чудеса представляются безспорными истинами въ изложеніи Маркса, и лежащая въ ихъ основѣ софистика закутана въ серьезнѣйшую научную фразеологию, способную даже внимательнаго читателя увѣрить въ томъ, что дважды два=пять.

Съ распространеніемъ машинъ въ извѣстной отрасли производства,—говоритъ Марксъ,—общественная цѣнность машинныхъ продуктовоу падаетъ до уровня ихъ индивидуальной цѣнности, и вступаетъ въ дѣйствіе законъ (т.е. принятое заранѣе положеніе), что прибавочная цѣнность проистекаетъ не изъ рабочихъ силъ, которыя капиталистъ замѣнилъ машиною, а напротивъ, изъ тѣхъ рабочихъ силъ, которымъ онъ даетъ работу при машинѣ. Прибавочная цѣнность проистекаетъ только изъ переменнѣй части капитала (употребляемой на наемъ рабочихъ), и мы видѣли, что общее количество прибавочной цѣнности опредѣляется двумя факторами—нормою прибавочной цѣнности и числомъ одновременно занятыхъ рабочихъ. При данной величинѣ рабочаго дня, норма прибавочной цѣнности опредѣляется отношеніемъ, въ какомъ рабочий день распадается на необходимый трудъ и прибавочный. Число одновременно занятыхъ рабочихъ, въ свою очередь, зависитъ отъ отношенія переменнѣй части капитала къ постоянному. Ясно теперь, что машинное производство, какъ оно ни расширяетъ прибавочный трудъ на счетъ необходимаго посредствомъ увеличенія производительной силы труда, достигаетъ этого результата только путемъ уменьшенія числа рабочихъ, занятыхъ даннымъ капиталомъ. Часть капитала, бывшая прежде переменною, т.е. переходившая въ живую рабочую силу, превращается въ машины, т.е. въ постоянный капиталъ, который не даетъ прибавочной цѣнности. Невозможно, напр., выжать изъ двухъ рабочихъ столько прибавочной цѣнности, какъ изъ 24-хъ. Если каждый изъ 24 рабочихъ доставляетъ одинъ часъ прибавочнаго труда при двѣнадцати часахъ ежедневной работы, то вмѣстѣ они доставляютъ 24 часа прибавочнаго труда, между тѣмъ какъ вся совокупная работа двухъ рабочихъ не превышаетъ 24 часовъ въ день. Такимъ образомъ, въ примѣненіи машинъ къ производству прибавочной цѣнности заключается внутреннее, присущее ему противрѣчіе, ибо изъ обоихъ факторовъ прибавочной цѣнности, да-

ваемой капиталомъ опредѣленнаго размѣра, онѣ усиливаютъ одинъ факторъ—норму прибавочной стоимости—только тѣмъ, что уменьшаютъ другой факторъ—число рабочихъ. Это внутреннее противорѣчіе выступаетъ наружу, когда съ распространеніемъ машинъ въ данной отрасли производства цѣнность машинныхъ продуктовъ дѣлается регулирующею общественною цѣнностью всѣхъ товаровъ того же рода, и это самое противорѣчіе вынуждаетъ капиталъ безсознательно стремиться къ насильственному продленію рабочаго дня, чтобы возмѣстить относительное сокращеніе числа эксплуатируемыхъ рабочихъ увеличеніемъ не только относительнаго, но и абсолютнаго прибавочнаго труда (стр. 426—7).

Такъ какъ машины работаютъ чрезвычайно быстро, и весь сложный механизмъ фабрики можетъ быть приводимъ въ дѣйствіе однимъ двигателемъ, подъ наблюденіемъ нѣсколькихъ рабочихъ, то трудъ послѣднихъ становится необычайно производительнымъ и интензивнымъ; меньшее число часовъ содержитъ въ себѣ «сгущенный трудъ» прежняго рабочаго дня, и потому вполне возможно уменьшеніе продолжительности ежедневной работы, безъ ущерба и даже съ выгодой для капиталиста. Въ то же время высокая стоимость машинъ побуждаетъ избѣгать остановки ихъ дѣйствія, и каждый лишній часъ перерыва или отдыха влечетъ за собою весьма значительные убытки, такъ что удлиненіе рабочаго дня и усиленная эксплуатація женщинъ и дѣтей дѣлаются жизненнымъ интересомъ для хозяевъ; между тѣмъ законодательство доводитъ рабочій день до извѣстной нормы и ограничиваетъ или запрещаетъ примѣненіе женскаго и дѣтскаго труда на фабрикахъ и заводахъ; капиталисты приспособляются къ новымъ условіямъ, вводятъ новыя машины, еще болѣе сокращающія употребленіе человѣческой рабочей силы, и въ концѣ концовъ не терпятъ никакихъ убытковъ отъ законодательныхъ мѣръ въ пользу рабочаго класса (стр. 428—439). Капиталъ жаждетъ прибавочнаго труда рабочихъ и вытѣсняетъ ихъ машинами, живетъ и растетъ только всасываніемъ въ себя живой человѣческой работы и старается, по мѣрѣ возможности, замѣнить живую человѣческую работу механическою, беспощадно эксплуатируетъ рабочихъ и отлично обходится безъ такой эксплуатаціи, извлекаетъ весь свой чистый доходъ изъ неоплаченнаго прибавочнаго труда рабочихъ и систематически все болѣе уменьшаетъ число

употребляемъ рабочихъ съ ихъ прибавочнымъ трудомъ и прибавочною цѣнностью.

Эти наглядныя противорѣчія между фактами и теоріею должны, по здравому смыслу, доказывать ошибочность и произвольность теоретическихъ положеній, установленныхъ а priori; но, по Марксу, эти противорѣчія присущи самой дѣйствительности, т.-е. не теорія опровергается фактами, а напротивъ, факты обнаруживаютъ свою несостоятельность и безсиліе предъ теоріею. Встрѣчаясь съ явленіями, прямо противоположными тѣмъ, которыя требуются и предполагаются его доктриною, Марксъ сначала повторяетъ свои «законы», опредѣленія и рубрики, чтобы еще разъ закрѣпить ихъ въ умѣ читателя, а затѣмъ предоставляетъ явленіямъ противорѣчить имъ сколько угодно. Остается такое впечатлѣніе, что эти законы, опредѣленія и рубрики во всякомъ случаѣ непреложны и непоколебимы, что они существуютъ независимо отъ обнимаемыхъ ими фактовъ и что сомнѣваться позволено лишь относительно способа подведенія фактовъ подъ теорію.

Въ приведенной нами цитатѣ, между прочимъ, бросается въ глаза совмѣщеніе аргументовъ, исключających себя взаимно. Уменьшая число рабочихъ при введеніи машинъ, капиталъ будто бы вознаграждаетъ потерю въ количествѣ эксплуатируемыхъ рабочихъ болѣе сильнымъ и энергическимъ извлеченіемъ прибавочной цѣнности изъ оставшагося числа рабочихъ; но тутъ же указывается на то, что, напр., изъ двухъ человѣкъ, оставленныхъ при машинахъ, физически невозможно выжать столько прибавочнаго труда, сколько можно было легко извлечь изъ 24 рабочихъ, дѣйствовавшихъ до введенія машинъ, и слѣдовательно, увеличеніе общей суммы прибавочной человѣческой работы никакъ не могло быть цѣлью капиталиста при замѣнѣ рабочихъ машинами въ приводимомъ примѣрѣ. Марксъ говоритъ о возростаніи нормы прибавочной цѣнности путемъ непомѣрнаго удлиненія рабочаго дня и возвышенія производительности и интензивности труда, благодаря машинамъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ онъ самъ же видитъ и признаетъ, что никакое удлиненіе рабочаго дня и никакая интензивность работы не сравниваютъ количества труда двухъ человѣкъ съ суммою прибавочной работы двадцати-четырехъ рабочихъ, вытѣсненныхъ новыми машинами. Если при двухъ рабочихъ съ машинами чистый доходъ предпріятія остается такой же, какъ

при двадцати-четырёх рабочихъ безъ машинъ, или оказывается даже болѣе значительнымъ, то мысль объ исключительной роли наемной рабочей силы въ созданіи прибавочной цѣнности падаетъ сама собою, и никакіе софизмы тутъ не помогутъ. Все экономическое ученіе Маркса построено на этой теоріи прибавочной цѣнности, и оно неизбежно рухнетъ вмѣстѣ съ нею.

Авторъ «Капитала» какъ бы намѣренно подходитъ къ извѣстнымъ сторонамъ вопроса, чтобы показать, что онъ имѣлъ ихъ въ виду, но затѣмъ старательно отвлекаетъ отъ нихъ вниманіе читателя, или останавливается на нихъ какъ можно меньше, подъ предлогомъ «внутренняго противорѣчія», котораго не могутъ понять лишь вульгарные, поверхностные умы; а такъ какъ никто не хочетъ признать себя вульгарнымъ и поверхностнымъ, то читатель невольно проходитъ мимо и остерегается давать своимъ мыслямъ направленіе, которое могло бы обнаружить недостаточную глубину пониманія излагаемой доктрины. Оттого люди ограниченные, изучившіе Маркса, претендуютъ обыкновенно на особое глубокомысліе, и претензія эта выражается тѣмъ сильнѣе и рѣзче, чѣмъ съ меньшею критикою усвоены ими взгляды и пріемы учителя. Но достаточно было сопоставить извѣстные факты, чтобы убѣдиться въ невозможности поддерживать теорію, которую такъ настойчиво проводитъ Марксъ, и сознаніе этой невозможности вѣроятно и побуждало его тратить такую массу труда на загроможденіе доктрины постороннимъ балластомъ и на ядовитое высмѣиваніе вульгарныхъ и не-вульгарныхъ экономистовъ разныхъ направленій.

Иногда Марксъ очень близко касается нѣкоторыхъ пунктовъ, наиболѣе опасныхъ для его системы, и онъ дѣлаетъ это съ полною самоувѣренностью, свидѣтельствующею о большомъ и очень тонкомъ пониманіи человѣческой психологіи. Онъ зналъ, что для избѣжанія неудобныхъ аргументовъ лучше всего самому предложить относящійся къ нимъ матеріалъ и заранѣе бросить на нихъ тѣнь презрѣнія. При введеніи усовершенствованныхъ машинъ, какъ неоднократно упоминаетъ Марксъ, не только уменьшается число занятыхъ рабочихъ, но искусные работники замѣняются самыми простыми, и живой человѣческой трудъ въ машинномъ производствѣ низводится на степень элементарнѣйшей работы, не требующей никакой подготовки и доступной даже дѣтямъ. Марксъ

ничего, однако, не говорить о томъ, въ какой мѣрѣ это пониженіе уровня и значенія живой рабочей силы совмѣстимо съ принципомъ созданія всей доходности машиннаго производства именно этимъ жалкимъ трудомъ простыхъ рабочихъ. Число наемныхъ рабочихъ доводится предпринимателями до минимума, очевидно въ силу убѣжденія, что расходованіе капитала на заработную плату вовсе не составляетъ прямого и вѣрнаго пути къ полученію прибавочной цѣнности. По словамъ одного англійскаго фабриканта, онъ въ прежнее время имѣлъ 63 рабочихъ, а съ введеніемъ лучшихъ машинъ онъ могъ сократить это число до 33; наконецъ, позднѣе, благодаря новымъ крупнымъ усовершенствованіямъ, онъ былъ въ состояніи довести число своихъ рабочихъ до 13 человѣкъ (стр. 470, прим. 228). Предположимъ, что эта фабрика приноситъ чистаго дохода тринадцать тысячъ фунтовъ стерлинговъ въ годъ, и такое предположеніе едва ли покажется преувеличеннымъ для хорошо устроеннаго въ Англии фабричнаго предпріятія; тогда, согласно теоріи Маркса, эта сумма ежегодной прибыли, составляющая на наши деньги почти тридцать тысячъ рублей, выжимается цѣликомъ изъ тринадцати рабочихъ путемъ присвоенія ихъ прибавочнаго неоплаченнаго труда и создаваемой имъ прибавочной цѣнности. Каждый изъ этихъ тринадцати простыхъ рабочихъ вырабатываетъ, по Марксу, на тысячу фунтовъ или почти на десять тысячъ рублей прибавочной цѣнности въ годъ, и этотъ продуктъ труда каждаго отдѣльнаго работника отнимается у него капиталистомъ посредствомъ удлиненія рабочаго дня и усиленія интензивности работы. Чтобы заработная плата соотвѣтствовала предполагаемому эквиваленту труда этихъ рабочихъ, она должна доходить до тысячи фунтовъ или десяти тысячъ рублей въ годъ на человѣка, т.-е. простые рабочіе должны разбогатѣть и превратиться въ капиталистовъ. Еслибы такова была дѣйствительно роль рабочихъ въ созданіи прибавочной цѣнности, то капиталисты, конечно, не стали бы особенно спорить и даже рисковать пріостановкою работъ изъ-за ничтожнаго повышенія заработной платы на нѣсколько пенсовъ въ день, какъ это бывало много разъ; напротивъ, ради своихъ собственныхъ интересовъ, они охотно уступили бы рабочимъ маленькую долю огромной прибавочной цѣнности, вырабатываемой ихъ трудомъ, и даже вынуждены были бы дѣлать

это подъ вліяніемъ конкуренціи. Въ приведенномъ выше примѣрѣ замѣщенія двадцати-четырехъ рабочихъ усовершенствованными машинами съ двумя работниками, весь чистый доходъ предприятия составилъ бы, по Марксу, изъ неоплаченной части рабочаго дня двухъ человѣкъ. Дѣло идетъ уже, слѣдовательно, не о чрезмѣрной эксплуатаціи рабочихъ и не о подрывѣ ихъ здороваго существованія и развитія, а объ отнятїи у нихъ цѣлыхъ промышленныхъ богатствъ, выработанныхъ при помощи машинъ и принадлежащихъ будто бы по праву простымъ работникамъ; однако, было бы крайне странно находить что-нибудь заманчивое и возвышенное въ стремленїи доставить тысячи или десятки тысячъ ежегоднаго дохода людямъ, лишеннымъ теперь необходимыхъ условій для самаго скромнаго обезпеченія своего матеріальнаго быта.

Почему собственно простые рабочіе, случайно приставленные къ непонятнымъ имъ изобрѣтеніямъ чужого ума, должны считаться единственными творцами промышленнаго капитала и его доходности, и почему они имѣютъ большее право на обогащеніе, чѣмъ другія категорїи рабочихъ и чѣмъ сами устроители машинъ,— объ этомъ умалчиваетъ Марксъ въ обширныхъ трехъ томахъ своего изслѣдованія. Другого объясненія для этой исключительной привилегїи простыхъ рабочихъ, участвующихъ въ машинномъ производствѣ, нѣтъ въ книгѣ Маркса, кромѣ лишь того, что капиталъ, употребляемый на заработную плату, названъ имъ перемѣннымъ и даетъ прибавочную цѣнность, а капиталъ, затраченный на орудія и машины, никакой прибыли не даетъ и названъ потому постояннымъ. Установленное съ самаго начала определеніе, по которому живой человѣческой трудъ есть единственный источникъ цѣнности, принято было за исходную точку цѣлаго ряда «законовъ», рубрикъ и формулъ, и въ результатѣ получилась нелѣпость, прикрытая множествомъ отвлеченныхъ мнимонаучныхъ разсужденій, побочныхъ фактическихъ свѣдѣній, примѣрныхъ расчетовъ и выкладокъ.

Замѣчательно, что при своей постоянной склонности къ переложенію простѣйшихъ выводовъ и комбинацій въ математическія формулы, Марксъ тщательно избѣгаетъ этого приѣма въ примѣненїи къ той области фактовъ, которая имѣетъ наиболѣе близкую и прямую связь съ его теорїею. Онъ на каждомъ шагѣ дѣ-

ласть разныя выкладки и приводить примѣрные расчеты относительно нормы прибавочнаго труда и прибавочной цѣнности, продолжительности рабочаго дня, оплаченной и неоплаченной его части и т. п.; но онъ ни разу не сопоставляетъ числа занятыхъ въ данномъ предпріятіи рабочихъ съ суммою вырабатываемой ими прибавочной цѣнности и не рассчитываетъ, какая доля этой цѣнности приходится на каждого отдѣльнаго рабочаго, ибо тогда обнаружилась бы несообразность, лежащая въ основѣ его ученія. «Техническія условія производства,—говоритъ онъ въ одномъ мѣстѣ,—могутъ быть такъ преобразованы, что вмѣсто прежнихъ десяти рабочихъ, перерабатывавшихъ съ десятью недорогими орудіями сравнительно небольшую массу сырого матеріала,—въ настоящее время одинъ рабочій съ дорогою машиною перерабатываетъ въ сто разъ большее количество сырыхъ продуктовъ. Въ этомъ случаѣ сильно возросъ бы постоянный капиталъ, т. е. масса цѣнности употребляемыхъ средствъ производства, а переменная часть капитала, затраченная на рабочую силу, сильно понизилась бы. Однако эта переменна измѣняетъ только отношеніе величинъ постоянного и переменнаго капитала, или пропорцію, въ какой общая сумма капитала распадается на свои составныя части—постоянную и переменную, но вовсе не затрoгиваетъ различія между постояннымъ капиталомъ и переменнымъ» (стр. 200—1). Разумѣется, эта переменна не имѣетъ значенія для принятыхъ рубрикъ, и говорить объ этомъ было даже излишне; но уменьшеніе переменнаго капитала до уровня заработной платы одного рабочаго представляло бы большую важность для всей теоріи прибавочной цѣнности, ибо оно предполагаетъ явно-фантастическую возможность извлеченія всего чистаго дохода предпріятія изъ прибавочнаго труда одного наемнаго рабочаго,—и объ этомъ обстоятельствѣ не сказано уже ни слова.

Такъ же точно поступаетъ Марксъ съ вопросомъ о высшемъ и сложномъ трудѣ, которому имъ посвящено, какъ мы видѣли, всего тринадцать строкъ, и къ которому онъ возвращается только мимоходомъ, какъ къ чему-то рѣшенному и не стоящему вниманія. «Было уже замѣчено раньше,—разсуждаетъ онъ, на примѣръ,—что для процесса образованія цѣнности вполне безразлично, какую работу присвоиваетъ себѣ капиталистъ—простую, среднюю, общественную работу, или сложную, имѣющую высшій

специфическій вѣсь. Трудъ, признаваемый высшимъ, болѣе сложнымъ по отношенію къ общественной средней работѣ, есть проявленіе рабочей силы, требовавшей болѣе значительныхъ затратъ на образованіе, и производство которой стоитъ больше рабочаго времени, вслѣдствіе чего она представляетъ большую цѣнность, чѣмъ простая рабочая сила. Если цѣнность этой рабочей силы выше, то она выражается въ высшей работѣ и овеществляется въ относительно большихъ цѣнностяхъ въ тѣ же промежутки времени... Въ каждомъ процессѣ образованія цѣнности высшая работа должна быть сведена къ среднему общественному труду, и, напр., день высшей работы будетъ считаться равнымъ такому-то числу дней простого труда. Избѣгаютъ поэтому излишняго разсчета и упрощаютъ анализъ предположеніемъ, что употребляемый капиталомъ рабочій исполняетъ простую общественную среднюю работу» (стр. 186—7). Къ несчастію, этотъ обязательный и пропускаемый безъ вниманія переводъ высшей работы на простую представляетъ именно тотъ пунктъ, гдѣ все воздвигнутое Марксомъ теоретическое построеніе само себя уничтожаетъ. Марксъ не только нигдѣ не дѣлаетъ разсчета, признаваемого имъ излишнимъ, но совершенно забываетъ о немъ—по всей вѣроятности намѣренно,—во всѣхъ своихъ соображеніяхъ и выводахъ о прибавочной цѣнности. Онъ всегда говоритъ исключительно о простыхъ наемныхъ рабочихъ, о величинѣ ихъ рабочаго дня, объ ихъ прибавочномъ неоплаченномъ трудѣ и о создаваемой ими прибавочной цѣнности, присвоиваемой капиталистомъ, тогда какъ эти понятія очевидно непримѣнимы къ труду высшаго разряда—къ труду техниковъ, инженеровъ и разныхъ ученыхъ специалистовъ, работающихъ не по денно и получающихъ вознагражденіе не по количеству своихъ рабочихъ часовъ. Еслибы Марксъ включилъ въ теорію прибавочной цѣнности элементъ высшаго труда, какъ онъ обязанъ былъ это сдѣлать по собственному своему признанію, то все его ученіе неизбежно приняло бы другой видъ, и онъ не могъ бы придти къ тѣмъ положеніямъ и комбинаціямъ, которыми наполнены три тома его «Капитала». ¹⁾

¹⁾ Въ нашей литературѣ г. Ю. Жуковскій основывалъ свою критику ученія Маркса на томъ обстоятельстве, что послѣдній будто бы совершенно игнорируетъ роль умственного, организаторскаго труда въ производствѣ («Вѣстникъ Европы», 1877 г., сентябрь). Г. Жуковскій упустилъ при этомъ изъ виду,

Какъ увидимъ далѣе, устраненіе высшихъ формъ труда при формулированіи теоріи прибавочной цѣнности приводитъ между прочимъ къ двумъ весьма важнымъ результатамъ: во-первыхъ, къ тому, что созданіе всей прибавочной цѣнности или прибыли въ капиталистическомъ обществѣ приписывается одному лишь классу простыхъ наемныхъ рабочихъ, эксплуатируемыхъ капиталистами; и во-вторыхъ, къ тому, что между рабочимъ классомъ и буржуазіею предполагается болѣе рѣзкое принципиальное разграниченіе, чѣмъ какое существуетъ въ дѣйствительности,—ибо представители высшихъ формъ производительнаго труда принадлежатъ большею частью къ буржуазіи, и среди самого рабочаго класса всегда выдѣляется лучше поставленный верхній слой, образуя собою буржуазный элементъ, имѣющій уже мало общаго съ пролетаріатомъ въ собственномъ смыслѣ.

Марксъ не могъ серьезно думать, что для процесса образованія цѣнности безразлично качество труда, присвоиваемаго капиталистомъ, и уже ни въ какомъ случаѣ онъ не могъ бы утверждать, что оно безразлично для теоріи образованія цѣнности; вопросъ о формахъ и разрядахъ человѣческой работы по качеству имѣлъ первостепенное значеніе для его доктрины, и если онъ обошелъ его, то не по забывчивости или небрежности. Онъ прекрасно понималъ, что «излишняя операція» перечисленія высшей работы на простую была бы вовсе не излишняя въ теоріи, еслибы она происходила въ дѣйствительности; но на дѣлѣ она не совершается и не можетъ совершаться сама собою, какъ мы уже указывали ¹⁾, и тѣмъ болѣе необхо-

что Марксъ прямо говоритъ о трудѣ высшаго качества и только подводитъ его подъ общее понятіе человѣческой работы, оставляя въ сторонѣ высшія формы труда при анализѣ способовъ образованія цѣнности и прибыли. Сверхъ того, г. Жуковскій сдѣлалъ существенную ошибку, не отдѣливъ вопроса о роли капитала отъ вопроса о «психическихъ» функціяхъ, оплачиваемыхъ капиталомъ. Вслѣдствіе этого критика его не коснулась важнаго внутренняго противорѣчія въ теоріи Маркса по вопросу о высшихъ формахъ труда и явилась какъ бы одностороннею защитою капиталистовъ, смѣшиваемыхъ съ представителями умственнаго элемента въ промышленной дѣятельности. На эту послѣднюю сторону аргументаціи г. Ю. Жуковскаго обрушился г. Н. Михайловскій въ своей защитѣ ученія Маркса (Сочиненія, т. II, Спб., 1888, стр. 332—380).

¹⁾ Французскій комментаторъ Маркса, Габріель Девильль, полагаетъ, что

димо было остановиться на этомъ предметѣ, показать способъ учета и соединенія разныхъ видовъ труда, сдѣлать даже примѣрныя выкладки, которыми такъ злоупотребляетъ Марксъ въ другихъ случаяхъ, когда нѣтъ къ тому никакой надобности. Намекнувъ вскользь на очень сложную и едва-ли разрѣшимую задачу, логически вытекающую изъ его собственныхъ основныхъ положеній, Марксъ поспѣшно бросаетъ ее, какъ «излишнюю», и торопитъ читателя слѣдовать за нимъ дальше, чтобы скорѣе перейти къ безконечнымъ повтореніямъ и разъясненіямъ небывалыхъ «законовъ» прибавочной цѣнности; эти утомительныя, крайне многословныя разъясненія и повторенія принятыхъ заранѣе дефиницій, облакаемыя притомъ въ мнимыя математическія формулы, производятъ несомнѣнно гипнотизирующее дѣйствіе на довѣрчиваго искателя научной правды и могутъ даже лишить его способности къ самостоятельной мысли въ данной области, какъ это случилось со многими, имѣвшими неосторожность слѣпо погрузиться въ запутанную діалектику Маркса. Оттого самыя очевидныя софизмы, обходы и противорѣчія въ его книгѣ ускользаютъ отъ вниманія его поклонниковъ, даже такихъ талантливыхъ отъ природы, какъ Энгельсъ ¹⁾.

перечисленіе сложной работы на простую дѣлается очень просто, по относительной денежной оцѣнкѣ разныхъ видовъ труда, причемъ послѣднимъ мѣриломъ оказывается трудъ, употребляемый на добываніе золота и серебра; см. *Le Capital, de Karl Marx, résumé et accompagné d'un aperçu sur le socialisme scientifique, par Gabriel Deville* (Paris, 1883), стр. 71—2. Изъ этого видно, что Девиль, будучи истолкователемъ ученія Маркса, не понимаетъ принципиальной разницы между денежною оцѣнкою труда, опредѣляемою условиями рынка, и тою реальною внутреннею цѣнностью рабочей силы, о которой говорится въ «Капиталѣ». Ср. выше, стр. 33.

¹⁾ Авторъ оригинальнаго, полного парадоксовъ, трактата о «понофізіократіи» (въ трехъ частяхъ, Berlin, 1890—91), Отто Эффертсъ, утверждаетъ, что русскіе приверженцы Маркса принадлежатъ къ наиболѣе вѣрующимъ, и въ доказательство онъ приводитъ слѣдующій анекдотъ. Авторъ много спорилъ о теоріи цѣнности Маркса съ двумя русскими эмигрантами и прижималъ ихъ къ стѣнѣ своими аргументами; «однажды эти два друга рѣшились прямо отправиться въ Лондонъ къ Фр. Энгельсу, чтобы получить отъ него отвѣтъ на извѣстныя возраженія противъ теоріи. Марксъ тогда уже умеръ, и второй томъ «Капитала» еще не вышелъ. Я съ большимъ любопытствомъ ждалъ ихъ возвращенія. Никогда не забуду я ихъ печальныхъ лицъ, когда они черезъ нѣсколько недѣль были у меня и заявили, что ничего не доби-

димо было остановиться на этомъ предметѣ, показать способъ учета и соединенія разныхъ видовъ труда, сдѣлать даже примѣрныя выкладки, которыми такъ злоупотребляетъ Марксъ въ другихъ случаяхъ, когда нѣтъ къ тому никакой надобности. Намекнувъ вскользь на очень сложную и едва-ли разрѣшимую задачу, логически вытекающую изъ его собственныхъ основныхъ положеній, Марксъ поспѣшно бросаетъ ее, какъ «излишнюю», и торопитъ читателя слѣдовать за нимъ дальше, чтобы скорѣе перейти къ безконечнымъ повтореніямъ и разъясненіямъ небывалыхъ «законовъ» прибавочной цѣнности; эти утомительныя, крайне многословныя разъясненія и повторенія принятыхъ заранѣе дефиницій, облакаемая притомъ въ мнимыя математическія формулы, производятъ несомнѣнно гипнотизирующее дѣйствіе на довѣрчиваго искателя научной правды и могутъ даже лишить его способности къ самостоятельной мысли въ данной области, какъ это случилось со многими, имѣвшими неосторожность слѣпо погрузиться въ запутанную діалектику Маркса. Оттого самыя очевидныя софизмы, обходы и противорѣчія въ его книгѣ ускользаютъ отъ вниманія его поклонниковъ, даже такихъ талантливыхъ отъ природы, какъ Энгельсъ ¹⁾.

перечисленіе сложной работы на простую дѣлается очень просто, по относительной денежной оцѣнкѣ разныхъ видовъ труда, причемъ послѣднимъ мѣриломъ оказывается трудъ, употребляемый на добываніе золота и серебра; см. *Le Capital, de Karl Marx, résumé et accompagné d'un aperçu sur le socialisme scientifique, par Gabriel Deville* (Paris, 1883), стр. 71—2. Изъ этого видно, что Девиль, будучи истолкователемъ ученія Маркса, не понимаетъ принципиальной разницы между денежною оцѣнкою труда, опредѣляемою условіями рынка, и тою реальною внутреннею цѣнностью рабочей силы, о которой говорится въ «Капиталѣ». Ср. выше, стр. 33.

¹⁾ Авторъ оригинальнаго, полного парадоксовъ, трактата о «понофизіократіи» (въ трехъ частяхъ, Berlin, 1890—91), Отто Эффертсъ, утверждаетъ, что русскіе приверженцы Маркса принадлежатъ къ наиболѣе вѣрующимъ, и въ доказательство онъ приводитъ слѣдующій анекдотъ. Авторъ много спорилъ о теоріи цѣнности Маркса съ двумя русскими эмигрантами и прижималъ ихъ къ стѣнѣ своими аргументами; «однажды эти два друга рѣшились прямо отправиться въ Лондонъ къ Фр. Энгельсу, чтобы получить отъ него отвѣтъ на извѣстныя возраженія противъ теоріи. Марксъ тогда уже умеръ, и второй томъ «Капитала» еще не вышелъ. Я съ большимъ любопытствомъ ждалъ ихъ возвращенія. Никогда не забуду я ихъ печальныхъ лицъ, когда они черезъ нѣсколько недѣль были у меня и заявили, что ничего не доби-

Возьмемъ для примѣра только-что приведенную цитату: не только все ея содержаніе не имѣетъ точнаго смысла и представляетъ лишь неловкій изворотъ, чтобы отдѣлаться отъ неудобной, хотя и обязательной темы, но и отдѣльныя замѣчанія и фразы ошибочны и произвольны. Рабочая сила, дающая трудъ высшаго порядка, «стоила больше рабочаго времени для своего производства и потому имѣетъ бѣльшую цѣнность, чѣмъ простая рабочая сила». Другими словами, къ оцѣнкѣ качествъ труда примѣняются совершенно неподходящія фабричныя понятія о производствѣ товаровъ и количествѣ потраченной на нихъ работы; между тѣмъ, рабочая сила даетъ высшій трудъ вовсе не потому, что ея приготовленіе требовало больше затратъ, и онъ имѣетъ большую цѣнность вовсе не по этой причинѣ: работники, подготовка которыхъ стоила очень мало, могутъ обладать способностью къ труду высшаго разряда, дѣлать техническія изобрѣтенія и открытія, а самые крупные образовательные расходы остаются безплодными въ экономическомъ смыслѣ, если они не имѣютъ производительнаго назначенія (если, напр., готовятъ классики, знатоки никому ненужныхъ грамматическихъ тонкостей древнихъ языковъ). Никакое приготовленіе, сколько бы оно ни стоило, не придастъ высокой цѣнности труду бездарности. «Если цѣнность рабочей силы выше, — говорится далѣе, — то она выражается и въ высшей работѣ и производитъ относительно болѣе высокія цѣнности». Нужно бы сказать наоборотъ, что цѣнность рабочей силы выше, если послѣдняя выражается въ высшей работѣ, такъ какъ о качествахъ рабочей силы можно судить только по ея продуктамъ; а изъ значительной стоимости приготовленія рабочей силы вовсе еще не слѣдуетъ, что она даетъ высшій трудъ и производитъ болѣе высокія цѣнности. Такимъ образомъ, стараясь обойти извѣстную сторону вопроса, Марксъ счелъ даже лишнимъ

лись (es sei nichts). Фр. Энгельсъ не удовлетворилъ ихъ, хотя толковалъ съ ними два часа; наконецъ онъ утѣшилъ ихъ ссылкой на будущіе томы Маркса». Тѣмъ не менѣе оба русскіе остались вѣрными его ученію и не соглашались ни въ чемъ отступить отъ него. «Реформировать Маркса — было бы даже для нихъ слишкомъ революціонно; въ томъ, что сказано учителемъ, ничто не должно быть поколеблено: ни одинъ іезуитъ не вѣритъ такъ твердо въ непогрѣшимость папы и церкви...». См. Arbeit und Boden, Grundlinien einer Popophysikokratie, von Otto Efferts, т. III, стр. 120—1.

отнестись къ ней внимательно, и вопросъ о разныхъ формахъ работы не только оставленъ имъ безъ разсмотрѣнiя, но и поставленъ невѣрно.

Повидимому, Марксъ разсчитывалъ предупредить возможные колебанiя и сомнѣнiя доброжелательныхъ читателей, возбудивъ въ нихъ надежду на то, что всѣ спорные или сомнительные пункты будутъ окончательно разъяснены въ слѣдующихъ томахъ его книги. Надежда эта превращалась въ твердую увѣренность въ виду категорическихъ заявленiй его друга и товарища, Фридриха Энгельса, напечатавшаго въ 1885 году, что съ выходомъ третьяго тома данъ будетъ «ключъ къ разрѣшенiю запутаннѣйшихъ экономическихъ проблемъ», относительно которыхъ были безсильны всѣ жившiе до него ученые экономисты, не только вульгарные, но и классическiе, въ родѣ Рикардо. Марксъ заранѣе указалъ на одинъ существенный пробѣлъ или недостатокъ своей теорiи, который не могъ остаться незамѣченнымъ даже при поверхностномъ ознакомленiи съ его учениемъ, и онъ отложилъ разъясненiе вопроса до третьяго тома, существовавшаго еще только въ наброскахъ. Частыя ссылки на этотъ третiй томъ, гдѣ любознательные люди найдутъ разгадку всякихъ своихъ недоумѣнiй, относятся главнымъ образомъ къ вопросу объ образованiи прибыли. Прибавочная цѣнность есть приростъ переменнаго капитала, расходуемаго на заработную плату, а отношенiе этой прибавочной цѣнности къ общей суммѣ капитала, употребляемаго въ данномъ предпрiятии, составляетъ прибыль. Отсюда вытекаетъ «законъ», что чѣмъ выше размѣръ переменнаго капитала сравнительно съ постояннымъ, тѣмъ больше норма прибавочной цѣнности и прибыли, и что, слѣдовательно, разные промышленные капиталы должны давать различную прибыль, смотря по относительной величинѣ своихъ составныхъ частей—постоянной и переменной, т.-е. смотря по большому или меньшему количеству эксплуатируемыхъ рабочихъ. «Этотъ законъ,—продолжаетъ Марксъ,—явно противорѣчитъ всякому опыту, основанному на общедоступномъ наблюденiи. Каждый знаетъ, что владѣлецъ хлопчатобумажной фабрики, употребляющей сравнительно много постоянного и мало переменнаго капитала, считая процентныя доли всей примѣненной къ дѣлу капитальной суммы, все-таки добываетъ не меньшую прибыль или прибавочную цѣнность,

чѣмъ было **никъ**, пускающій въ ходъ относительно много пере-
 мѣннаго и мало постояннаго капитала» (т. I, стр. 312). По этому
 поводу Марксъ насмѣшливо отзывается о вульгарной экономіи,
 предпочитающей кажущіяся явленія несогласнымъ съ ними «за-
 конамъ явленій», которые въ данномъ случаѣ составляютъ «не-
 обходимое послѣдствіе закона цѣнности вообще» (т.-е. опредѣ-
 леній и рубрикъ, установленныхъ Марксомъ). Капиталы прино-
 сятъ одинаковую прибыль, независимо отъ размѣровъ той при-
 бавочной цѣнности, которую они будто бы извлекаютъ изъ болъ-
 шаго или меньшаго количества наемныхъ рабочихъ, и этотъ
 фактъ, достаточный самъ по себѣ для опроверженія придуман-
 ной Марксомъ теоріи, оставляется неразъясненнымъ безъ всякаго
 мотива, съ отсылкою читателя къ будущему тому ¹⁾, въ появле-
 ніи котораго самъ авторъ не могъ быть увѣренъ при изданіи
 первой части «Капитала» въ 1867 году. Въ неопредѣленномъ
 будущемъ онъ обѣщаетъ «доказать», что норма прибыли можетъ
 и должна быть одинакова при различной нормѣ прибавочной
 цѣнности, а въ первомъ томѣ онъ не могъ это сдѣлать, даже
 въ видѣ краткаго указанія или намека, хотя удѣлили въ этомъ
 томѣ очень много мѣста подробнѣйшимъ фактическимъ даннымъ
 о положеніи англійскихъ рабочихъ до введенія фабричныхъ за-
 коновъ,—даннымъ, хорошо извѣстнымъ изъ книги Энгельса и не
 представляющимъ абсолютно никакого общаго теоретическаго ин-
 тереса. Этимъ невѣроятнымъ, но гениальнымъ въ своемъ родѣ
 приѣмомъ отсрочки на неопредѣленное время весьма существен-
 наго разъясненія, которое будто бы имѣлось уже у автора въ
 запасѣ, Марксъ сразу достигъ двухъ цѣлей,—во-первыхъ, онъ
 сосредоточилъ вниманіе читателей на одной слабой сторонѣ его
 теоріи и отвлекъ отъ другихъ, болѣе коренныхъ ея погрѣшно-
 стей, и во-вторыхъ, вызвалъ готовность увѣрывать въ его ученіе,
 такъ сказать, въ кредитъ, и обезпечилъ себя отчасти отъ раз-
 рушительной критики перспективою будущихъ окончательныхъ
 разъясненій. Марксъ не ошибся въ своемъ пониманіи человѣче-
 ской психологіи: не только заурядные читатели, но и ученые эконо-

¹⁾ Эти ссылки, почти въ однихъ и тѣхъ-же выраженіяхъ, повторяются
 на стр. 205 (прим. 28), 210 (прим. 31), 312 (прим. 203), 333, 427 (прим. 153),
 542—3, и 632 (прим. 61).

номисты отнеслись вполне серьезно къ увѣренію, что въ третьемъ томѣ содержится разгадка научныхъ тайнъ, упорно скрываемыхъ отъ публики авторомъ «Капитала» и его ближайшимъ помощникомъ, Фридрихомъ Энгельсомъ. Нѣкоторые, какъ проф. Лексисъ, Фиреманъ и Конрадъ Шмидтъ, пытались, съ своей стороны, предложить возможное рѣшеніе вопроса о прибыли въ духѣ Маркса, чѣмъ еще болѣе усилили интересъ ожидаемаго выхода третьяго тома. Наконецъ, въ 1894 году, т.-е. 27 лѣтъ спустя послѣ первой части «Капитала», появился третій томъ, и въ немъ оказалось нѣчто похожее на мистификацію. Сверхъ всякаго ожиданія, теорія прибавочной цѣнности, по прежнему подтверждаемая на словахъ, отвергнута авторомъ на дѣлѣ и замѣнена старыми, общеизвѣстными разсужденіями объ издержкахъ производства, какъ единственныхъ регуляторовъ цѣнности, а равномерность прибыли выводится изъ фантастическаго предположенія, что капиталисты дружно дѣлятся между собою доходами разныхъ предприятий, выравнивая различныя суммы прибавочной цѣнности, извлекаемой изъ наемнаго труда каждымъ въ отдѣльности, причемъ это уравненіе достигается то братскимъ согласіемъ, то конкуренціею. Въ концѣ концовъ специальная прибавочная цѣнность, о которой такъ безпощадно будто бы хлопчуть соперничающіе между собою капиталисты, не играетъ никакой роли ни въ доходахъ отдѣльныхъ предпринимателей, ни въ опредѣленіи нормы прибыли, ни въ установленіи товарныхъ цѣнъ,—и все построенное Марксомъ теоретическое зданіе разваливается, какъ карточный домикъ, подъ ударами самого автора «Капитала».

VI.

Научныя разсужденія и поправки, оказывающіяся безплодными.—Попытки примирить факты съ теоріею.—Замаскированный поворотъ въ сторону вульгарныхъ старыхъ положеній и выводовъ.—Безвыходная путаница въ ученіи Маркса о цѣнности и прибыли.

Экономическая теорія Маркса, какъ мы видѣли, построена на весьма сложной системѣ внутреннихъ противорѣчій, неразрѣшимыхъ даже съ точки зрѣнія самого автора «Капитала».

Всѣ разсужденія объ образованіи прибавочной цѣнности во время процесса производства теряютъ почву, если вспомнить, что цѣнность вовсе не составляетъ самостоятельнаго внутренняго качества, присущаго товарамъ, а зависитъ отъ внѣшнихъ условій, надъ которыми производители не властны, т.-е. отъ степени общественной потребности въ данныхъ товарахъ и отъ среднихъ общественно-необходимыхъ условій ихъ производства. Какая прибавочная цѣнность можетъ создаваться до появленія товаровъ на рынкѣ, когда цѣнность существуетъ еще только въ предположеніяхъ и расчетахъ предпринимателя? Сколько бы ни употреблялось усилій на созданіе и увеличеніе прибавочной цѣнности въ процессѣ производства, никакой прибавочной цѣнности не окажется на дѣлѣ, если она не входитъ въ цѣны производимыхъ товаровъ и не вліяетъ на эти товарныя цѣны. Въ предѣлахъ же существующихъ цѣнъ можно достигнуть «прибавочной цѣнности» только путемъ удешевленія производства; но удешевленіе производства, дѣлаясь всеобщимъ и общедоступнымъ, понижаетъ цѣны товаровъ и, слѣдовательно, опять-таки не оставляетъ въ рукахъ производителя никакой специальной прибавочной цѣнности.

Самые термины: «прибавочный трудъ», «прибавочная цѣнность» и «неоплаченная часть рабочаго дня» основаны на софизмахъ, затемняющихъ общій принципиальный вопросъ объ отношеніяхъ между капиталомъ и трудомъ. Плата за трудъ можетъ быть слишкомъ низкою, и весь договоръ о наймѣ рабочаго можетъ носить на себѣ характеръ односторонней эксплуатаціи; но никакого прибавочнаго труда, сверхъ условленнаго, не требуется и не можетъ требоваться отъ рабочаго, пока обоюдное соглашеніе (хотя бы только формальное со стороны рабочаго) остается необходимымъ элементомъ сдѣлки. Если капиталистъ не нанимаетъ, а покупаетъ рабочую силу, какъ это выходитъ по Марксу, то еще менѣе логично говорить о прибавочномъ неоплаченномъ трудѣ, ибо вся трудовая способность рабочаго принадлежитъ тогда капиталисту и оплачивается имъ по существующей цѣнѣ рабочей силы; плата за самый трудъ тогда вообще не существуетъ, и слѣдовательно, нельзя отдѣлять оплаченную часть работы отъ неоплаченной. Самъ Марксъ мимоходомъ сознается, что тутъ есть непослѣдовательность, и что неоплаченный трудъ является только

«популярнымъ выраженіемъ» для прибавочнаго труда *); но и понятіе о прибавочномъ трудѣ совершенно не вяжется съ представленіемъ о продажѣ рабочей силы.

Мысль о куплѣ-продажѣ рабочей силы не только не облегчаетъ теоретической задачи, связанной съ вопросомъ о цѣнности, но вноситъ въ него новую путаницу. Трудъ не имѣетъ цѣнности и цѣны будто бы потому, что, наоборотъ, цѣнность измѣняется трудомъ. «Чѣмъ опредѣлялась бы въ такомъ случаѣ цѣнность, напр., двѣнадцатичасоваго рабочаго дня?—спрашиваетъ Марксъ.—Двѣнадцатю часами работы, заключающимися въ двѣнадцати-часовомъ рабочемъ днѣ, что было бы безцѣльною тавтологією» (стр. 555).

Этотъ доводъ, очевидно, представляетъ собою только обманчивую игру словъ. По собственному ученію Маркса, цѣнность опредѣляется не тѣмъ, что товаръ даетъ потребителю, а тѣмъ, что необходимо для производства или приготовления товара; поэтому цѣнность двѣнадцатичасоваго рабочаго дня опредѣляется не двѣнадцатю часами работы, получаемой капиталистомъ, а тѣмъ количествомъ труда, которое нужно для доставленія рабочему средствъ дневнаго существованія. Послѣднее количество труда должно быть непременно меньше двѣнадцати часовъ работы, потому что при помощи орудій и машинъ производится въ теченіе даннаго срока несравненно больше цѣнностей, чѣмъ безъ орудій и средствъ производства, и благодаря этому обстоятельству, рабочей окупаетъ свою плату въ болѣе короткое время, чѣмъ при самостоятельной работѣ съ самодѣльными орудіями. Трудъ, необходимый для производства пищи и другихъ предметовъ потребленія рабочихъ, и трудъ, исполняемый рабочими на фабрикѣ или заводѣ по договору съ капиталистомъ,—это двѣ

*) См. т. I, стр. 554. Въ основѣ этихъ представленій о прибавочномъ и неоплаченномъ трудѣ лежатъ, очевидно, двѣ не высказанныя прямо идеи: 1) что настоящая справедливая цѣна труда *должна* равняться всему его продукту, сверхъ покрытія необходимыхъ издержекъ, и 2) что эта естественная норма заработка не можетъ быть измѣнена никакими формальными соглашениями между хозяевами и рабочими. Оба положенія подразумѣваются какъ бы сами собою, безъ малѣйшихъ къ тому логическихъ основаній; они незамѣтно вносятъ въ теорію элементъ должнаго или справедливаго, вопреки ея мнимому научно-объективному характеру.

совершенно различныя величины, которыхъ не слѣдуетъ смѣшивать. По теоріи, рабочій получаетъ эквивалентъ своего рабочаго времени въ заработной платѣ, обеспечивающей сохраненіе и поддержаніе его трудовой способности; а то, что извлекаетъ изъ него капиталистъ при помощи своихъ орудій производства, имѣетъ столь же мало связи съ рыночною цѣнностью труда, какъ и всякія другія выгоды, извлекаемыя покупателемъ изъ пріобрѣтенныхъ товаровъ. Личный реальный трудъ работника, безъ орудій и машинъ, можетъ и долженъ, по Марксу же, цѣниться гораздо ниже продуктовъ того же труда, обставленнаго всѣми усовершенствованіями техники (напр., трудъ ручного ткача и машиннаго); поэтому вполне естественно, что большее количество простой человѣческой работы обмѣнивается на продукты меньшаго количества труда, дѣйствующаго при болѣе благоприятныхъ условіяхъ.

«Чтобы быть проданнымъ на рынкѣ, какъ товаръ,—говоритъ еще Марксъ,—трудъ долженъ бы во всякомъ случаѣ существовать передъ продажей. Но еслибы работникъ могъ дать труду самостоятельное существованіе, онъ продавалъ бы товаръ, а не трудъ» (стр. 556). Софизмъ построенъ на предположеніи, что предметомъ продажи можетъ быть только реальная вещь, имѣющая самостоятельное внѣшнее существованіе; но это возраженіе—если оно можетъ считаться возраженіемъ,—одинаково примѣнимо и къ рабочей силѣ, которая также не существуетъ реально, внѣ работника. Какой же смыслъ имѣетъ послѣ этого поправка, предлагаемая Марксомъ? Далѣе, Марксъ подробно опредѣляетъ стоимость рабочей силы,—стоимость, которую долженъ оплачивать капиталистъ при покупкѣ этого «товара»: онъ говоритъ объ издержкахъ на его приготовленіе и обновленіе, согласно общимъ правиламъ о производствѣ «всякихъ другихъ товаровъ» и особенно машинъ ¹⁾. Между тѣмъ оплачивать эти затраты на при-

¹⁾ Тамъ же, стр. 155—157, 263—4 и др. Въ то же время Марксъ признаетъ значеніе нравственныхъ и историческихъ условій въ опредѣленіи цѣнности этого товара: «Съ другой стороны, объемъ такъ наз. необходимыхъ средствъ къ жизни, какъ и способъ удовлетворенія ихъ (жизненныхъ потребностей?), составляетъ также историческій продуктъ и поэтому зависитъ большею частью отъ степени культуры страны, между прочимъ и отъ того, при какихъ условіяхъ и съ какими привычками и житейскими требованіями

готовленіе и обновленіе рабочей силы не приходится капиталистамъ по той простой причинѣ, что они не покупаютъ, а нанимаютъ работниковъ, и авторъ вынужденъ тутъ же свести заработную плату къ цѣнности средствъ, необходимыхъ для содержанія рабочихъ съ ихъ семействами, какъ это дѣлаетъ Рикардо, который подъ заработною платою разумѣетъ цѣну труда, а не рабочей силы. Въ дальнѣйшемъ изложеніи Марксъ разсуждаетъ иногда о продажѣ труда, какъ товара, забывая уже о замѣнѣ его рабочею силою ¹⁾, и вся эта необыкновенно важная будто бы поправка, которая, по увѣренію Энгельса, «однимъ ударомъ разрѣшила затрудненіе, погубившее школу Рикардо», уничтожается сама собою.

Образчикомъ сознательной софистики можетъ служить также разсужденіе о необычайной важности для фабрикантовъ удлиненія рабочаго дня, въ виду огромныхъ убытковъ отъ бездѣйствія дорогаго стоящихъ машинъ даже въ теченіе короткаго времени: Марксъ предполагаетъ здѣсь, что непремѣнно одни и тѣ же рабочіе должны приводить машины въ движеніе, причѣмъ намѣренно умалчиваетъ о возможности послѣдовательныхъ смѣнъ рабочихъ, съ сокращеніемъ продолжительности работы отдѣльных лицъ даже до шести часовъ въ день. Если принять во вниманіе эту простую возможность смѣны рабочихъ, то выводъ о неразрывной связи капиталистическаго производства съ непомѣрною жаждою прибавочнаго труда, убійственнаго для трудящихся, отпадаетъ самъ собою.

По теоріи Маркса, прибавочная цѣнность вырабатывается лишь тою «перемѣнною» частью капитала, которая употребляется на покупку живой рабочей силы; поэтому и прибыль (которая есть та же прибавочная цѣнность, отнесенная ко всему употребленному въ дѣло капиталу, а не только къ перемѣнному) должна въ различныхъ предпріятіяхъ соотвѣтствовать количеству наемныхъ рабочихъ и степени ихъ эксплуатаціи. Чѣмъ больше требуется ра-

образовался классъ свободныхъ рабочихъ. Въ противоположность другимъ товарамъ, опредѣленіе цѣнности рабочей силы заключаетъ въ себѣ, слѣдовательно, историческій и нравственный элементъ. Но для опредѣленной страны, въ опредѣленный періодъ, средній размѣръ необходимыхъ жизненныхъ средствъ можетъ считаться опредѣленною величиною» (стр. 156—7).

¹⁾ См., напр., т. II, стр. 93.

бочихъ въ данной отрасли производства, и чѣмъ меньше тратится на машины и на сырые продукты, тѣмъ выше размѣръ получаемой прибыли. Такъ какъ въ дѣйствительности ничего подобнаго нѣтъ, а скорѣе мы видимъ обратное, то Марксъ пробуетъ объяснить или устранить противорѣчіе двумя способами: сначала онъ утверждаетъ, что потеря отъ уменьшенія числа рабочихъ уравнивается возростаніемъ производительности и интензивности труда по введеніи машинъ, вслѣдствіе чего прибавочная цѣнность не только не уменьшается, но даже увеличивается; однако это объясненіе приводитъ къ невозможнымъ выводамъ въ родѣ того, что прибыль цѣлаго предпріятія создается нѣсколькими женщинами и дѣтьми, работающими при машинахъ, или создается даже однимъ рабочимъ, наблюдающимъ за дѣйствіемъ могущественныхъ механическихъ двигателей. Ссылка на удлиненіе рабочаго дня оказывается также бесполезною, когда дѣло идетъ о замѣнѣ десятковъ и сотенъ работниковъ двумя или тремя челоуѣками, изъ которыхъ физически нельзя выжать столько прибавочнаго труда, сколько необходимо для правдоподобнаго объясненія прибыли. Тогда Марксъ прибѣгаетъ къ другому приему, — онъ не отрицаетъ, что равенство прибылей въ разныхъ предпріятіяхъ несовмѣстимо съ его теоріею, и онъ даетъ понять читателю, что эта несовмѣстимость будетъ устранена дальнѣйшими разъясненіями, заключающимися въ третьемъ томѣ «Капитала». Но, вмѣсто обѣщаннаго разъясненія, читателю предлагается въ концѣ-концовъ нѣчто совершенно невѣроятное.

Посвятивъ два обширныхъ тома подробнѣйшему анализу небывалыхъ законовъ и формулъ, касающихся извлеченія прибавочной цѣнности изъ наемной рабочей силы, Марксъ въ третьемъ томѣ дѣлаетъ поворотъ въ другую сторону; онъ вынужденъ признать, что всѣ его законы и формулы прямо противорѣчатъ дѣйствительности и никакъ не могутъ быть съ нею согласованы, — что размѣръ прибавочной цѣнности вовсе не обусловливается количествомъ наемныхъ рабочихъ и степенью ихъ эксплуатаціи въ отдѣльныхъ предпріятіяхъ, и что прибавочная цѣнность, въ формѣ прибыли, получается въ одинаковой мѣрѣ со всякаго вообще производительнаго капитала, даже при отсутствіи наемныхъ рабочихъ. Вмѣсто прибавочной цѣнности, соотвѣтствующей количеству дароваго труда, присвоиваемаго капиталистомъ, высту-

пасть на сцену средняя норма прибыли, одинаковая для различных отраслей производства и не имѣющая уже никакой связи ни съ количествомъ употребляемыхъ рабочихъ, ни со степенью ихъ эксплуатаціи ¹⁾. Цѣны товаровъ опредѣляются уже не внутренней цѣнностью, измѣряемою трудомъ, а стоимостью издержекъ производства съ присоединеніемъ средней прибыли. Капиталисты реализуютъ прибыль, даже если продаютъ товары значительно ниже ихъ трудовой цѣнности; они могутъ это дѣлать благодаря излишкамъ даровой прибавочной цѣнности, воплощенной въ товарахъ. Различныя нормы прибавочной цѣнности превращаются въ среднюю норму прибыли, которая достается и капиталистамъ, употребляющимъ мало наемныхъ рабочихъ и даже вовсе ихъ не употребляющимъ. Истиннымъ регуляторомъ цѣны остается размѣръ необходимыхъ издержекъ производства. Каждый капиталистъ заранѣе присоединяетъ среднюю прибыль къ цѣнѣ издержекъ, и устанавливаемая такимъ образомъ «производственная цѣна» (Produktionspreis) приближается будто бы въ большей или меньшей мѣрѣ къ трудовой цѣнности товаровъ. «Цѣна производства,—говоритъ Марксъ,—заключаетъ въ себѣ среднюю прибыль. Мы назвали ее производственною цѣною; это фактически то же самое, что Смитъ назвалъ естественною цѣною, Рикардо—стоимостью или издержками производства, физиократы—необходимую цѣною, причемъ никто изъ нихъ не объяснилъ разницы между цѣною производства и цѣнностью, ибо эта разница составляетъ постоянное условіе предложенія и воспроизведенія товаровъ въ каждой изъ отдѣльныхъ отраслей производства» ²⁾. Такимъ образомъ, послѣ долгихъ теоретическихъ блужданій, Марксъ возвращается на старую торную дорогу, проложенную «вульгарными экономистами», и въ то же время съ полною увѣренностью заявляетъ, что этимъ окончательно разъяс-

¹⁾ Т. III, ч. I, стр. 10 и слѣд., 132 и др. При этомъ говорится еще, что «такъ представляется капиталисту»: но представленія совпадаютъ здѣсь съ фактами: предприниматель дѣйствительно получаетъ прибыль независимо отъ числа рабочихъ и отъ степени ихъ эксплуатаціи. Факты таковы, что Марксъ вынужденъ сказать: «Какъ бы то ни было, итогъ остается тотъ, что прибавочная цѣнность проистекаетъ одновременно изъ всѣхъ частей приложеннаго къ дѣлу капитала» (стр. 10).

²⁾ Тамъ же, стр. 178 и др.

няется и упрочивается внутренній смысл его доктрины. Желаніе во что бы то ни стало увѣрить читателя, что фактическое отреченіе отъ доктрины есть въ сущности ея подтвержденіе, запутываетъ аргументацію до того, что она становится совершенно непонятною.

Придерживаясь своей обычной системы, Марксъ и въ третьемъ томѣ опять повторяетъ прежнія положенія о прибавочной цѣнности, перелагаетъ ихъ въ алгебраическія формулы и дѣдаетъ съ ними разныя примѣрныя выкладки; — однѣ и тѣ же операціи и опредѣленія, сводяшіяся часто къ простой тавтологіи, воспроизводятся буквально десятки разъ¹⁾. Обсудивъ съ различныхъ сторонъ вопросъ о зависимости прибыли отъ размѣра затратъ на заработную плату, Марксъ, повидимому, остается послѣдовательнымъ въ своихъ выводахъ. «Мы показали, — говоритъ онъ, — что въ разныхъ отрасляхъ промышленности, соотвѣтственно различному органическому составу капиталовъ (т. е. соотвѣтственно относительной величинѣ той части капитала, которая употребляется на наемъ рабочихъ) и смотря по продолжительности оборота этихъ капиталовъ, господствуютъ различныя нормы прибыли, и что только для капиталовъ одинаковаго органическаго состава, при одинаковой нормѣ прибавочной цѣнности и при равныхъ срокахъ оборота, дѣйствуетъ (по своей общей тенденціи) законъ, что прибыли пропорціональны размѣрамъ капиталовъ, и что равные по величинѣ капиталы даютъ въ равные сроки одинаковыя суммы прибыли. Изложенное имѣетъ силу при предположеніи, что товары продаются по своей цѣнности. Съ другой стороны, не подлежитъ никакому сомнѣнію, что въ дѣйствительности, независимо отъ случайныхъ, незначительныхъ и выравнивающихся особенностей, не существуетъ и не могло бы существовать различіе среднихъ нормъ прибыли въ разныхъ отрасляхъ промышленности, такъ какъ тогда упразднилась бы вся система капиталистическаго производства. Кажется поэтому, что теорія цѣнности несовмѣстима здѣсь съ дѣйствительнымъ ходомъ вещей, несовмѣстима съ фактическими явленіями производства, и что, слѣдовательно, надо

¹⁾ Любопытные примѣры такого безцѣльнаго повторенія азбучныхъ расчетовъ, облеченныхъ въ математическія формы, можно найти на стр. 25 (въ концѣ), 26, 27 и др., въ 1-ой ч. III тома.

отказаться от надежды понять эти явления». Еслибы капиталъ, десятая доля котораго расходуется на заработную плату, давалъ такую же прибавочную цѣнность или прибыль, какъ и капиталъ, затрачиваемый почти цѣликомъ на рабочихъ, то «было бы ясно, какъ день, — замѣчаетъ Марксъ, — что прибавочная цѣнность и вообще цѣнность должна имѣть совсѣмъ другой источникъ, чѣмъ трудъ, и что этимъ устраняется всякая рациональная основа политической экономіи» ¹⁾.

Это значитъ, что для политической экономіи нѣтъ спасенія внѣ теоріи Маркса: если теорія его несостоятельна, то никакая вообще теорія немыслима, и надо отказаться отъ попытки понять экономическія явленія. А такъ какъ нельзя мириться съ отсутствіемъ рациональной науки, то поневолѣ нужно брать ее въ томъ видѣ, въ какомъ предлагаетъ ее Марксъ, ибо другой науки нѣтъ и быть не можетъ, по категорическому упостовѣренію автора. Правда, и до книги о «Капиталѣ» господствовало между экономистами ученіе о трудѣ, какъ объ источникѣ цѣнности, и оно можетъ остаться въ силѣ и послѣ того, какъ будетъ отвергнута доктрина Маркса; слѣдовательно, отказъ отъ этой доктрины вовсе не равносильнъ отреченію отъ трудовой теоріи цѣнности, которой держались и Смитъ и Рикардо. Рациональная основа политической экономіи дана была также ранѣе появленія Маркса, и потому нѣтъ повода думать, что она должна раздѣлить судьбу его специальныхъ теоретическихъ взглядовъ и выводовъ. Отожествляя свое ученіе съ разумною политической экономіею вообще, Марксъ какъ будто снимаетъ съ себя отвѣтственность за несомѣстимость своей теоріи съ фактами: надо такъ или иначе подогнать факты подъ его теорію, чтобы не остаться совсѣмъ безъ науки и безъ теоріи. Что доктрина сама по себѣ ошибочна и что эта ошибочность именно и обнаруживается въ несогласіимъ противорѣчіи ея съ явленіями дѣйствительности, — объ этомъ не допускается и мысли у читателя. Марксъ предпочитаетъ прямо перейти къ старымъ испытаннымъ точкамъ зрѣнія и разобрать реальные элементы цѣнности и прибыли, не вдаваясь въ туманныя отвлеченности; онъ обращается къ издержкамъ производства, чтобы подъ ихъ прикрытіемъ избавиться отъ неравенствъ

¹⁾ Тамъ же, стр. 127 и 131—2.

уступать часть своих барышей конкурентамъ и постороннимъ предпринимателямъ, для того, чтобы никому не было обиды, и такимъ способомъ осуществляется приблизительное равенство прибылей въ различныхъ предпріятіяхъ и въ разныхъ отрасляхъ промышленности.—Марксъ говоритъ объ этомъ съ серьезнѣйшимъ видомъ, безъ всякихъ предварительныхъ объясненій или оговорокъ, точно дѣло идетъ о существующихъ фактахъ; онъ просто складываетъ вмѣстѣ частные капиталы, помѣщенные въ разныхъ промышленныхъ дѣлахъ, и рассматриваетъ ихъ, какъ одинъ общій капиталъ, затѣмъ беретъ сумму предполагаемыхъ прибавочныхъ цѣнностей для опредѣленія средней нормы прибыли, дѣляетъ обычные примѣрные расчеты, съ табличками и т. п.

«Цѣны, образуемыя тѣмъ, что средній выводъ изъ различныхъ нормъ прибыли въ разныхъ отрасляхъ производства прибавляется къ цѣнамъ издержекъ различныхъ отраслей промышленности,—поясняетъ Марксъ,—суть цѣны производственныя. Онѣ предполагаютъ существованіе одной общей нормы прибыли, которая, въ свою очередь, предполагаетъ, что размѣры прибыли въ отдѣльныхъ отрасляхъ производства уже сведены къ такому же числу среднихъ нормъ прибыли. Эти отдѣльныя нормы прибыли должны быть выводимы изъ цѣнности товаровъ. Безъ такого выведенія всеобщая норма прибыли остается безсодержательнымъ и бессмысленнымъ представленіемъ. Производственная цѣна товаровъ равняется, слѣдовательно, цѣнѣ ихъ издержекъ съ прибавленіемъ средней прибыли... Капиталы равной величины приводятъ въ движеніе весьма различныя массы труда, смотря по тому, въ какой мѣрѣ они употребляются на покупку рабочей силы; они присваиваютъ поэтому весьма различныя количества прибавочнаго труда и производятъ весьма различныя количества прибавочной цѣнности. Соответственно этому, господствующіе въ различныхъ отрасляхъ производства размѣры прибыли первоначально (?) весьма различны. Эти разнообразныя нормы прибыли выравниваются путемъ конкуренціи и превращаются въ общую норму прибыли, составляющую средній выводъ изъ всѣхъ этихъ различныхъ нормъ прибыли и т. п. Такимъ образомъ, капиталисты при продажѣ своихъ товаровъ выручаютъ не ту прибавочную цѣнность или прибыль, которая производится въ ихъ собственной сферѣ при производствѣ этихъ товаровъ, но лишь столько прибавочной цѣн-

ности и прибыли, сколько причитается на каждую долю общественного капитала съ совокупной прибавочной цѣнности или съ совокупной прибыли, вырабатываемой совокупнымъ капиталомъ общества въ опредѣленный промежутокъ времени во всѣхъ отрасляхъ производства, при равномъ распредѣленіи. Всякій израсходованный на производство капиталъ, сколько бы онъ ни употреблялъ рабочихъ, извлекаетъ за годъ или за другой промежутокъ времени такую прибыль со ста, какая приходится по расчету на данную долю совокупнаго капитала. Различные капиталисты поступаютъ здѣсь, по отношенію къ прибыли, какъ простые акціонеры акціонерной компании, гдѣ участіе въ прибыляхъ распредѣляется равномѣрно, и гдѣ дивиденды отдѣльныхъ капиталистовъ различаются по величинѣ капитала, помѣщеннаго каждымъ въ общемъ предпріятіи, по относительному участию каждаго въ этомъ общемъ предпріятіи, по числу его акцій... Слѣдовательно, когда капиталистъ продаетъ свой товаръ по цѣнѣ его производства, онъ получаетъ обратно деньги соотвѣтственно величинѣ израсходованнаго имъ въ производствѣ капитала и извлекаетъ прибыль пропорціонально употребленному капиталу, какъ частной долѣ совокупнаго общественного капитала. Его производственныя цѣны или издержки свойственны спеціально его товару; прибавка къ этимъ цѣнамъ или издержкамъ въ видѣ прибыли не зависитъ уже отъ его отдѣльной отрасли производства и составляетъ лишь простой средній процентъ съ затраченнаго капитала» (стр. 135—7). При данной степени эксплуатаціи рабочихъ «количество прибавочной цѣнности, производимое въ какой-нибудь отдѣльной отрасли производства, важнѣе для совокупной средней прибыли общественного капитала, т.-е. для класса капиталистовъ вообще, чѣмъ непосредственно для капиталиста въ каждой отдѣльной отрасли производства; для него, капиталиста, это имѣетъ значеніе лишь настолько, насколько произведенное въ его промышленной области количество прибавочной цѣнности участвуетъ въ опредѣленіи средней прибыли. Но это процессъ, происходящій за его спиною, котораго онъ не видитъ, не понимаетъ, и который въ самомъ дѣлѣ его не интересуетъ» (стр. 146—7). Если капиталисты хлопочутъ объ увеличеніи прибавочной цѣнности своихъ товаровъ, то скорѣе для пользы другихъ, чѣмъ для самихъ себя; они, во всякомъ случаѣ, получаютъ прибыль въ видѣ процента

съ затраченнаго капитала, соотвѣтственно средней нормѣ общественной прибыли.

Представимъ себѣ реально, какъ можетъ прибавочная цѣнность, добываемая отдѣльными предпринимателями, дѣлаться достояніемъ всего класса капиталистовъ и вліять на среднюю норму прибыли. Фабрикантъ или заводчикъ, имѣющій лишь немногихъ рабочихъ при дорого стоящихъ машинахъ и при весьма крупныхъ затратахъ на средства производства (высшее органическое строеніе капитала, по терминологіи Маркса), извлекаетъ самъ по себѣ слишкомъ мало прибавочной цѣнности изъ наемныхъ рабочихъ силъ; зато булочникъ, расходующій главную часть своего капитала на наемный трудъ (низшее органическое строеніе капитала по Марксу), добываетъ массу прибавочной цѣнности и можетъ свободно уступить часть ея другимъ капиталистамъ. Фабрикантъ или заводчикъ долженъ будетъ продавать свои товары выше ихъ трудовой цѣнности, при помощи надбавки изъ запасовъ прибавочной стоимости, собранныхъ булочникомъ; а послѣдній продаетъ свои издѣлія соотвѣтственно ниже ихъ цѣнности, но все-таки съ достаточной для себя выгодой. Различныя количества прибавочной цѣнности у обоихъ производителей слагаются вмѣстѣ и дѣлятся между ними равномѣрно, пропорціонально размѣрамъ затраченныхъ ими капиталовъ; такъ образуется общая для нихъ средняя прибыль. Одинаковымъ образомъ всѣ вообще фабриканты и заводчики, употребляющіе мало живыхъ рабочихъ силъ, увеличиваютъ свою долю прибавочной цѣнности при содѣйствіи булочниковъ и другихъ подобныхъ предпринимателей, отдающихъ свои особыя выгоды въ распоряженіе соединеннаго общества капиталистовъ. Конечно, трудно предположить, чтобы люди устраивали сталелитейный заводъ или писчебумажную фабрику, въ расчетѣ на прибавочную цѣнность, добываемую булочниками; но еще важнѣе другое обстоятельство, которое отнимаетъ всякій смыслъ у этой теоріи соединенія и распредѣленія прибавочныхъ цѣнностей. Прибавочная цѣнность, заключающаяся въ товарѣ, реализуется исключительно продажей его, и если товаръ проданъ ниже своей трудовой цѣнности, то это значитъ, что часть послѣдней не покрыта вырученною цѣною и не вошла вовсе въ оборотъ, что она просто скинута со счета и исчезла безслѣдно, точно такъ же, какъ пропадаетъ часть трудовой цѣн-

ности продукта ручного ткача при существованіи болѣе дешевыхъ фабричныхъ продуктовъ. Когда булочникъ сбылъ свой товаръ потребителямъ, онъ или извлекъ изъ него всю прибавочную цѣнность въ видѣ опредѣленной денежной прибыли, или ограничился лишь частью прибавочной цѣнности, т.-е. продалъ съ уступкою; въ первомъ случаѣ онъ, конечно, не дѣлится своими барышами съ посторонними капиталистами, а во второмъ—ему нечѣмъ дѣлиться, ибо уступка сдѣлана уже потребителямъ. Прибавочная цѣнность, не реализованная въ продажной цѣнѣ товаровъ,— не существуетъ ни для самого производителя, ни для другихъ капиталистовъ, ни для всего капиталистическаго общества; слѣдовательно, будучи просто ничѣмъ, она никакъ не можетъ достаться кому-то ни было и служить предметомъ распредѣленія съ цѣлью выравниванія прибылей въ различныхъ предпріятіяхъ. Прибавочная цѣнность, уже реализованная и превращенная въ деньги отдѣльными предпринимателями, составляетъ готовую ихъ прибыль и въ этомъ качествѣ не подлежитъ дальнѣйшему распредѣленію; какъ средняя прибыль, она есть, по Марксу, результатъ распредѣленія не реализованныхъ еще прибавочныхъ цѣнностей, т.-е. результатъ чего-то немыслимаго и невозможнаго. Аргументація Маркса сводится, такимъ образомъ, къ явному абсурду.

Не лучше обстоитъ дѣло и съ указаніемъ на роль конкуренціи въ уравненіи прибылей. Эта роль изображается Марксомъ крайне неопредѣленно, по шаблону вульгарныхъ экономистовъ: рабочіе переходятъ изъ одной отрасли производства въ другую, капиталы тоже перемѣщаются туда, гдѣ производится больше прибыли, и такимъ образомъ выравниваются доходы съ промышленныхъ капиталовъ (стр. 151—179). Другими словами, конкуренція уничтожаетъ различія прибавочныхъ цѣнностей, превращая послѣднія въ равномѣрный процентъ съ капитала; но тогда все изслѣдованіе о нормахъ прибавочной цѣнности дѣлается безпредметнымъ. Если прибыль есть только форма или выраженіе прибавочной цѣнности, извлекаемой изъ наемныхъ рабочихъ, то неравенство прибылей никакъ не можетъ устраняться путемъ конкуренціи, пока существуетъ и дѣйствуетъ причина этого неравенства—разнообразіе въ количествѣ наемныхъ рабочихъ и ихъ прибавочнаго труда въ разныхъ предпріятіяхъ; если же прибыли выравниваются, несмотря на разнообразіе количествъ

прибавочнаго труда и прибавочной цѣнности, то слѣдуетъ заключить, что размѣры прибыли опредѣляются не тѣми условіями, которыя указаны Марксомъ. Неодинаковая численность рабочихъ въ разныхъ отрасляхъ промышленности зависитъ отъ характера самыхъ предприятий и потому не можетъ быть уравниваема конкуренціею; слѣдовательно, конкуренція не вліяетъ и не можетъ вліять на неравенство прибылей, происходящее отъ разнообразія въ количествѣ рабочихъ и въ массѣ ихъ прибавочнаго труда. Оттого Марксъ такъ глухо говоритъ о дѣйствиіи конкуренціи въ данномъ случаѣ, ограничиваясь лишь общими словами и намеками; онъ не могъ не видѣть, что ссылка на уравнивающее дѣйствіе этого фактора нисколько не помогаетъ разъясненію вопроса, почему неравныя массы прибавочнаго труда и прибавочной цѣнности превращаются въ равныя нормы прибыли. Притомъ эта ссылка на конкуренцію, очевидно, несомвѣстима съ принятымъ раньше предположеніемъ, что всѣ частныя промышленныя капиталы дѣйствуютъ солидарно, образуя одинъ общественный капиталъ и распредѣляя между собою прибыль въ видѣ дивиденда.

Марксъ, впрочемъ, тотчасъ же бросаетъ мысль о конкуренціи и опять возвращается къ разобранной выше гипотезѣ совокупнаго общественнаго капитала, вырабатывающаго среднюю прибыль для всѣхъ участниковъ. Эксплуатація рабочихъ отдѣльными капиталистами замѣняется эксплуатаціею всего рабочаго класса совокупнымъ общественнымъ капиталомъ или цѣлымъ классомъ капиталистовъ, такъ что различныя нормы прибавочной цѣнности въ разныхъ отрасляхъ производства уступаютъ мѣсто средней прибыли, составляющей извѣстный процентъ съ затраченнаго капитала. «Капиталистъ, который въ своей отрасли производства вовсе не употреблялъ бы рабочихъ, былъ бы такъ же точно заинтересованъ въ эксплуатаціи рабочаго класса капиталомъ и въ такой же мѣрѣ извлекалъ бы свою прибыль изъ неоплаченной прибавочной работы, какъ и капиталистъ, который весь свой капиталъ тратилъ бы на заработную плату». Итакъ, говорится далѣе, «мы имѣемъ здѣсь математически точное доказательство, отчего капиталисты, хотя и относятся другъ къ другу въ своей конкуренціи какъ ложные братья, образуютъ однако настоящій масонскій союзъ по отношенію къ совокупности рабочаго класса».

Въ основѣ этой общности интересовъ лежитъ представленіе, что «капиталы каждой отрасли производства имѣютъ право участвовать, пропорціонально своимъ размѣрамъ, въ совокупной прибавочной цѣнности, выжатой изъ рабочихъ совокупнымъ общественнымъ капиталомъ, или что каждый отдѣльный капиталъ долженъ быть разсматриваемъ только какъ часть совокупнаго капитала, каждый капиталистъ—только какъ акціонеръ въ совокупномъ предпріятіи, участвующій въ общей прибыли соразмѣрно величинѣ своей доли капитала» ¹⁾.

Начавъ съ анализа частныхъ формъ созданія прибавочной цѣнности, Марксъ дошелъ до выводовъ, опровергаемыхъ дѣйствительностью на каждомъ шагу; онъ обходитъ встрѣченныя препятствія тѣмъ, что ставитъ общественныя формы взамѣнъ частныхъ, совокупный общественный капиталъ—на мѣсто соперничающихъ отдѣльныхъ капиталовъ, и равный дѣлежъ общей прибыли—на мѣсто добыванія различныхъ количествъ прибавочнаго труда и прибавочной цѣнности. Изслѣдованіе элементовъ цѣнности и прибыли должно было установить законы эксплуатаціи труда капиталомъ; но это изслѣдованіе, веденное а priori, привело къ несогласимымъ противорѣчіямъ, изъ которыхъ нѣтъ логическаго выхода. Тогда Марксъ подходитъ къ предмету съ другого конца и высказываетъ общее, никѣмъ не оспариваемое положеніе, что капиталисты эксплуатируютъ рабочій классъ и пользуются его трудомъ для своего обогащенія; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ подтверждаетъ ту старую истину, что равномѣрность прибылей достигается путемъ конкуренціи. Первое положеніе не вытекаетъ изъ анализа, а предшествовало ему, какъ общеизвѣстная аксіома, повторяемая всѣми экономистами, въ томъ числѣ и буржуазными; второе положеніе, вѣрное само по себѣ, несомнѣнимо съ результатами анализа. Третій выходъ—предположеніе о дружелюбномъ равномѣрномъ распредѣленіи промышленныхъ доходовъ между капиталистами, независимо отъ размѣровъ прибавочной цѣнности, извлекаемой каждымъ въ отдѣльности,—принадлежитъ уже къ области фантазіи и принимается только въ видѣ крайней мѣры, за невозможностью найти другую, болѣе правдоподобную комби-

¹⁾ Тамъ же, стр. 136—190.

націю, которая связала бы концы съ концами въ запутанной доктринѣ Маркса.

Въ «Капиталѣ» излагаются въ сущности двѣ или три теоріи цѣнности и прибыли, исключаящія себя взаимно и тѣмъ не менѣе выдаваемая какъ бы за одну. Мѣновая цѣнность есть, во-первыхъ, цѣнность вообще, опредѣляемая количествомъ воплощенной человѣческой работы,—во-вторыхъ, цѣнность производственная, заключающая въ себѣ цѣну издержекъ, съ присоединеніемъ средней прибыли,—и въ-третьихъ, цѣнность смѣшанная, соотвѣтствующая затратамъ труда и капитала. Цѣнность перваго рода берется за исходную точку и анализируется съ наибольшею обстоятельностью; но она оказывается фиктивнойю, не вліяетъ ни на реальныя цѣны товаровъ, ни на дѣйствительную прибыль капиталиста, и потому оставляется въ сторонѣ, для одной теоріи. Цѣнность втораго рода, зависящая отъ стоимости издержекъ, опредѣляетъ цѣны товаровъ; она бываетъ значительно ниже или выше первой, трудовой, хотя, по увѣренію Маркса, стремится съ нею совпасть. Наконецъ, въ цѣнности третьяго рода принимается въ расчетъ то обстоятельство, что затраты капитала на машины и продукты окупаютъ не все количество труда, употребленное на производство этихъ машинъ и продуктовъ, и что, слѣдовательно, трудовой элементъ цѣнности не можетъ быть вполне выраженъ, если руководствоваться только количествомъ живой человѣческой работы, приложенной къ обработкѣ сырыхъ продуктовъ при помощи усовершенствованныхъ орудій. Такъ какъ денежная цѣнность сырья и машинъ не выражаетъ собою трудовой ихъ стоимости, то эта часть издержекъ производства принимается какъ готовая, къ которой присоединяется лишь цѣнность, создаваемая наемнымъ трудомъ рабочихъ. Въ послѣднемъ своемъ выводѣ, Марксъ останавливается, такимъ образомъ, на смѣшанной теоріи, усвоенной всѣми экономистами школы Рикардо. Онъ говоритъ и повторяетъ, что производственная цѣнность, т.-е. цѣнность издержекъ производства съ присоединеніемъ средней прибыли, есть только видоизмѣненіе цѣнности перваго рода, что трудовая цѣнность переходитъ въ цѣнность производства и находитъ въ ней свое реальное выраженіе и т. д.; но этотъ переходъ не только ничѣмъ не объясняется, а дѣлается Марксомъ даже слишкомъ внезапно и рѣзко, безъ малѣйшей попытки указать послѣдовательную логи-

ческую связь между его разсужденіями о трудовой цѣнности и объ издержкахъ производства. Что касается прибыли, то въ первой теоріи она представляетъ прибавочную цѣнность, вырабатываемую прибавочнымъ трудомъ наемныхъ рабочихъ, а во второй теоріи, производственной, она есть просто разница между стоимостью издержекъ и продажною цѣною товара; въ первой теоріи размѣры прибыли крайне различны и никакъ не могутъ быть сведены къ какой-нибудь средней нормѣ, а во второй — прибыли болѣе или менѣе равномерны, составляя извѣстный процентъ съ затраченнаго капитала. Всѣ усилія примирить и объяснить эти разнообразныя положенія приводятъ лишь къ непомѣрному многословію, которымъ особенно страдаетъ не законченный авторомъ третій томъ.

Послѣ этого разбора мы, кажется, имѣемъ право сказать, что Марксъ не внесъ въ существовавшее ученіе о цѣнности ничего другого, кромѣ крайней логической путаницы. Всякій, кто дастъ себѣ трудъ сопоставить краткія и ясныя указанія Рикардо съ безконечными разсужденіями и комментаріями Маркса, долженъ убѣдиться, что послѣдній во всемъ существенномъ рабски слѣдуетъ учителю, хотя обыкновенно упоминаетъ о немъ свысока, приписывая ему ошибки, непониманіе и т. п.; а то новое и самостоятельное, что онъ прибавляетъ и развиваетъ отъ себя, не идетъ далѣе бесплодной и противорѣчивой софистики. Оттого эта часть доктрины Маркса отвергается даже экономистами, сочувствующими его общимъ идеямъ, и принимается только тѣми, которые по недоразумѣнію видятъ въ ней дальнѣйшее логическое развитіе и усовершенствованіе теоріи Рикардо. Противъ ученія Маркса о цѣнности высказываются — хотя не съ достаточною обстоятельностью — лучшіе знатоки предмета, къ какой бы школѣ они ни принадлежали ¹⁾. Критика доктрины Маркса долго была

¹⁾ Ср. Schäffle, Kapitalismus und Socialismus. Tüb., 1870, стр. 46—52 и др. Шеффле находитъ, что теорія Маркса страдаетъ такими погрѣшностями, которыя отрицаютъ у нея всякое значеніе. Гораздо рѣзче выражается Бемъ-Баверкъ, повторяя отчасти доводы Книса. Böhm-Bawerk, Geschichte und Kritik der Kapitalzins-Theorien, Innsbruck, 1884, стр. 418—447. Его-же эту дѣю, появившійся недавно въ русскомъ переводѣ подъ ред. проф. Георгіевскаго: «Теорія Карла Маркса и ея критика», Спб., 1897 г. стр. IX+127. Даже сторонникъ и, можно сказать, поклонникъ Маркса, какъ ученаго экономиста,

стѣснаена ожиданіемъ выхода третьяго тома «Капитала», и это стѣсненіе чувствуется во многихъ отзывахъ и разборахъ, по необходимости неполныхъ и какъ бы недосказанныхъ. Важныя разъясненія и дополненія, обѣщанныя въ третьемъ томѣ, могли значительно повліять на общій характеръ теоріи, и одна возможность ихъ останавливала или затрудняла противниковъ. Не надо также забывать, что горячая защита интересовъ труда и рабочаго класса лежитъ, повидимому, въ основѣ теоретическихъ взглядовъ Маркса, и это обстоятельство побуждало многихъ смотрѣть сквозь пальцы на логическіе недостатки и несообразности его ученія.

фонъ-Бухъ, долженъ былъ согласиться, что его теорія «не можетъ быть признана научною доктриною» въ томъ видѣ, какъ она изложена въ «Капиталѣ», и что она представляетъ отчасти «невѣроятный сумбуръ» (стр. 169—170); вмѣстѣ съ тѣмъ онъ дѣлаетъ нѣкоторыя возраженія противъ нея по существу, напр. по поводу замѣны понятія о «цѣнности труда» понятіемъ о цѣнности рабочей силы (стр. 63—72). Leo von Buch, *Intensität der Arbeit, Werth und Preis der Waaren*, Leipzig, 1896; то же соч. на русскомъ языкѣ: Левъ Бухъ, *Интенсивность труда, стоимость, цѣнность и цѣна товаровъ*. Спб., 1896, стр. 174—6 и 67—78. Впрочемъ, авторъ въ своей критикѣ не касается еще второго и третьяго томовъ «Капитала». Доктрина Маркса разобрана также въ книгѣ покойнаго Н. Хр. Бунге, «Очерки политико-экономической литературы», Спб. 1895, стр. 113—156, и въ курсѣ проф. И. И. Георгіевскаго, «Политич. экономія», Спб., 1895—6, ч. II, вып. II, стр. 14—37; тамъ же, вып. I, стр. II—IV, примѣч., о положеніи Маркса въ научной экономической литературѣ. Простое изложеніе теоріи Маркса въ главныхъ ея чертахъ, безъ критики,—въ курсахъ проф. И. Иванюкова и А. А. Исаева. Въ извѣстной книгѣ Георга Адлера, *Die Grundlagen der Marx'schen Kritik der bestehenden Volkswirtschaft*, Tübingen, 1887, критика основъ разбираемаго ученія (стр. 81—167) не отличается ни особенною силою, ни полнотою; наиболее интересны біографическія и литературныя свѣдѣнія о Марксѣ (стр. 169—290), а также замѣтки объ его взглядахъ на исторію, въ первой главѣ.—Очень слабая критика у французскихъ экономистовъ—напр., въ соч. Paul Leroy-Beaulieu, *Le collectivisme*, Paris, 1884.

VII.

Теорія капиталистического производства.—Историческое развитие новѣйшей крупной промышленности.—Капиталистическій законъ народонаселенія.—Экспропріація крестьянъ и мелкихъ производителей.—Промышленные кризисы и подготовляемая ими развязка.

На теоріи цѣнности и прибыли построено Марксомъ «научное» рѣшеніе соціального вопроса. Весь этотъ сложный вопросъ становится необычайно яснымъ и простымъ. Капиталь создается и восстанавливается исключительно трудомъ наемныхъ рабочихъ; ихъ же прибавочнымъ, неоплаченнымъ трудомъ вырабатывается прибавочная цѣнность, служащая единственнымъ источникомъ предпринимательской прибыли, процента съ капитала и земельной ренты. Никакой самостоятельной доли участія въ этихъ доходахъ капиталъ не имѣетъ; онъ только присваиваетъ себѣ продукты чужой работы. Все богатство общества производится рабочимъ классомъ и должно по праву принадлежать ему безраздѣльно. Экономисты-теоретики и практики, искавшіе справедливой формулы распредѣленія доходовъ между представителями труда и капитала, находились на ложномъ пути; рабочіе ни съ кѣмъ не должны дѣлиться. Понятно теперь, почему сложные виды труда оставляются безъ вниманія Марксомъ; они нарушили бы простоту и ясность соціальной проблемы. Если принимать въ расчетъ работу техниковъ, инженеровъ и разныхъ ученыхъ специалистовъ, организаторовъ и руководителей промышленныхъ предпріятій, то нельзя говорить объ исключительномъ правѣ рабочаго класса на продукты общественнаго труда. Представители высшихъ формъ труда входятъ уже въ составъ буржуазіи, и тѣмъ не менѣе безъ ихъ непосредственнаго участія немыслимо существованіе и развитіе какой бы то ни было отрасли крупнаго машиннаго производства. Выдвигая на первый планъ простой мускульный трудъ при помощи цѣлаго ряда софизмовъ и недомолвокъ, авторъ «Капитала» думаетъ усилить положеніе носителей этого труда, наемныхъ рабочихъ, и рѣзче отѣнить ихъ антагонизмъ по отношенію къ буржуазіи.

Соціальный вопросъ, однако, никакъ не укладывается въ

рамки вопроса о цѣнности товаровъ, и самое предположеніе объ этомъ не свидѣтельствовало бы о широтѣ и смѣлости мысли ¹⁾. Съ теорією цѣнности и прибыли Марксъ связываетъ судьбу капитализма, какъ особой исторической формы производства, причѣмъ распространяетъ свои соображенія и выводы на всѣ области экономической жизни народовъ.

Для того, чтобы капиталисты могли извлекать изъ рабочей силы «прибавочную цѣнность», необходимы два условія: во-первыхъ, существованіе значительнаго числа свободныхъ работниковъ, не имѣющихъ за собою ничего другого, кромѣ личной способности къ труду, и во-вторыхъ, принадлежность средствъ и орудій производства особому классу лицъ, покупателей рабочей силы. Оторванные отъ средствъ и орудій труда, рабочіе получаютъ свою долю въ продуктѣ въ видѣ заработной платы, а производимые ими товары приносятъ капиталистамъ чистый доходъ, который распредѣляется затѣмъ между различными классами общества, въ видѣ предпринимательской прибыли, процента съ капитала и поземельной ренты. Производство, основанное на отдѣленіи рабочей силы отъ средствъ и орудій труда, называется капиталистическимъ ²⁾; оно дѣлается возможнымъ только послѣ

¹⁾ Нѣкоторые изъ новѣйшихъ послѣдователей Маркса обнаруживаютъ даже готовность отказаться отъ его теории цѣнности, представляющей, по словамъ проф. Зомбарта, «безпомощную смѣсь отчасти противорѣчащихъ между собою ученій»,—или истолковываютъ ее такъ, что ее не узналъ бы самъ авторъ «Капитала»; они усматриваютъ сущность его доктрины въ общихъ идеяхъ объ исторической эволюціи промышленнаго строя и пролетаріата и бросаютъ такимъ образомъ за бортъ почти все положительное содержаніе его подробныхъ экономическихъ изслѣдованій, изъ которыхъ самъ Марксъ выводилъ цѣликомъ свою научно-практическую программу. Ср. Werner Sombart (проф. въ Бреславлѣ), *Socialismus und sociale Bewegung im neunzehnten Jahrhundert*, Jena, 1897, стр. 43 и слѣд. Ту же мысль высказываетъ проф. Штамлеръ: онъ считаетъ совершенно превратнымъ «мнѣніе, будто Марксъ основалъ свой научный социализмъ на изслѣдованіи капиталистическаго способа производства, именно на яко-бы несправедливой прибавочной цѣнности предпринимателя, тогда какъ въ дѣйствительности онъ строитъ его (социализмъ) на матеріалистическомъ пониманіи исторіи». Dr. Rudolf Stammler (проф. въ Галле), *Wirtschaft und Recht nach der materialistischen Geschichtsauffassung*, Lpz., 1896, стр. 41. Въ такомъ случаѣ и самъ Марксъ «совершенно превратно» понималъ свои научныя работы и задачи.

²⁾ Слово «капитализмъ» почти совершенно не употребляется Марксомъ; оно пущено въ ходъ Шеффле и сдѣлалось популярнымъ въ нѣмецкой лите-

освобождения и обезземеления крестьянъ, въ связи съ отмѣною цеховъ и корпорацій.

Очерки послѣдовательнаго развитія новѣйшей крупной промышленности, или такъ называемаго «капиталистическаго производства», составляютъ самую цѣнную—вѣрнѣе сказать, единственно цѣнную—часть книги Маркса. Яркія описанія и характеристики существующихъ или постепенно измѣняющихся формъ промышленнаго строя и движенія наиболѣе удаются автору «Капитала»; но теоретическія обобщенія и заключенія, дѣлаемые изъ этихъ описаній и характеристикъ, по обыкновенію, крайне сбивчивы и не выдерживаютъ критики, какъ увидимъ ниже.

«Природа,—говоритъ Марксъ,—не производитъ на одной сторонѣ владѣльцевъ денегъ или товаровъ, а на другой—простыхъ обладателей собственныхъ рабочихъ силъ. Это отношеніе—не естественно-историческое, и столь же мало имѣетъ оно такой общественный характеръ, который былъ бы свойственъ всѣмъ историческимъ періодамъ. Оно само составляетъ, очевидно, результатъ предшествовавшаго историческаго развитія, продуктъ многихъ экономическихъ переворотовъ, распаденія цѣлаго ряда старѣйшихъ формъ общественнаго производства» ¹⁾. Капиталь «возникаетъ только тамъ, гдѣ владѣлецъ средствъ производства и существованія находитъ уже на рынкѣ свободнаго работника, какъ продавца своей рабочей силы, и это одно историческое условіе обнимаетъ цѣлую міровую исторію. Капиталь поэтому съ самаго на-

ратурѣ, но нигдѣ оно не пользуется такимъ общепризнаннымъ правомъ гражданства, какъ у насъ.

¹⁾ По словамъ Уэкфильда, одинъ предприниматель (Пиль) взялъ съ собою изъ Англіи въ Новую-Голландію средства производства и существованія на сумму 50 тыс. фунтовъ стерлинговъ; онъ былъ настолько предусмотрителенъ, что привезъ съ собою сверхъ того три тысячи человекъ изъ рабочаго класса, мужчинъ, женщинъ и дѣтей. Прибывъ къ мѣсту назначенія, Пиль остался безъ слуги, который приготовилъ бы ему постель или доставилъ бы воду изъ рѣки. «Несчастный господинъ Пиль, который все предусмотрѣлъ,—замѣчаетъ Марксъ,—но только не привезъ съ собою къ Сванъ-Райверу англійскихъ отношеній производства» (т. I, стр. 796). Въ этомъ примѣрѣ неясно, для кого думалъ Пиль устроить свою фабрику въ странѣ, не имѣющей осѣдлага населенія; послѣднее только и нужно было для того, чтобы существовала почва для организациіи производства. Фабрики, устроенныя англичанами въ Индіи, дѣйствуютъ вполнѣ успѣшно, хотя туда не перенесены, конечно, англійскія отношенія производства.

чала возвѣщаетъ собою новую эпоху общественнаго процесса производства» (т. I, стр. 154—5). Работники производили извѣстные продукты разрозненно, изъ своего собственнаго матеріала и при помощи своихъ собственныхъ орудій; капиталъ соединяетъ ихъ подъ своей командою, дѣлаетъ для нихъ излишними самостоятельныя орудія и средства производства, вводитъ болѣе сложное и точное раздѣленіе труда, превращаетъ частный разрозненный трудъ въ общественный, собирательный. Первая ступень этого капиталистическаго производства—мануфактура, представляющая въ своихъ зачаткахъ только расширенную мастерскую цеховаго ремесленнаго мастера. Комбинація многихъ рабочихъ силъ, занятыхъ въ одномъ и томъ же промышленномъ дѣлѣ, не только усиливаетъ производительность труда и вызываетъ большую экономію въ затратахъ на орудія и средства производства, но создаетъ еще особую производительную силу, отличную отъ суммы производительности отдѣльныхъ рабочихъ. Сто работниковъ, трудящихся отдѣльно, произведутъ гораздо меньше продуктовъ, чѣмъ тѣ же сто работниковъ, соединенныхъ для совмѣстнаго труда по опредѣленному плану. «Капиталистъ уплачиваетъ цѣнность ста отдѣльныхъ рабочихъ силъ, но онъ ничего не платитъ за комбинированную работу этихъ ста рабочихъ. Работники, какъ независимыя отдѣльныя лица, вступаютъ въ извѣстныя отношенія къ одному и тому же капиталу, но не между собою. Кооперація ихъ начинается только въ трудовомъ процессѣ, въ которомъ они перестаютъ уже принадлежать самимъ себѣ. Со вступленіемъ въ этотъ процессъ производства, они дѣлаются принадлежностью капитала. Какъ работающіе совмѣстно, какъ члены производительнаго органа, они являются лишь особыми формами существованія капитала. Производительная сила, которую проявляетъ рабочій въ качествѣ общественнаго работника, есть поэтому производительная сила капитала. Общественная производительная сила труда развивается безвозмездно, какъ только рабочіе поставлены въ извѣстныя условія,—а капиталъ ставитъ ихъ въ эти условія. Такъ какъ общественная производительная сила ничего не стоитъ капиталу, и такъ какъ, съ другой стороны, она проявляется работникомъ лишь послѣ подчиненія его капиталу въ качествѣ его принадлежности, то она оказывается производительною силою, которою капиталъ обладаетъ по природѣ,—постоянно присущю

ему производительною силою» (стр. 342—3) ¹⁾. Съ развитіемъ кооперациі наемныхъ рабочихъ устанавливается распорядительная власть капитала, какъ необходимое условіе для выполненія трудового процесса, какъ условіе самого производства. «Власть капитала на полѣ производства дѣлается столь же неизбежною, какъ власть полководца на полѣ сраженія. Всякая общественная или совмѣстная работа въ большихъ размѣрахъ нуждается болѣе или менѣе въ управленіи, которое поддерживаетъ гармонію индивидуальныхъ дѣйствій и исполняетъ общія функціи, вытекающія изъ движенія общаго производительнаго организма въ отличіе отъ движеній его самостоятельныхъ органовъ. Отдѣльный скрипачъ самъ собою управляетъ, оркестръ нуждается въ капельмейстерѣ. Эта функція руководства, надзора и посредничества дѣлается функціею капитала, какъ только подвластный ему трудъ становится кооперативнымъ. Какъ особая функція капитала, функція надзора получаетъ свои особыя характерныя черты.. Но капиталистъ не потому считается капиталистомъ, что онъ промышленный руководитель, а наоборотъ, онъ выступаетъ въ роли промышленнаго руководителя потому, что онъ капиталистъ. Высшее начальство въ промышленности дѣлается атрибутомъ капитала, подобно тому, какъ въ эпоху феодализма главное начальство на войнѣ и въ судѣ было атрибутомъ поземельной собственности» (стр. 339—341). Общественная производительная сила труда, порождаемая кооперациею, представляется производительною силою самого капитала; точно такъ же сама кооперация является лишь специфическою формою капиталистическаго процесса производства, въ противоположность производству отдѣльныхъ независимыхъ рабочихъ или мелкихъ мастеровъ.

¹⁾ Мысль о томъ, что въ заработной платѣ заключается вознагражденіе только за работу отдѣльныхъ лицъ, а не за общіе результаты ихъ совмѣстнаго труда, высказана была весьма ярко Прудономъ, на котораго Марксъ, однако, не ссылается въ этомъ случаѣ. См. «Qu'est ce que la propriété», par Proudhon, Premier Mémoire. Paris, 1849, стр. 100 и др. Но Прудонъ дѣлаетъ отсюда выводъ, что плоды кооперации не могутъ принадлежать ни капиталистамъ, ни самимъ работникамъ въ отдѣльности, тогда какъ Марксъ остается при своемъ взглядѣ на «прибавочную цѣнность», какъ на продуктъ добавочнаго труда отдѣльныхъ рабочихъ, забывая свои собственныя замѣчанія объ особой «общественной производительной силѣ» комбинированной работы многихъ лицъ.

Это первая переменная, которую испытывает действительный процесс работы вследствие своего подчинения капиталу. Эта переменная совершается естественно, сама собою. Ея предположение—одновременная работа большого числа наемных рабочих в одном и том же трудовом процессе—составляет исходную точку капиталистического производства. Этот исходный пункт совпадает с самым существованием капитала. Если поэтому капиталистический способ производства представляет собою, с одной стороны, историческую необходимость для превращения трудового процесса в процесс общественный, то с другой стороны, эта общественная форма трудового процесса оказывается только средством, употребляемым капиталистами для извлечения наибольших выгод из наемного труда возвышением его производительной силы.

Мануфактура есть классическое воплощение кооперации, основанной на разделении труда. Как характеристическая форма капиталистического процесса производства, она господствует в течение всего собственно мануфактурного периода, который приблизительно продолжается от половины XVI-го века до последней трети XVIII-го. Мануфактура вводит разделение труда или развивает его дальше; или же она объединяет ремесла, существовавшие раньше самостоятельно,—в том и другом случае она приводит к созданию производительного механизма, органами которого служат люди. Разделение труда в мануфактурном производстве превращает человека в простое орудие специальной частичной работы, отнимает у него способность произвести чтонибудь цельное, самостоятельное, и закрепляет за ним значение безличной и бессильной принадлежности промышленного заведения, устроенного и направляемого капиталистом. Технические познания, предусмотрительность и энергия, которые в известной степени развивались прежде в независимом ремесленнике или земледельце, требуются теперь только для заведывания целой мастерской. Умственные силы производства расширяют свой масштаб на одной стороне, тогда как на многих сторонах они исчезают. Что теряют частичные работники, то сосредоточивается теперь против них в капитале. Мануфактурное деление труда противопоставляет рабочим духовные элементы материального производственного процесса в

качества чужой собственности и господствующей надъ ними власти. Этотъ процессъ раздѣленія начинается въ простой ко-операции, гдѣ капиталистъ олицетворяетъ собою единство и волю общественнаго рабочаго организма по отношенію къ отдѣльнымъ рабочимъ. Онъ развивается въ мануфактурѣ, которая уродуетъ работника, низводя его на степень безмысленнаго частичнаго рабочаго. Онъ завершается въ крупной промышленности, отдѣляющей науку отъ труда въ видѣ особой производительной силы и заставляющей ее служить капиталу. Такъ какъ ремесленное искусство специальныхъ рабочихъ остается основою мануфактуры и дѣйствующій въ ней совокупный механизмъ не обладаетъ своимъ собственнымъ, независимымъ отъ работниковъ объективнымъ строемъ, то капиталъ постоянно борется съ непокорностью рабочихъ. Капиталистамъ не удается овладѣть всѣмъ свободнымъ временемъ мануфактурныхъ рабочихъ; предпріятія недолговѣчны и часто перемѣщаются изъ одной мѣстности въ другую, въ зависимости отъ выселенія или переселенія рабочихъ. Дѣятели промышленности и представители ихъ въ литературѣ настойчиво заявляютъ о необходимости водворить прочный порядокъ въ производствѣ. Желанный порядокъ водворяется прежде всего въ ткацко-прядельной промышленности, благодаря изобрѣтенію Аркрайта. Примѣненіе силы пара кладетъ затѣмъ начало крупному машинному производству. Мануфактура не могла ни обнять общественное производство во всемъ его объемѣ, ни преобразовать его въ глубинѣ. Она возвышалась, какъ продуктъ экономическаго искусства, на широкой основѣ городскаго ремесла и сельскаго домашняго промысла. Ея узкій техническій фундаментъ, при извѣстномъ уровнѣ промышленнаго развитія, впалъ въ противорѣчіе съ созданными ею же потребностями производства. Однимъ изъ ея наиболѣе совершенныхъ проявленій было производство рабочихъ орудій и особенно сложныхъ механическихъ аппаратовъ, вошедшихъ уже въ употребленіе. Этотъ продуктъ мануфактурнаго дѣленія труда произвелъ, въ свою очередь, машины. Последнія упраздняютъ ремесленную дѣятельность, какъ регулирующий принципъ общественнаго производства. вмѣстѣ съ тѣмъ отпадаетъ, съ одной стороны, техническое основаніе для пожизненнаго прикрѣпленія рабочаго къ отдѣльной частичной функціи,

а съ другой стороны, рушатся преграды, которыя тотъ же принципъ ставилъ господству капитала.

Преобразование системы производства беретъ за исходную точку въ мануфактурѣ—рабочую силу, а въ крупной промышленности—орудіе работы. Всякое развитое машинное устройство предполагаетъ, во-первыхъ, двигательную машину, во-вторыхъ, механизмъ для передачи движенія, и въ третьихъ, рабочую машину, исполняющую собственно то, что требуется для производства и что прежде дѣлалось руками человѣка. Обѣ первыя части механизма существуютъ лишь для приведенія рабочей машины въ движеніе, чтобы она захватывала и цѣлесообразно измѣняла предметъ трудового процесса. Рабочая машина именно и производитъ промышленный переворотъ XVIII-го вѣка; она всегда и до сихъ поръ образуетъ исходный пунктъ при переходѣ какого нибудь ремесленного или мануфактурнаго производства въ машинное. Машина замѣняетъ работу отдѣльнаго человѣка, дѣйствующаго однимъ орудіемъ, цѣлою системою движеній многихъ одинаковыхъ или однородныхъ инструментовъ, направляемыхъ одною центральною двигательною силою. На мѣсто отдѣльной машины выступаетъ механическое чудовище, тѣломъ котораго наполняются обширныя фабричныя зданія, и котораго демоническая сила, сначала скрытая въ раздѣренныхъ и почти торжественныхъ движеніяхъ его исполинскихъ членовъ, прорывается въ бѣшеной пляскѣ его безчисленныхъ, собственно рабочихъ, органовъ. Средства и орудія труда получаютъ въ машинномъ устройствѣ такую матеріальную форму существованія, которая обуславливаетъ замѣну человѣческой силы силами природы, а испытанной рутинѣ—сознательнымъ примѣненіемъ естественныхъ наукъ. Въ мануфактурѣ строй общественнаго трудового процесса—чисто субъективный, имѣя характеръ комбинаціи частичныхъ рабочихъ; въ машинной системѣ крупная промышленность имѣетъ вполне объективный производственный организмъ, въ которомъ рабочій находитъ готовое матеріальное условіе производства. Въ простой и даже въ усовершенствованной раздѣленіемъ труда коопераціи вытѣсненіе отдѣльнаго рабочаго общественнымъ (обобществленнымъ, по терминологіи Маркса) все еще представляется болѣе или менѣе случайнымъ; машины, за немногими исключеніями, дѣйствуютъ только при помощи «обобществленнаго» или совокупнаго труда. Ко-

оперативный характеръ трудового процесса предписывается теперь, какъ техническая необходимость, самую природу трудового средства или орудія.

Введеніе машинъ уменьшаетъ запросъ на мускульную силу, но побуждаетъ привлечь къ участию въ промышленномъ трудѣ рабочихъ съ неокрѣпшею тѣлесною организациею и съ болѣе гибкими членами. Работа женщинъ и дѣтей была первымъ словомъ капиталистическаго примѣненія машинъ. Могучіе замѣстители труда и рабочихъ, машинныя орудія производства, превратились тотчасъ въ средство включить въ число наемныхъ рабочихъ всѣхъ членовъ рабочихъ семействъ, безъ различія пола и возраста, и подчинить ихъ непосредственному владычеству капитала. Принудительный трудъ въ пользу капиталиста занялъ мѣсто не только дѣтскихъ игръ, но также свободной работы въ домашнемъ кругу, на почвѣ нравственныхъ традицій, для пользы самой семьи. Договорныя отношенія между капиталистомъ и рабочимъ измѣняются кореннымъ образомъ. Капиталистъ имѣетъ дѣло уже не съ свободными и самостоятельными работниками, какъ прежде; онъ покупаетъ теперь несовершеннолѣтнихъ. Рабочій отдавалъ прежде свою рабочую силу, которою располагалъ въ качествѣ человѣка, формально независимаго; теперь онъ продаетъ жену и дѣтей,—онъ дѣлается торговцемъ невольниками. Подчиняя капиталу недоступные ему прежде слои рабочаго класса и въ то же время освобождая значительное число вытѣсненныхъ машиною рабочихъ, машинное производство создаетъ избыточное рабочее населеніе, которому капиталъ можетъ диктовать свои законы. Отсюда тотъ экономическій парадоксъ, что могущественнѣйшее средство для сокращенія рабочаго времени становится вѣрнѣйшимъ средствомъ для превращенія всей жизни работника и его семьи въ подвластное капиталу рабочее время. Орудіе работы, въ видѣ машины, дѣлается тотчасъ же конкурентомъ самого рабочаго. Рабочій утрачиваетъ свою цѣнность, подобно вышедшимъ изъ обращенія бумажнымъ деньгамъ. Гдѣ машина постепенно захватываетъ поле производства, тамъ она вызываетъ хроническое бѣдствіе въ соперничавшемъ съ нею слоѣ рабочаго населенія. Гдѣ переходъ совершается быстро, тамъ она дѣйствуетъ круто и рѣзко. Всемирная исторія не знаетъ болѣе ужаснаго зрѣлища, чѣмъ постепенное, тянувшееся десятилѣтія и закрѣпленное на-

нець въ 1838 году исчезновеніе англійскихъ ручныхъ ткачей. Многіе изъ нихъ умерли съ голоду, многіе долго прозябали съ своими семьями на ничтожную ежедневную плату. Въ Остъ-Индіи дѣйствіе англійскаго машиннаго хлопчатобумажнаго производства было болѣе острое: «кости ручныхъ ткачей,—какъ писалъ оттуда вице-король въ половинѣ тридцатыхъ годовъ,—покрываютъ собою равнины Индіи». Орудіе работы убиваетъ рабочаго.

Чрезмѣрное, усиливающееся скачками, расширеніе фабричнаго производства и его зависимость отъ міроваго рынка неизбежно порождаютъ лихорадочное развитіе промышленныхъ предпріятій, переполненіе рынковъ товарами и недостатокъ соотвѣтственнаго спроса. Жизнь промышленности превращается въ рядъ періодовъ средняго оживленія, процвѣтанія, перепроизводства, кризиса и застоя. Необезпеченность и непостоянство въ занятіяхъ и въ существованіи рабочаго, благодаря машинному производству, дѣлаются нормальными при этой смѣнѣ періодовъ промышленнаго круговорота. Между капиталистами ведется горячая борьба за индивидуальное положеніе ихъ на рынкѣ. Соперничество приводитъ къ дальнѣйшему усовершенствованію машинъ, къ удешевленію продуктовъ и къ болѣе энергическому угнетенію рабочихъ. Мануфактура, основанная на раздѣленіи ремесленнаго труда, упраздняется, и всѣ области промышленности преобразовываются на новыхъ началахъ, при помощи научной техники. Эксплуатація рабочихъ силъ распространяется далеко за предѣлы собственнаго рабочаго персонала фабричныхъ и мануфактурныхъ заведеній. Домашніе промыслы въ селахъ и городахъ включаются въ общее движеніе капиталистическаго производства, въ качествѣ внѣшнихъ департаментовъ фабрики, мануфактуры или товарнаго магазина. Кромѣ ремесленниковъ, фабричныхъ и мануфактурныхъ рабочихъ, собранныхъ въ крупныхъ мастерскихъ подъ непосредственнымъ управленіемъ капитала, капиталисты невидимыми нитями приводятъ въ движеніе другую армію—домашнихъ и кустарныхъ рабочихъ, разсѣянныхъ въ большихъ городахъ и въ деревняхъ.

Современная крупная промышленность не знаетъ остановки въ своемъ развитіи;—ни одной существующей формы производственнаго процесса она не считаетъ окончательною. Ея техническая основа имѣетъ по существу революціонный характеръ,

тогда какъ всѣ прежніе способы производства были консерва- тивны. Своими машинами, химическими процессами и другими методами она постоянно опрокидываетъ, вмѣстѣ съ технической основою производства, прежнія функціи рабочихъ и общественныя комбинаціи трудового процесса. Она постоянно переворачиваетъ существующее раздѣленіе труда внутри общества и непрерывно бросаетъ капиталы и массы рабочихъ изъ одной отрасли производства въ другую. Природа крупной промышленности обусловливаетъ поэтому перемѣну работы, непостоянство функцій, всестороннюю подвижность работника. Въ то же время она воспроизводитъ въ капиталистической формѣ старое раздѣленіе труда съ его отвердѣвшими частностями. Всякое спокойствіе, прочность и увѣренность быта рабочихъ исчезаютъ; капиталъ постоянно грозитъ вырвать изъ ихъ рукъ орудія труда, и слѣдовательно средства къ жизни, и сдѣлать ихъ самихъ излишними. Необычайная растрата рабочихъ силъ и опустошительное дѣйствіе общественной анархіи въ промышленномъ производствѣ даютъ себя чувствовать все рѣзче и сильнѣе. Но если перемѣнчивость работы дѣйствуетъ теперь съ неодолимою силою закона природы, то крупная промышленность своими собственными катастрофами дѣлаетъ вопросомъ жизни и смерти признаніе перемѣны работы и слѣдовательно возможной многосторонности работника всеобщимъ общественнымъ закономъ производства, и обстоятельства должны приспособляться къ нормальному осуществленію этого закона. Для крупной промышленности является вопросомъ жизни и смерти, чтобы чудовищное положеніе бѣдствующей, оставляемой въ резервѣ для перемѣнчивыхъ потребностей капитала рабочей массы было замѣнено подготовленностью рабочихъ силъ къ измѣняющимся условіямъ труда; чтобы частичныя личности, простыхъ носителей специальной общественной функціи, замѣнить всесторонне развитыми людьми, для которыхъ различныя общественныя функціи были бы только смѣняющимися способами дѣятельности. На почвѣ крупной промышленности возникаетъ потребность политехническихъ и агрономическихъ школъ, равно какъ и профессиональныхъ училищъ, гдѣ дѣти рабочихъ получаютъ нѣкоторыя свѣденія по технологіи и обучаются искусству пользованія различными орудіями производства. Фабричное законодательство вынудило у капитала элементарное обученіе рабо-

чихъ; но не подлежитъ никакому сомнѣнiю, что технологическое образованiе, теоретическое и практическое, завоеуетъ со временемъ свое мѣсто въ рабочихъ школахъ ¹⁾). Мелочная специализація ремесленныхъ знанiй и занятiй потеряла уже смыслъ; половица—«ne sutor ultra crepidam!»—эта квинтъ-эссенция ремесленной мудрости, сдѣлалась страшною глупостью съ тѣхъ поръ, какъ часовой мастеръ Уаттъ изобрѣлъ паровую машину, цирюльникъ Аркрайтъ—ткацкiй станокъ, ювелирный рабочий Фультонъ—пароходъ. Съ другой стороны, по мѣрѣ распространенiя фабричнаго законодательства на различныя отрасли промышленнаго труда, разрозненные трудовые процессы все болѣе поглощаются сложными и крупными предпрiятiями; капиталы сосредоточиваются, и фабричная система прiобрѣтаетъ безраздѣльное владычество. Разрушаются старинныя и переходныя формы, за которыми еще отчасти скрывалось господство капитала, и замѣняются прямымъ, откровеннымъ его господствомъ. вмѣстѣ съ уничтоженiемъ мелкаго промысла и домашней работы истребляются послѣднiя убѣжища «избыточныхъ» рабочихъ, представляющiя еще клапанъ безопасности для всего общественнаго механизма. Въ области земледѣлiя крупная промышленность дѣйствуетъ наиболѣе революционнмъ образомъ, уничтожая оплотъ стараго общества—крестьянина,—и вытѣсняя его наемнымъ рабочимъ. Экономическiя условiя сельской жизни уравниваются съ городскими. На мѣсто обычнаго, лѣнивѣйшаго и неразумнѣйшаго производства, вступаетъ въ силу сознательное техническое примѣненiе науки. Капиталистическiй способъ производства довершаетъ разрывъ первоначальнаго родственнаго союза между земледѣлiемъ и мануфактурою, объединявшаго дѣтски неразвитаго формы обѣихъ отраслей промышленности. Въ земледѣлiи, какъ и въ мануфактурѣ, капиталистическое преобразование производства является въ то же время процессомъ гибели производителя, при чемъ орудiе труда

¹⁾ Марксъ говоритъ, что это будетъ достигнуто только послѣ «неминуемаго завоеванiя политической власти рабочимъ классомъ»; онъ не замѣчалъ и не предвидѣлъ тѣхъ многочисленныхъ фактовъ, которые краснорѣчиво доказываютъ, что и теперь техническое и общее образованiе можетъ считаться доступнымъ рабочему классу въ Англiи и въ Соединенныхъ Штатахъ, хотя никакихъ социальныхъ переворотовъ въ этихъ странахъ не происходило.

служить средством угнетения, эксплуатации и объединения работника, а общественная комбинация трудовых процессов—организованною формою подавления его индивидуальной жизни, свободы и самостоятельности. Разбросанность сельских рабочих отнимает у них силу сопротивления, между тѣмъ какъ сосредоточеніе городскихъ рабочихъ даетъ имъ возможность борьбы. Всякій успѣхъ капиталистическаго земледѣлія есть успѣхъ въ искусствѣ не только обездоливать работника, но и грабить самую землю; всякій прогрессъ въ увеличеніи плодородія почвы на извѣстный срокъ есть вмѣстѣ съ тѣмъ прогрессъ въ разрушеніи постоянныхъ источниковъ этого плодородія. Чѣмъ болѣе какая-нибудь страна отдается развитію крупной промышленности, тѣмъ быстрѣе идетъ этотъ процессъ разрушенія. Капиталистическое производство развиваетъ такимъ образомъ технику и организацію общественнаго производственнаго процесса, подрывая первые источники всякаго богатства—землю и работника.

Борьба между соперничающими капиталистами ведется путемъ удешевленія товаровъ; дешевизна достигается лишь при увеличеніи размѣровъ производства и при болѣе крупныхъ затратахъ на усовершенствованіе машинъ. Побѣда поэтому всегда остается за крупнѣйшимъ капиталомъ. Наименьшій размѣръ капитала, необходимаго для успѣшнаго веденія промышленнаго предпріятія, все болѣе и болѣе возрастаетъ; менѣе значительные капиталы поневолѣ бросаются въ отрасли производства, недостаточно еще затронутыя крупною промышленностью. Конкуренція свирѣпствуетъ тамъ съ особенною силою, и она всегда кончается гибелью многихъ мелкихъ капиталистовъ и переходомъ ихъ капиталовъ въ руки побѣдителя. Въ связи съ этою борьбою образуется и крѣпнетъ совершенно новая сила—кредитная. Она не только дѣлается могучимъ оружіемъ конкуренціи, но стягиваетъ невидимыми нитями разсѣянные въ обществѣ въ большихъ или меньшихъ массахъ денежныя средства въ руки индивидуальных или соединенныхъ капиталистовъ. Это специальная машина для сосредоточенія капиталовъ. Капиталы, непрерывно вновь создаваемые доходностью промышленныхъ предпріятій, прогрессивно расширяютъ капиталистическое производство, захватываютъ все новыя отрасли народнаго труда и постоянно измѣняютъ общія условія всего производственнаго процесса. Примѣненіе все новыхъ машинъ от-

ражається на составѣ и дѣйствиі старыхъ капиталовъ: все большія доли ихъ затрачиваются на орудія и средства производства, все меньшія—на рабочую силу. Такимъ образомъ, съ одной стороны, образуемые путемъ накопленія прибылей дополнительные капиталы привлекаютъ все меньшее число рабочихъ, сравнительно съ своими размѣрами, а съ другой—старые капиталы отталкиваютъ отъ себя все большее количество занятыхъ ими прежде рабочихъ. Капиталистическое накопленіе, соотвѣтственно своей энергіи и своему объему, производитъ относительный избытокъ рабочего населенія; избытокъ этотъ то увеличивается, то уменьшается, въ зависимости отъ роста капиталовъ, отъ степени захвата ими новыхъ отраслей промышленности и отъ перемѣнъ въ техническихъ способахъ производства. «Это законъ народонаселенія, свойственный специально капиталистической системѣ производства,—такъ какъ въ дѣйствительности каждая историческая форма производства имѣетъ свой особый, исторически обязательный для нея законъ народонаселенія. Абстрактный законъ народонаселенія существуетъ только для растений и животныхъ, насколько въ дѣло не вмѣшивается человекъ» (655—6).

Будучи необходимымъ продуктомъ развитія промышленнаго богатства на капиталистической основѣ, избыточное рабочее населеніе дѣлается, въ свою очередь, рычагомъ дальнѣйшаго накопленія капиталовъ и даже условіемъ существованія капиталистическаго производства; оно составляетъ промышленную резервную армію, которая столь же безусловно принадлежитъ капиталу, какъ еслибы онъ выростилъ ее на свой собственный счетъ. Эта армія даетъ всегда готовый человѣческій матеріалъ для потребностей крупной промышленности, которая періодически предъявляетъ усиленный спросъ на большія массы рабочихъ силъ. Характеристическій жизненный круговоротъ современной индустріи, въ видѣ десятилѣтняго цикла періодовъ средняго благосостоянія, процвѣтанія, кризиса и застоя, основывается на постоянномъ образованіи, болѣе или менѣе значительномъ поглощеніи и затѣмъ опять возстановленіи промышленной резервной арміи или избыточнаго населенія. Перемѣны промышленнаго движенія вызываютъ и поощряютъ увеличеніе этой арміи. Внезапное, порывистое расширеніе производства имѣетъ своимъ послѣдствіемъ внезапное его сокращеніе; послѣднее опять порождаетъ порывы къ расши-

ренію, а это расширеніе было бы невозможно безъ свободной массы рабочихъ, независимой отъ границъ дѣйствительнаго роста населенія. Резервная рабочая армія отдѣляется отъ активной, благодаря тѣмъ условіямъ, которыя постоянно «освобождаютъ» рабочихъ и превращаютъ часть занятыхъ рабочихъ силъ въ занятія или полузанятія. Конкуренція многочисленнаго резерва оказываетъ давленіе на активныхъ рабочихъ, вынуждая ихъ къ чрезмѣрной работѣ и къ полному подчиненію капиталистамъ. Одна часть рабочаго класса обрекается на невольное бездѣйствіе, тогда какъ другая эксплуатируется до изнуренія. Съ распространеніемъ капиталистическаго производства на земледѣліе, дѣйствующие въ этой области капиталы безусловно сокращаютъ спросъ на сельское рабочее населеніе, не обращаясь уже затѣмъ къ обратному призыву рабочихъ силъ, какъ это происходитъ въ другихъ сферахъ промышленности. Поэтому часть сельскаго населенія постоянно пребываетъ въ переходномъ состояніи, перемѣщаясь постепенно въ городскіе или мануфактурные центры. Эта струя прибавочнаго рабочаго населенія притекаетъ непрерывно; но ея постоянное теченіе предполагаетъ въ сельскихъ округахъ страны всегдашнюю наличность скрытаго избытка населенія, объемъ котораго обнаруживается лишь въ случаяхъ исключительно широкаго открытія выходныхъ каналовъ. Сельскій наемный рабочій при такихъ условіяхъ долженъ довольствоваться минимальною заработной платою и всегда стоитъ одною ногою въ болотѣ пауперизма. Избыточное населеніе образуетъ перемѣнную часть активной рабочей арміи, получая работу весьма неправильно, на болѣе или менѣе краткіе сроки, такъ что капиталъ всегда располагаетъ здѣсь чрезвычайно значительною массою скрытой рабочей силы. Ея матеріальный бытъ гораздо ниже средняго нормальнаго уровня рабочаго класса, и именно это дѣлаетъ ее широкою основою дальнѣйшаго роста капиталистической эксплуатаціи.

Наконецъ, наиболѣе глубокой осадокъ относительныхъ излишковъ населенія входитъ въ сферу пауперизма. Пауперизмъ есть какъ бы инвалидный домъ активной рабочей арміи и мертвый балластъ промышленнаго рабочаго резерва. Относительная величина резервной рабочей арміи возрастаетъ вмѣстѣ съ развитіемъ богатства. Чѣмъ больше численность резервовъ сравнительно съ

активною рабоцею армією, тѣмъ значительнѣе общая масса той части рабочаго класса, бѣдствія которой обратно пропорціональны усиліямъ и мукамъ труда, и слѣдовательно, тѣмъ многочисленнѣе армія офіціального пауперизма. Таковъ безусловный, всеобщій законъ капиталистическаго накопленія. Рабочій классъ не можетъ сознательно приспособлять свою численность къ производственнымъ потребностямъ капитала, какъ проповѣдывали многіе экономисты; напротивъ, самый механизмъ капиталистическаго производства и накопленія постоянно приспособляетъ къ этимъ потребностямъ составъ и численность рабочихъ силъ. Первое слово этого приспособленія—созданіе избыточнаго рабочаго населенія или промышленной резервной арміи; послѣднее слово—бѣдственное состояніе все болѣе возростающей части активной рабочей арміи или мертвая тяжесть пауперизма. Изъ этого видно, что по мѣрѣ накопленія капитала положеніе работника неизбѣжно ухудшается, какова бы ни была его заработная плата. Обязательное равновѣсіе между резервами рабочихъ силъ и энергією и объемомъ накопленія сильнѣе приковываетъ работника къ капиталу, чѣмъ прикованъ былъ къ скалѣ Прометей булавою Гефеста. Накопленіе капитала вызываетъ соотвѣтственное накопленіе нищеты. Накопленіе богатства на одномъ полюсѣ есть въ то же время накопленіе бѣдности, трудовыхъ мученій, невѣжества, огрубѣнія и нравственнаго вырожденія на другомъ полюсѣ. Этотъ общій фактъ неоднократно признавался публично офіціальными представителями власти въ Англіи и выдающимися буржуазными экономистами. «Одна изъ самыхъ грустныхъ особенностей въ соціальномъ положеніи страны,—говорилъ въ 1843 году министръ Гладстонъ въ палатѣ общинъ,—заключается въ томъ, что одновременно съ пониженіемъ потребительной способности народа и съ возростаніемъ лишеній и бѣдствій рабочаго класса происходитъ постоянное накопленіе богатствъ въ высшихъ классахъ и постоянное возростаніе капитала». Двадцать лѣтъ спустя, въ 1863 году, тотъ же Гладстонъ въ своей бюджетной рѣчи, приводя поразительныя цифры увеличенія богатства и могущества англійской промышленности за послѣдніе періоды времени, указывалъ опять, что это увеличеніе «всецѣло относится къ классамъ собственниковъ» и что крайности нужды въ массѣ рабо-

чаго населенія не уменьшились ¹⁾. Черезъ годъ, при внесеніи слѣдующаго бюджета, Гладстонъ вновь напоминалъ, что заработная плата не увеличилась въ отдѣльныхъ отрасляхъ производства, что значительныя массы народа стоятъ на рубежѣ пауперизма и что «человѣческая жизнь въ девяти случаяхъ изъ десяти есть только борьба за существованіе». Профессоръ Фаусеттъ заявлялъ, что даже возвышеніе заработной платы оказывается только кажущимся, въ виду постоянного вздорожанія необходимыхъ жизненныхъ продуктовъ, и что богатые становятся все богаче, тогда какъ въ бытѣ рабочаго класса не замѣчается улучшенія. Такъ и должно быть, по Марксу, въ силу внутреннихъ, «имманентныхъ» законовъ капиталистическаго производства.

Прежде чѣмъ дѣйствовать въ указанномъ духѣ и направленіи, капиталъ долженъ былъ существовать. Какимъ путемъ и на какой почвѣ совершается это предварительное или первоначальное накопленіе? Марксъ и на этотъ вопросъ находитъ готовый отвѣтъ въ экономической исторіи Англіи. Для превращенія денегъ и средствъ производства въ капиталъ, подготовляются свободные

¹⁾ Эта цитата (т. I, стр. 678) невѣрно передаетъ смыслъ сказаннаго Гладстономъ. Въ дѣйствительности рѣчь шла объ увеличеніи доходовъ, обложенныхъ подоходнымъ налогомъ, а такъ какъ доходы ниже известной суммы не облагаются налогомъ, то приводимыя цифры касались исключительно болѣе зажиточныхъ классовъ, что и отмѣтилъ Гладстонъ. Указавъ на поразительные результаты подоходнаго налога за послѣдніе годы, министръ продолжалъ: «Я съ своей стороны смотрѣлъ бы съ болью и съ серьезнымъ опасеніемъ на этотъ необычайный и почти опьяняющій ростъ богатства, еслибы я имѣлъ основаніе думать, что онъ ограничивается только тѣмъ классомъ лицъ, который можетъ быть названъ зажиточнымъ. Цифры, которыя я привелъ, не даютъ свѣдѣній о положеніи тѣхъ, которые не платятъ подоходнаго налога; или другими словами, хотя онъ довольно точны для оцѣнки общаго положенія, онъ ничего не сообщаютъ о собственности рабочаго населенія и объ увеличеніи его доходовъ. Но можно положительно утверждать, что большія и непосредственныя выгоды достались и на долю массы народа... Мы имѣемъ глубокое утѣшеніе знать, что одновременно съ обогащеніемъ богатыхъ и бѣдные сдѣлались менѣе бѣдными. Относительно средняго положенія британскаго рабочаго, будь онъ поселенинъ или горной рабочій, искусный или простой работникъ, мы знаемъ изъ разнообразныхъ и несомнѣнныхъ свидѣтельствъ, что въ послѣднія двадцать лѣтъ достигнуто такое увеличеніе его средствъ къ жизни, которое можетъ считаться почти безпримѣрнымъ въ исторіи какаго либо народа или столѣтія». См. брошюру Брентано, *Meine Polemik mit Karl Marx*. Berlin, 1890.

рабочіе,—свободные въ томъ двойственномъ смыслѣ, что ни они сами не принадлежать къ средствамъ производства, какъ невольники или крѣпостные, ни имъ не принадлежать средства производства, какъ у самостоятельно хозяйничающихъ крестьянъ. Дѣятельность капитала предполагаетъ уже отдѣленіе работниковъ отъ права собственности на средства и орудія работы. Когда капиталистическое производство встало крѣпко на ноги, оно не только поддерживаетъ это отдѣленіе, но воспроизводитъ его въ непрерывно возрастающей степени. Процессъ, создающій капиталъ, не можетъ быть ничѣмъ другимъ, какъ только процессомъ отдѣленія работника отъ собственности на его условія работы,—процессомъ, превращающимъ съ одной стороны общественныя средства жизни и производства въ капиталъ, а съ другой — непосредственныхъ производителей въ наемныхъ рабочихъ. Такъ называемое первоначальное накопленіе есть поэтому только исторической процессъ отдѣленія производителя отъ средствъ производства. Этотъ процессъ обнимаетъ собою, во-первыхъ, распаденіе старыхъ связей, дѣлавшихъ работника предметомъ собственности и средствомъ производства, и во-вторыхъ, разложеніе собственности непосредственныхъ производителей на ихъ средства производства. Такимъ образомъ процессъ отдѣленія заключаетъ въ себѣ въ сущности всю исторію развитія современнаго буржуазнаго общества. Исходною точкою было рабское положеніе работника; дальнѣйшее развитіе состояло въ перемѣнѣ формы этого рабства. Хотя капиталистическое производство уже въ XIV и XV столѣтіяхъ появляется мѣстами въ странахъ, прилегающихъ къ Средиземному морю, но капиталистическая эра начинается лишь съ XVI вѣка. Тамъ, гдѣ она водворилась, отмѣна крѣпостного права состоялась давно и средневѣковое городское устройство успѣло уже перейти въ стадію упадка. Рѣшающее значеніе имѣютъ тѣ моменты, когда большія массы людей внезапно и насильственно отрываются отъ своихъ средствъ существованія и производства и бросаются на рабочій рынокъ въ качествѣ свободныхъ пролетаріевъ. Отнятіе земли у крестьянъ образуетъ основу всего процесса. Исторія этой экспроприаціи представляетъ свои особенности въ различныхъ странахъ и проходитъ различные фазисы въ неодинаковомъ порядкѣ. Только въ Англіи получаетъ она свою классическую форму. Въ концѣ XIV вѣка крѣпостное право

въ этой странѣ фактически исчезло. Огромное большинство населения состояло тогда и еще болѣе въ XV вѣкѣ изъ свободныхъ, самостоятельно хозяйничавшихъ крестьянъ, хотя и подъ прикрытіемъ феодальныхъ отношеній. Въ господскихъ имѣніяхъ прежніе крѣпостные управляющіе были вытѣснены вольными арендаторами. Наемные земледѣльческіе рабочіе были отчасти изъ крестьянъ, употреблявшихъ свое свободное время для работы у крупныхъ владѣльцевъ, и отчасти изъ особаго немногочисленнаго класса батраковъ. Послѣдніе имѣли въ то же время самостоятельное хозяйство, такъ какъ сверхъ денежной платы имъ давались участки земли съ постройками для жилья. Они пользовались также, наравнѣ съ крестьянами, общинною землею для пастбы скота. Толчкомъ къ насильственному упраздненію крестьянскихъ хозяйствъ послужило возвышеніе цѣнъ на шерсть, вслѣдствіе развившагося производства шерстяныхъ продуктовъ. Превращеніе пашни въ луга для овецъ сдѣлалось лозунгомъ крупнаго землевладѣнія. Незаконные захваты общинныхъ крестьянскихъ земель вызвали энергическое противодѣйствіе законодательства, но никакія принимавшіяся мѣры не помогали. Для капиталистическаго производства именно и требовалось, чтобы народная масса была лишена земли и превратилась въ толпу наемниковъ. Конфискація монастырскихъ и церковныхъ имѣній послѣ реформации сопровождалась уничтоженіемъ всѣхъ поземельныхъ правъ ихъ обитателей; множество наслѣдственныхъ арендныхъ и крестьянскихъ хозяйствъ подверглось разгрому при переходѣ земель въ руки новыхъ собственниковъ, королевскихъ фаворитовъ и городскихъ спекулянтовъ. Еще въ концѣ XVII вѣка независимыхъ крестьянъ было больше, чѣмъ арендаторовъ; они составляли главную силу Кромвелля; наемные сельскіе работники были еще совладѣльцами общинной земли. Въ половинѣ XVIII столѣтія самостоятельнаго крестьянства уже не существовало, а затѣмъ исчезаютъ послѣдніе слѣды участія земледѣльцевъ въ общинномъ владѣніи ¹⁾. Революція 1688 года вывела на сцену новыя

¹⁾ Какъ справедливо замѣчаетъ Арнольдъ Тойнби, это мнѣніе Маркса ошибочно: быстрое исчезновеніе крестьянъ-землевладѣльцевъ начинается только около 1760 года, и остатки *yeomanry* существовали еще въ началѣ нашего столѣтія. Lectures on the industrial Revolution in England, by Arnold Toynbee,

колоссальныя хищенія, предметомъ которыхъ были главнымъ образомъ государственныя имущества. Общинныя земли присвоиваются ландлордамъ въ силу рѣшеній палаты общинъ; рядомъ съ мелкими годичными арендами возникаютъ большія арендныя хозяйства на началахъ чисто коммерческихъ. Представители господствующаго класса и солидарные съ ними экономисты съ полнымъ душевнымъ спокойствіемъ оправдывали эту систему земельного грабежа, насколько она казалась необходимою для подготовленія основы капиталистическаго производства. Послѣднимъ крупнымъ процессомъ экспропріаціи поселянъ было такъ называемое «очищеніе помѣстій» отъ остатковъ мелкаго крестьянства и отъ жилищъ сельскихъ рабочихъ. Выброшенные на улицу массы бывшихъ земледѣльцевъ подвергаются суровымъ законодательнымъ мѣрамъ и проходятъ тяжелую школу страданій, преслѣдованій и принудительнаго труда; подготовка человѣческаго матеріала для наемной работы близится къ концу. Поднимающаяся буржуазія употребляетъ государственную власть, чтобы регулировать заработную плату, т.-е. ограничить ее извѣстнымъ минимумомъ, продлить рабочій день и держать самого работника въ надлежащей зависимости. Средства къ жизни и орудія работниковъ накаплиются въ рукахъ денежныхъ капиталистовъ и землевладѣльцевъ; вмѣстѣ съ тѣмъ создается внутренній рынокъ для промышленности. Арендаторы продаютъ теперь въ качествѣ товаровъ большія количества жизненныхъ средствъ и сырыхъ продуктовъ, которые прежде потреблялись на мѣстѣ непосредственными производителями. Мануфактуры даютъ имъ рынокъ для сбыта. Вмѣсто многихъ мелкихъ производителей, имѣвшихъ своихъ мѣстныхъ покупателей, образуется обширный общій рынокъ для промышленнаго капитала; значительная часть продуктовъ, вырабатываемыхъ прежде въ селахъ, производится уже въ городскихъ мануфактурахъ, и села превращаются въ рынокъ для ихъ покупки. Въ частности, по отношенію къ Ирландіи, «упраздненіе мелкихъ арендъ имѣло свои неудобства. Накопленіе поземельныхъ доходовъ въ рукахъ крупныхъ владѣльцевъ сопровождается накопле-

Л., 1884, стр. 61. Общинное владѣніе сохранялось до недавняго времени во многихъ мѣстностяхъ Англіи; ср. изслѣдованія Эрвина Нассе и сэра Генри Мэна.

ніемъ ирландцевъ въ Америкѣ. Вытѣсненный овцами и быками, ирландецъ появляется на другой сторонѣ океана, какъ феній. И противъ старой повелительницы морей возвышается все грознѣе молодая исполинская республика» (стр. 742).

Такъ идетъ рука объ руку съ экспропріаціею и отдѣленіемъ самостоятельныхъ крестьянъ отъ ихъ средствъ производства упадокъ сельскихъ побочныхъ промысловъ, процессъ раздѣленія мануфактуры и земледѣлія. Но окончательный переворотъ еще впереди. Уничтожая домашніе промыслы въ одной отрасли производства или въ однихъ мѣстахъ, мануфактура возрождаетъ ихъ тамъ, гдѣ это нужно ей для обработки сырого матеріала; она производитъ такимъ образомъ новый классъ мелкихъ сельскихъ промышленниковъ, для которыхъ воздѣльваніе земли служитъ побочнымъ занятіемъ, а промышленный трудъ для мануфактуры—главнымъ. Только крупная промышленность доставляетъ вмѣстѣ съ машинами прочную основу капиталистическому земледѣлію, радикально экспропріируетъ огромное большинство сельскаго населенія и довершаетъ разрывъ между земледѣліемъ и домашними сельскими промыслами, корни котораго—ткачество и пряденіе—она вырываетъ вполне. Она завоевываетъ весь внутренній рынокъ для промышленнаго капитала. Двѣ унаслѣдованныя отъ среднихъ вѣковъ формы капитала—ростовщическій и купеческій—находятъ теперь безпрепятственное и широкое примѣненіе въ промышленной дѣятельности. Различные моменты первоначальнаго накопленія систематически объединяются къ концу XVII вѣка въ колоніальную политикѣ, въ системѣ государственныхъ долговъ, въ современной податной системѣ и въ протекціонизмѣ. «Всѣ эти методы пользуются государственною властью, сосредоточенною и организованною силою, чтобы ускорить процессъ превращенія феодальнаго способа производства въ капиталистическій и сократить переходы. Власть является помощницею при родахъ, когда старое общество беременно новымъ. Она сама есть экономическій факторъ» (стр. 782). Покровительственная система была искусственнымъ средствомъ «фабриковать фабрикантовъ, экспропріировать независимыхъ работниковъ, капитализировать національныя средства производства и существованія, насильственно облегчить переходъ отъ старинной формы производства къ современной» (стр. 786). Частная собственность, основанная

на личномъ трудѣ, падаетъ вмѣстѣ съ мелкимъ производствомъ, составляющимъ необходимое условіе развитія производительности и свободной индивидуальности самого работника. Этотъ способъ производства процвѣтаетъ, выказываетъ всю свою энергію и пріобрѣтаетъ свою классическую форму, когда работникъ свободно владѣетъ и распоряжается средствами и орудіями своего труда, крестьянинъ—воздѣлываемымъ имъ полемъ, ремесленникъ—инструментомъ, которымъ онъ играетъ какъ виртуозъ. Этотъ способъ производства предполагаетъ дробленіе почвы и другихъ производственныхъ средствъ. Не допуская сосредоточенія послѣднихъ, онъ устраняетъ кооперацію, дѣленіе труда въ различныхъ процессахъ производства, общественное господство надъ природою и регулированіе ея, свободное развитіе общественныхъ производительныхъ силъ. Онъ совмѣстимъ только съ тѣсными естественными рамками производства и общества. На извѣстной степени развитія онъ вырабатываетъ матеріальныя средства для своего собственного уничтоженія. Съ этого момента въ лонѣ общества движутся силы и страсти, чувствующія себя сдавленными мелкимъ производствомъ. Оно должно быть уничтожено, оно уничтожается. Собственность работника на средства труда вытѣсняется собственностью капиталистической, основанною на эксплуатаціи чужой, формально свободной работы. Съ распространеніемъ силы и круга дѣйствія этого переворота, дальнѣйшее преобразование промышленной жизни, «обобществленіе» труда и средствъ и орудій производства, въ томъ числѣ и земли, и слѣдовательно дальнѣйшая экспропріація частныхъ собственниковъ—получаютъ новую форму. Экспропріировать остается теперь уже не самостоятельно хозяйничающаго работника, а употребляющаго многихъ рабочихъ капиталиста. Эта экспропріація совершается игрою «имманентныхъ» законовъ самого капиталистическаго производства, путемъ сосредоточенія капиталовъ. Одинъ капиталистъ убиваетъ многихъ. Рядомъ съ этою концентраціею или экспропріаціею многихъ капиталистовъ немногими, развивается кооперативная форма трудового процесса въ возрастающихъ размѣрахъ, сознательное технологическое примѣненіе науки, цѣлесообразное общественное утилизированіе земли, преобладаніе общественного, совмѣстнаго употребленія средствъ и орудій труда и господство комбинированной общественной работы въ производ-

ствѣ. «Съ уменьшеніемъ числа магнатовъ капитала, монополизи-
 рующихъ всѣ выгоды этого преобразовательнаго процесса, увеличи-
 вается масса бѣдствій, гнета, вырожденія и эксплуатаціи, но
 въ то же время и раздраженіе непрерывно пополняющагося и
 механизмомъ самого капиталистическаго производства вышколен-
 наго, объединеннаго и организованнаго рабочаго класса. Моно-
 поля капитала дѣлается уздою для системы производства, кото-
 рая при ней и подъ ея крыломъ выросла и процвѣла. сосре-
 доточеніе средствъ производства и обобществленіе труда дости-
 гають такого пункта, когда не выносятъ уже своей капиталисти-
 ческой оболочки. Последняя разрывается. Чась капиталистиче-
 ской частной собственности настаеъ. Экспроприаторы въ свою
 очередь экспроприруются. Капиталистическая система производ-
 ства и пріобрѣтенія, и слѣдовательно капиталистическая частная
 собственность, есть первое отрицаніе индивидуальной, созданной
 личнымъ трудомъ частной собственности. Отрицаніе капиталисти-
 ческаго производства порождается имъ самимъ, съ необходи-
 мостью естественнаго процесса. Это—отрицаніе отрицанія. Инди-
 видуальная собственность вновь возстановляется, но уже на ос-
 новѣ пріобрѣтеній капиталистической эры—коопераций свобод-
 ныхъ рабочихъ и ихъ общей собственности на землю и на про-
 изведенныя средства производства. Превращеніе раздроб-
 ленной, основанной на личномъ трудѣ собственности въ капита-
 листическую происходитъ несравненно медленнѣе и труднѣе, чѣмъ
 превращеніе фактически общественной капиталистической соб-
 собственности въ прямую общественную собственность. Тамъ дѣло
 шло объ экспроприаціи народной массы немногими узурпаторами,
 а здѣсь дѣло идетъ объ экспроприаціи немногихъ узурпаторовъ
 народною массою» (стр. 791—3).

Что Марксъ придаетъ своему предсказанію значеніе обяза-
 тельнаго закона, чего-то въ родѣ приговора судьбы, который дол-
 женъ совершиться во всякомъ случаѣ, независимо отъ воли и
 участія заинтересованныхъ классовъ общества,—это видно уже
 изъ его предисловія къ первому тому: «Въ Англіи процессъ пе-
 реворота уже вполне осязателенъ. Достигнувъ извѣстной точки,
 онъ долженъ отразиться на континентѣ. Тамъ онъ приметъ болѣе
 грубыя или болѣе человѣчныя формы, смотря по степени раз-
 вивія самого рабочаго класса. Поэтому, независимо отъ высшихъ

мотивовъ, собственный интересъ господствующихъ нынѣ классовъ повелѣваетъ имъ устранить всѣ легально контролируемыя препятствія, задерживающія развитіе рабочаго класса. Оттого я удѣлил такъ много мѣста, между прочимъ, исторіи, содержанию и результатамъ англійскаго фабричнаго законодательства. Одна нація должна учиться у другой. Даже если общество напало на слѣдъ естественнаго закона своего движенія,... оно не можетъ ни перескочить, ни устранить декретами (wegdekretiren) естественные фазисы развитія. Но оно можетъ сократить или смягчить муки родовъ» (стр. 6). Другими словами, господствующимъ классамъ нечего и думать о предупрежденіи катастрофы или о самозащитѣ: что бы ни дѣлали они для рабочаго класса и въ какомъ бы положеніи ни находился послѣдній, все равно имъ не избѣгнуть насильственной ликвидаціи, —разница будетъ только въ формахъ ея совершенія. Буржуазія должна еще своими руками очищать дорогу пролетаріату, чтобы облегчить и ускорить его торжество, —изъ чувства самосохраненія, ради облегченія своей собственной участи. По здравому смыслу, она могла бы, повѣривъ пророчеству Маркса, принять свои охранительныя мѣры, при помощи средствъ и силъ государства, не дожидаясь дальнѣйшей организаціи рабочаго класса; она могла бы стѣснить его развитіе, затруднить ему доступъ къ образованію и заранѣе обезпечить себѣ побѣду, пока рабочіе еще безсильны,—и нелѣпо было бы ожидать, что она будетъ дѣйствовать въ противоположномъ смыслѣ съ точки зрѣнія предстоящей борьбы за существованіе, какъ предлагаетъ Марксъ. Къ счастью, господствующіе классы нигдѣ въ Европѣ не вѣрятъ въ неминуемость фатальной развязки, предвѣщаемой авторомъ «Капитала». Марксъ связываетъ «начало конца» съ американскою междуусобною войною (въ шестидесятыхъ годахъ), подобно тому какъ прежде ожидалъ переворота въ связи съ событіями 1848 года. «Какъ американская борьба за независимость въ XVIII вѣкѣ отозвалась грознымъ набатомъ для европейскаго средняго класса, такъ и американская междуусобная война—для европейскаго рабочаго класса». Въ Германіи, во Франціи и во всѣхъ вообще государствахъ европейскаго материка, точно такъ же, какъ и въ Англии, «чувствуется неизбежность коренной перемѣны отношеній между трудомъ и капиталомъ. Вице-президентъ Соединенныхъ штатовъ сѣверной

Америци, Уедъ, сказаль на публичномъ митингѣ: «послѣ уничтоженія рабства выступаетъ на очередь превращеніе отношеній въ области капитала и поземельной собственности». Это знаменія времени... Они не означаютъ, что завтра совершатся чудеса. Они показываютъ, что даже въ господствующихъ классахъ пробуждается сознаніе, что современное общество—не твердый кристаллъ, а способный къ превращеніямъ и постоянно находящійся въ процессѣ превращенія организмъ» (стр. 6—7).

Въ извѣстномъ «манифестѣ», изданномъ въ 1847 г., Маркъ еще рѣзче отдѣляетъ роль «обобществленія» труда и средствъ производства въ ходѣ экономическаго развитія современныхъ обществъ. «Прогрессъ промышленности, котораго невольною и безсильною носительницею является буржуазія, выдвигаетъ революціонное соединеніе рабочихъ путемъ ассоціаціи на мѣсто изолированія работниковъ путемъ конкуренціи. Съ развитіемъ крупной промышленности уходитъ такимъ образомъ изъ-подъ ногъ буржуазіи самая почва, на которой она (буржуазія) производитъ и присвоиваетъ себѣ продукты. Она производитъ прежде всего своего собственнаго гробовщика. Паденіе ея и побѣда пролетаріата одинаково неизбѣжны. Изъ всѣхъ общественныхъ классовъ, стоящихъ противъ буржуазіи, только пролетаріатъ представляетъ собою дѣйствительно революціонную силу. Остальные классы опускаются и падаютъ при крупной промышленности. тогда какъ пролетаріатъ есть ея собственный продуктъ. Средніе классы, мелкіе промышленники, мелкіе купцы, ремесленники, крестьяне, всѣ они ведутъ борьбу съ буржуазіею, чтобы обезпечить свое существованіе отъ гибели, въ качествѣ среднихъ сословій; они реакціонны, потому что стараются повернуть обратно колесо исторіи». Современное мѣщанское общество, создавшее такіа могущественныя средства производства и обращенія, «напоминаетъ того волшебника, который не можетъ справиться съ вызванными имъ подземными силами. За послѣднія десятилѣтія исторія промышленности и торговли есть только исторія возстанія современныхъ производительныхъ силъ противъ современныхъ условій производства, противъ отношеній собственности, составляющихъ условія жизни и владычества буржуазіи. Достаточно назвать торговые кризисы, которые своимъ періодическимъ возвращеніемъ все сильнѣе подвергаютъ опасности существованіе всего мѣщанскаго

общества. Въ торговыхъ кризисахъ регулярно уничтожается значительная часть не только наличныхъ продуктовъ, но уже созданныхъ производительныхъ силъ. Въ кризисахъ прорывается общественная епидемія, которая для всѣхъ прежнихъ эпохъ считалась бы безсмыслицей, — епидемія перепроизводства. Общество внезапно оказывается попавшимъ въ положеніе мгновеннаго варварства; крайняя нужда, всеобщая истребительная борьба подрвали какъ будто для общества всѣ средства къ жизни; промышленность и торговля кажутся уничтоженными, — и почему? Потому что общество имѣетъ слишкомъ много цивилизаціи, слишкомъ много жизненныхъ средствъ, слишкомъ много промышленности, слишкомъ много торговли. Производительныя силы, находящіяся въ его распоряженіи, не служатъ уже больше къ поощренію и поддержанію буржуазныхъ отношеній собственности; напротивъ, онѣ стали слишкомъ могущественными для этихъ отношеній; онѣ стѣснены ими, и какъ только онѣ преодолеваютъ это стѣсненіе, онѣ приводятъ въ беспорядокъ все мѣщанское общество и подрываютъ существованіе мѣщанской собственности. Мѣщанскія отношенія сдѣлались слишкомъ тѣсными, чтобы быть въ состояніи обнять все порожденное ими богатство. Чѣмъ побѣждаетъ кризисы буржуазія? Съ одной стороны, вынужденнымъ уничтоженіемъ массы производительныхъ силъ; съ другой стороны, завоеваніемъ новыхъ рынковъ и болѣе основательнымъ эксплуатированіемъ старыхъ рынковъ, т.-е. подготовленіемъ дальнѣйшихъ, болѣе обширныхъ и всеобщихъ кризисовъ и уменьшеніемъ средствъ для ихъ предупрежденія». Кризисы обнаруживаютъ такимъ образомъ органической порокъ современнаго народнаго хозяйства ¹⁾. Необходимое преобразование совершается возникшимъ внутри мѣщанскаго общества пролетаріатомъ, который постепенно вырабатываетъ изъ себя особый классъ и организуется для борьбы съ буржуазією, «неспособною уже оставаться го-

¹⁾ Марксъ признаетъ аксіомою, не требующею доказательствъ, правильное повтореніе кризисовъ черезъ каждыя десять лѣтъ; ср. напр., т. I, стр. 657, 662 и др., — но «десятилѣтніе циклы», случайно повторявшіеся до 1867 года, не соответствуютъ уже фактамъ новѣйшей промышленной исторіи, такъ что Энгельсъ, при изданіи третьяго тома «Капитала», счелъ нужнымъ указать на вѣроятность удлиненія этихъ цикловъ, въ виду измѣнившихся условій міроваго рынка (т. III, ч. II, стр. 27, прим.).

сподствующимъ классомъ общества и навязывать обществу, какъ регулирующий законъ, свои жизненные условія и потребности». Буржуазія «неспособна господствовать, потому что она неспособна обезпечить существованіе своимъ рабамъ и вынуждена довести ихъ до такого положенія, при которомъ она сама должна кормить ихъ, вмѣсто того, чтобы они ее кормили. Общество не можетъ больше жить подъ ея властью, т.-е. ея жизнь несомѣстима съ обществомъ». Скрытое междоусобіе внутри существующаго общества «доходитъ до того пункта, когда оно превращается въ открытое возстаніе, и пролетаріатъ утверждаетъ свое владычество насильственнымъ ниспроверженіемъ буржуазіи» ¹⁾.

VIII.

Сильныя и слабыя стороны ученія Маркса.—Неправильныя обобщенія особенностей англійской экономической исторіи.—Что такое капиталистическое производство по Марксу?—Отсутствіе точнаго понятія о капиталѣ въ «Капиталѣ».—Охрана интересовъ рабочихъ законодательствомъ и духъ постепенныхъ реформъ.—Фактическія ошибки Маркса.—Крестьянство и рабочіе союзы.

Мы привели существенныя разсужденія Маркса о капиталистическомъ производствѣ, отчасти его собственными словами. Мѣткость и сила многихъ его замѣчаній, выразительная краткость и образность характеристикъ, богатство фактическихъ свѣдѣній,— все это представляетъ рѣзкій контрастъ сравнительно съ туманноводянистою и необыкновенно многорѣчивою діалектикою теоретической части «Капитала». Очерки крупной промышленности въ разныхъ ея формахъ, проявленіяхъ и результатахъ написаны вообще сильно и ярко, хотя иногда избылируютъ чрезмѣрными подробностями, лишенными общаго интереса. Марксъ обладалъ способностью, весьма важною и даже необходимою для организа-

¹⁾ Возрѣнія Маркса по вопросу о кризисахъ, въ связи съ его общею экономической теоріею, изложены, безъ надлежащей критической оцѣнки, въ новѣйшемъ изслѣдованіи фонъ-Бергмана: *Geschichte der National-ökonomischen Krisentheorien*, von Eugen v. Bergmann, Stuttg., 1895, стр. 359—583. См. также г. Туганъ-Барановскаго, *Промышленные кризисы въ современной Англии*. Спб., 1894.

тора и руководителя новыхъ умственныхъ или общественныхъ движеній;—онъ умѣлъ облекать въ сжатія, общедоступныя формулы тѣ неопредѣленныя реформаторскія требованія и идеи, которыя издавна высказывались и господствовали въ извѣстныхъ классахъ общества; онъ возводитъ на степень обязательнаго общественно-историческаго закона то, что проповѣдывалось другими во имя отвлеченной справедливости, и этимъ прежде всего объясняется его необыкновенная популярность среди лицъ, сочувствующихъ рабочему классу. Точная положительная программа, соответствующая настроенію нѣкоторой части общества, легко овладѣваетъ умами и приобрѣтаетъ прочный успѣхъ, хотя бы логическія основы ея были несостоятельны; она дѣлается вполнѣ авторитетною въ глазахъ большинства образованной публики, когда опирается на огромную массу литературнаго и фактическаго балласта, свидѣтельствующаго о необычайной учености. Людямъ всегда пріятно узнать, что ихъ завѣтныя мечты вытекаютъ изъ естественнаго хода исторіи и изъ незыблемыхъ положеній и выводовъ науки. Въ этомъ смыслѣ «Капиталъ» Маркса осуществляетъ, повидимому, тотъ союзъ между наукою и рабочимъ классомъ, о которомъ говорилъ Фердинандъ Лассаль. Но насъ интересуеетъ въ данномъ случаѣ только теоретическая сторона доктрины Маркса, и въ этомъ отношеніи мы съ самаго начала наталкиваемся на одну, весьма существенную, странность.

Марксъ очень хорошо и живо описываетъ ходъ развитія англійской промышленности, ея современное положеніе и ея печальное воздѣйствіе на бытъ рабочихъ; онъ пользуется исключительно матеріаломъ, касающимся Англій, излагаетъ новѣйшую экономическую исторію одной лишь Англій, говоритъ исключительно объ англійскихъ промышленныхъ условіяхъ, явленіяхъ и событіяхъ, совершенно не упоминая объ экономической жизни и исторіи Франціи, Германіи и другихъ странъ Европы, точно такъ же какъ и Америки,—а между тѣмъ онъ придаетъ своему изложенію и дѣлаемымъ изъ него выводамъ такой видъ, какъ будто рѣчь идетъ о повсемѣстныхъ типическихъ фактахъ и всеобщихъ законахъ промышленнаго развитія. Различныя формы крупной промышленности имѣютъ, безъ сомнѣнія, извѣстныя общія черты, которыя должны были выразиться съ наибольшою характерностью и силою въ Англій, какъ средоточіи новѣйшаго промышленнаго

прогресса; но эти общія типическія явленія не выдѣлены Марксомъ изъ массы частныхъ специально-англійскихъ особенностей, а смѣшаны съ ними въ одну безразличную кучу, при чемъ именно частностямъ приписано общее обязательное значеніе. Даже своеобразныя поземельныя отношенія, вытекающія въ Англии изъ давнишняго политическаго владычества аристократіи, возведены на степень «классическихъ» образцовъ аграрнаго строя, вырабатываемаго будто бы повсюду въ интересахъ свободнаго роста промышленности. Во Франціи землевладѣніе имѣло совершенно другую исторію, чѣмъ въ Англии, и французское крестьянство не только сохранило право собственности на свои земли, но держитъ ихъ крѣпче въ своихъ рукахъ, чѣмъ когда-либо; во Франціи нѣтъ ни поземельныхъ лордовъ, ни особаго класса крупныхъ арендаторовъ - капиталистовъ, а процвѣтаетъ преимущественно мелкая крестьянская собственность, которой почти не существуетъ въ Англии. А между тѣмъ во Франціи промышленная буржуазія господствуетъ, можно сказать, безраздѣльно, и французская промышленность развивается и растетъ не хуже англійской, безъ помощи обезземеленія крестьянъ. Въ американскихъ Соединенныхъ Штатахъ распространялось въ обширныхъ размѣрахъ мелкое крестьянское землевладѣніе путемъ раздачи земель желающимъ на льготныхъ условіяхъ, — въ то самое время, какъ создавалась и развивалась тамъ съ поразительною быстротою крупная промышленность, нуждающаяся будто бы въ обезземеленіи крестьянъ. По изложенію Маркса выходитъ, что присвоеніе крестьянскихъ земель крупными землевладѣльцами въ Англии и Ирландіи совершилось съ сознательною цѣлью содѣйствія интересамъ буржуазіи ради торжества капиталистической формы производства. Для промышленности требовалось обезземеленіе, и оно совершено съ беспощадною суровостью и послѣдовательностью (стр. 748—9, 757 и др.).

Въ дѣйствительности, устройство обширныхъ парковъ и луговъ на мѣстахъ прежнихъ крестьянскихъ поселеній противорѣчило насущнымъ потребностямъ экономической жизни, отнимая отъ промышленной эксплуатаціи значительную часть земель и налагая тягостныя стѣсненія на весь ходъ промышленнаго развитія; слѣдовательно, оно никакъ не могло входить въ планы и расчеты буржуазіи, а было результатомъ того господства поземель-

мой аристократіи надъ промышленнымъ классомъ, которое было сломлено только преобразованиемъ состава палаты общинъ, начиная съ билля о реформѣ 1832 года. Борьба между буржуазіею и поземельными лордами наполняетъ собою всю новѣйшую внутреннюю исторію Англии, и до сихъ поръ стремленія представителей промышленности ограничить старья землевладѣльческія привилегіи и примѣнить къ землѣ общія промышленныя понятія остаются безуспѣшными. Еслибы всѣ земли королевства сдѣлались доступными обработкѣ, еслибы охотничьи парки замѣнены были старательно воздѣлываемыми полями и еслибы цѣлые кварталы большихъ городовъ не находились въ монопольномъ владѣніи немногихъ лордовъ, т.е. еслибы экономическіе принципы въ самомъ дѣлѣ управляли всею экономическою жизнью Англии, то промышленный бытъ страны сложился бы, конечно, совсѣмъ иначе, и народное хозяйство развивалось бы болѣе правильно, равномерно и устойчиво; не было бы лихорадочныхъ скачковъ и кризисовъ промышленности въ такихъ размѣрахъ, какъ теперь; не было бы вѣроятно ни нынѣшняго пауперизма, ни спеціальнаго «закона народонаселенія» для рабочаго класса.

Попытка Маркса представить экономическую исторію Англии въ видѣ типической исторіи промышленнаго развитія вообще оказывается такимъ образомъ ошибочною въ существѣ. Но аристократическій поземельный строй, несогласный съ современными интересами промышленности, составляетъ только одно изъ существенныхъ отличій Англии отъ другихъ европейскихъ государствъ. Англія отличается отъ странъ материка еще болѣе важными особенностями, которыя рѣшительно не допускаютъ возведенія ея промышленныхъ явленій и условій на степень общихъ нормъ. Англія—міровая торгово-промышленная держава, господствующая на моряхъ, владѣющая колоніями во всѣхъ частяхъ земного шара и работающая преимущественно для внѣшняго сбыта и для внѣшней торговли; она не только живетъ интересами мірового рынка, но она сама отчасти образуетъ этотъ міровой рынокъ и распоряжается имъ, въ силу своего исключительнаго географическаго и культурнаго положенія. Англійская промышленность подвергается колебаніямъ и кризисамъ, зависящимъ отъ всякихъ перемѣнъ въ ходѣ международной торговли и экономической политики чужихъ государствъ. Когда какой-нибудь мѣстный значи-

тельный рынокъ закрывается для англичанъ на дальнемъ востокѣ, то соответственная отрасль промышленности въ Англии переживаетъ затрудненія, доходящія иногда до серьезнаго разстройства и застоя. Быстрое развитіе фабрично-заводскаго дѣла въ Японіи за послѣднее десятилѣтіе весьма чувствительно отозвалось на многихъ англійскихъ фабрикахъ и заводахъ, снабжавшихъ эту страну своими издѣліями; вмѣстѣ съ тѣмъ оно грозитъ отнять у англичанъ гораздо болѣе обширный сосѣдній рынокъ — Китай, гдѣ японскіе продукты и фабрикаты постепенно вытѣсняють англійскіе товары. Ланкаширскія хлопчато-бумажныя фабрики страдаютъ отъ того, что въ Индіи введена умѣренная ввозная пошлина для огражденія мѣстнаго фабричнаго производства отъ англійской конкуренціи. Усиленіе протекціонизма въ государствахъ Европы и Америки болѣзненно вліяетъ на англійскую промышленность, вызывая въ ней замѣшательство и стѣсненіе. Эти внѣшнія и далекія причины дѣйствуютъ на Англію съ неотразимою силою именно потому, что Англія прежде всего — страна міровой международной торговли и промышленности. Ни Франція, ни Германія, ни американскіе Соединенные Штаты не могутъ сравниться въ этомъ отношеніи съ Великобританією, хотя американцы имѣють много данныхъ для успѣшнаго торговаго соперничества съ англичанами въ будущемъ. Зависимость отъ внѣшнихъ рынковъ порождаетъ въ Англии ту переменчивую промышленную атмосферу, которую Марксъ принялъ за общую неизбѣжную принадлежность капиталистическаго производства. Авторъ «Капитала» предполагаетъ, что производство для внѣшняго сбыта и развитіе міровой торговли неразрывно связаны съ водвореніемъ крупной промышленности, т.-е. онъ приписываетъ всѣмъ вообще культурнымъ странамъ спеціальныя промышленныя черты, свойственныя одной «владычицѣ морей». Въ этомъ случаѣ Марксъ поступаетъ подобно тому историку, который считалъ бы исторію Финикіи типическою для всего древняго міра или устанавливалъ бы законы историческаго развитія Европы на основаніи фактовъ, касающихся Голландіи въ періодъ ея процвѣтанія и могущества ¹⁾). Крупное ма-

¹⁾ Въ одномъ мѣстѣ третьяго тома Марксъ замѣчаетъ, что исторія упадка Голландіи, какъ господствующей торговой націи, есть исторія подчиненія купеческаго капитала промышленному, т.-е. производительному, такъ какъ въ

шинное производство развивается повсюду, гдѣ товары имѣютъ обширный и обезпеченный сбытъ, и гдѣ удобство и быстрота сообщеній облегчаютъ правильные торговые обороты; такъ называемая «капиталистическая эра» можетъ поэтому вполне водвориться въ странѣ, довольствующейся фабрично-заводскимъ производствомъ только въ предѣлахъ внутреннихъ потребностей населенія, безъ расчета на внѣшніе рынки, и при такихъ условіяхъ отпадаютъ многія явленія, происходящія въ Англіи и неправильно обобщаемыя Марксомъ.

Ограничивъ свой кругъ наблюденія исключительно англійскою промышленною жизнью, Марксъ отождествляетъ капиталистическое производство съ тѣми формами крупной промышленности, которыя выработались въ Англіи. Отсюда крайняя неопредѣленность самаго понятія о капиталистическомъ производствѣ, несмотря на многократныя и пространныя разъясненія.

Что слѣдуетъ разумѣть подъ капиталистическимъ производствомъ? Марксъ даетъ на этотъ вопросъ два различные отвѣта,—одинъ теоретическій, другой прикладно-историческій. Во-первыхъ, это способъ производства, при которомъ орудія и средства труда принадлежатъ капиталистамъ, а живая рабочая сила покупается, т.-е. нанимается. Во-вторыхъ, это крупная промышленность, возникшая въ XVI вѣкѣ и господствующая нынѣ въ Англіи,—основанная на соединеніи многихъ наемныхъ рабочихъ подъ командою капитала, широко провозящая раздѣленіе труда, употребляющая усовершенствованныя орудія производства и тѣсно связанная съ развитіемъ міровой торговли. Иногда къ этимъ двумъ опредѣленіямъ присоединяется еще третье: капиталистическимъ называется вообще денежное хозяйство въ отличіе отъ натурального. Существенное, принципиальное значеніе имѣетъ только одинъ признакъ—принадлежность средствъ и орудій производства покупателямъ или, вѣрнѣе, нанимателямъ рабочей силы. Если держаться этого теоретическаго понятія о капиталистическомъ производствѣ, то

Голландіи не было данныхъ для развитія самостоятельнаго капиталистическаго производства (т. III, ч. I, стр. 317); при этомъ, однако, не объяснено, какихъ именно условій не доставало Голландіи въ этомъ отношеніи сравнительно съ Англіею. Промышленныя условія существовали и въ Голландіи, но они не имѣли тамъ той благопріятной политической обстановки, которая обезпечила Англіи полную независимость и свободу дѣйствій.

послѣднее представляет собою общее и весьма распространенное явление, свойственное различнымъ эпохамъ и народамъ, начиная съ древнѣйшихъ. Понятіе капитализма могло бы приурочиваться къ новѣйшему историческому періоду единственно лишь въ смыслѣ фактическаго владычества капитала надъ другими элементами экономической жизни. Взглядъ на капиталистическое производство, какъ на особую историческую форму крупной промышленности, очевидно, не вяжется съ общимъ теоретическимъ его опредѣленіемъ. Общія теоретическіе признаки теряются и исчезаютъ среди частныхъ англійскаго промышленнаго развитія. Для читателя остается неяснымъ, къ чему собственно относятся разсужденія о «вѣчныхъ» и «естественныхъ» законахъ капиталистическаго производства, если послѣднее есть только временная преходящая форма, развившаяся преимущественно въ Англии въ теченіе трехъ столѣтій.

Но самое поразительное—то, что сбивчивость понятія о капиталистическомъ производствѣ переносится Марксомъ на понятіе о капиталѣ и что такимъ образомъ одно изъ основныхъ понятій политической экономіи лишается точнаго теоретическаго смысла. Въ трехтомномъ «Капиталѣ» нѣтъ никакого опредѣленія капитала, никакого точнаго указанія, что собственно слѣдуетъ разумѣть подъ капиталомъ въ научно-экономическомъ смыслѣ этого слова! Многочисленныя объясненія, даваемыя Марксомъ, спутываютъ это понятіе до того, что оно дѣлается совершенно безсодержательнымъ и даже, можно сказать, фантастическимъ. Капиталь «возникаетъ» вмѣстѣ съ капиталистическимъ производствомъ; онъ появляется прежде всего въ формѣ денегъ, которыя пускаются въ оборотъ для извлеченія добавочной цѣнности и *этимъ* превращаются въ капиталъ. «Капиталь возникаетъ лишь тамъ, гдѣ владѣлецъ средствъ жизни и производства находитъ на рынкѣ свободнаго работника, какъ продавца своей рабочей силы; поэтому капиталъ съ самаго начала возвѣщаетъ собою эпоху общественнаго процесса производства». Капиталь есть «власть надъ извѣстнымъ количествомъ чужой неоплаченной работы». «Средства существованія и производства, будучи собственностью непосредственнаго производителя, самаго работника, не составляютъ капитала; они дѣлаются капиталомъ только при такихъ условіяхъ, когда они служатъ средствами эксплуатаціи и подчиненія рабочихъ». «Ка-

питаль—не вещь, а опредѣленное, общественное отношеніе производства, принадлежащее извѣстной исторической общественной формациі, выражающееся въ вещи и придающее этой вещи специфическій общественный характеръ. Капиталь не есть сумма матеріальныхъ и произведенныхъ средствъ производства. Капиталь—это превращенныя въ капиталъ средства производства, которыя сами по себѣ столь же мало составляютъ капиталъ, какъ золото или серебро сами по себѣ — деньги. Это монополизированная опредѣленною частью общества средства производства, противопоставленные живой рабочей силѣ продукты и условія примѣненія этой именно рабочей силы, которые этимъ противопоставленіемъ олицетворяются въ капиталѣ. Это не только продукты работниковъ, превращенные въ самостоятельныя силы,—продукты въ роли распорядителей и покупателей своихъ производителей,—но также общественныя силы и будущая форма этого труда, противостоящія рабочимъ въ качествѣ свойствъ ихъ продуктовъ. Мы имѣемъ здѣсь, слѣдовательно, опредѣленную, на первый взглядъ очень мистическую общественную форму одного изъ факторовъ исторически образовавшагося («сфабрикованнаго») общественного процесса производства» ¹⁾. Марксъ осмѣиваетъ Моммзена за то, что онъ въ своей экономической наивности говоритъ о капиталѣ и капиталистахъ въ древнемъ Римѣ, хотя въ ту эпоху не существовало ни свободныхъ работниковъ, ни системы кредита, т.-е. не было условій для капиталистическаго производства ²⁾.

Что же такое капиталъ? Онъ появился на свѣтъ Божій только въ XVI вѣкѣ;—чѣмъ же были раньше тѣ запасы продуктовъ, тѣ средства и орудія труда, которыя всегда были необходимы для производительной дѣятельности? Рѣшивъ категорически, что капитала нѣтъ и не можетъ быть тамъ, гдѣ нѣтъ капиталистическаго производства, Марксъ однако разсуждаетъ о двухъ формахъ капитала, унаслѣдованныхъ отъ среднихъ вѣковъ и достигшихъ большого развитія еще въ древнемъ мірѣ,—о капиталѣ

¹⁾ Т. I, стр. 123, 133, 155, 554 и 796; т. III, ч. II, стр. 349—350.

²⁾ Т. I, стр. 152, примѣч. (что мнѣніе о вполнѣ развившемся капиталѣ въ древности—«безсмыслица»); т. III, ч. II, стр. 320 и прим. 43; ср. тамъ же, стр. 132—3, противоположное сужденіе о полномъ развитіи старыхъ формъ капитала въ древнемъ Римѣ.

торговомъ и ростовщическомъ. Слѣдовательно, капиталъ вообще, существованіе котораго отрицается въ древности и въ средніе вѣка, оказывается только извѣстною формою капитала;—это капиталъ, которому затѣмъ присвоивается названіе промышленнаго или производительнаго. Однако, если капиталы торговые, купеческіе и заемные, ростовщическіе, какъ говоритъ Марксъ, развиваются и дѣйствуютъ въ самыя различныя экономическія эпохи, хотя въ наше время они несомнѣнно имѣютъ другое значеніе, чѣмъ въ старину,—то почему же промышленный или производительный капиталъ приурочивается всецѣло къ новѣйшей эпохѣ, хотя онъ столь же несомнѣнно существовалъ и дѣйствовалъ, въ тѣхъ или другихъ формахъ, у всѣхъ культурныхъ народовъ, въ самыя различныя періоды всемірной исторіи? Прежніе ростовщическіе капиталы превратились въ банкирскіе и кредитные; торговые капиталы значительно расширили свой кругъ дѣйствія и измѣнили свой характеръ; точно такъ же и промышленные, производительные капиталы дѣйствуютъ теперь совсѣмъ иначе, чѣмъ въ прежнія времена. Значеніе и роль всѣхъ трехъ видовъ капитала одинаково мѣняются исторически; на какомъ же основаніи можно утверждать, что первые два вида принадлежатъ къ числу «допотопныхъ», а третій, самый главный, народился «чуть ли не со вчерашняго дня»? Притомъ однѣ формы капитала постоянно переходятъ въ другія: капиталъ, отдаваемый въ ростъ, или кредитный, есть въ то же время производительный, промышленный, когда онъ употребляется заемщикомъ для производительныхъ цѣлей. Одни и тѣ же матеріалы и орудія производства будутъ, по Марксу, капиталомъ или не-капиталомъ, смотря по тому, принадлежатъ ли они особымъ лицамъ, капиталистамъ, или самимъ производителямъ, рабочимъ. Въ какой-нибудь булочной участвуетъ капиталъ, такъ какъ въ ней средства производства принадлежатъ хозяину, нанимающему рабочихъ, а въ фабричномъ или заводскомъ предпріятіи, дѣйствующемъ съ дорого стоящими машинами, нѣтъ вовсе капитала, если оно перешло въ собственность рабочихъ. Совершенно постороннее обстоятельство — принадлежность капитала тѣмъ или другимъ лицамъ—вліяетъ здѣсь на судьбу самого понятія о капиталѣ, рѣшаетъ вопросъ о существованіи его, вопреки здравому смыслу. Капиталъ, помѣщенный въ какое-нибудь промышленное предпріятіе, не перестанетъ быть

капиталомъ оттого, что перемѣнятся его владѣльцы; необходимы предварительныя и текущія затраты, постоянныя и оборотныя капиталы, машины, сырые матеріалы, запасы средствъ для содержанія работниковъ, — все это остается и играетъ существенную роль въ производствѣ при всякой вообще промышленной организаціи, каково бы ни было распредѣленіе выгодъ между участниками. Наконецъ, политическая экономія имѣетъ дѣло съ общими понятіями и явленіями, а не съ частными и временными; она должна говорить о средствахъ и орудіяхъ производства, т. е. о капиталѣ, независимо отъ вопроса о лицахъ, владѣющихъ ими, — подобно тому, какъ она говоритъ о поземельной рентѣ независимо отъ вопроса о чьихъ-либо правахъ на землю.

Странная мысль о возникновеніи капитала только въ XVI вѣкѣ ясно показываетъ, что Марксъ смѣшиваетъ капиталистическое производство съ новѣйшею крупною промышленностью, а капиталъ—съ промышленнымъ капиталомъ въ современной его формѣ. Замѣняя общее теоретическое понятіе о капиталѣ какимъ-то частнымъ и специальнымъ, обнимающимъ только одну изъ побочныхъ практическихъ сторонъ предмета, авторъ «Капитала» обнаруживаетъ замѣчательное пренебреженіе къ основнымъ задачамъ и требованіямъ всякой вообще теоріи. Научно-экономическое представленіе о капиталѣ совсѣмъ его не интересуетъ, и оно не занимаетъ никакого мѣста въ его обширномъ трактатѣ; онъ изслѣдуетъ капиталъ единственно лишь какъ экономическую силу, враждебную рабочему классу, и потому современный антагонизмъ между трудомъ и капиталомъ входитъ у него въ самое опредѣленіе капитала. Гдѣ нѣтъ этого коренного антагонизма, гдѣ капиталистамъ не противопоставлены эксплуатируемые ими рабочіе, тамъ нѣтъ и капитала,—хотя есть орудія и средства производства, для которыхъ Марксъ не предлагаетъ однако другого названія вмѣсто слова «капиталъ». Имѣя въ виду рабочей вопросъ въ тѣхъ рамкахъ, какія созданы для него новѣйшею крупною промышленностью, Марксъ просто уничтожаетъ общее понятіе о капиталѣ и ставитъ замѣнъ его одну частную особенность — эксплуататорскій, хищный элементъ, связанный съ господствомъ капиталистовъ надъ наемными рабочими при современномъ промышленномъ строѣ. Капиталъ самъ по себѣ, какъ одинъ изъ необходимыхъ факторовъ экономической жизни и дѣятельности, безъ этого

хищническаго элемента,—отбрасывается въ сторону и признается даже вовсе не существующимъ. Приѣмъ поразительный по своей простотѣ и необычайный даже для такой неустановившейся еще науки, какъ политическая экономія! Къ капиталу отнесено то, что свойственно капиталистамъ при извѣстныхъ общественныхъ условіяхъ, благопріятныхъ для хищныхъ инстинктовъ, и вся экономическая роль капитала изображается въ уродливомъ, извращенномъ видѣ.

Но эта точка зрѣнія приводитъ Маркса къ безвыходнымъ логическимъ противорѣчіямъ. Капиталъ — «вампиръ, высасывающій изъ рабочихъ какъ можно больше живого труда»; «изъ всѣхъ поръ капитала сочтется кровь и грязь» ¹⁾. Вытекаетъ ли это ужасное значеніе капитала изъ его природы, или только изъ способъ его употребленія? По мнѣнію Маркса, такова именно природа капитала; но стоитъ только этому сказочному злодѣю-капиталу освободиться отъ безконтрольнаго владычества эксплуатирующихъ его капиталистовъ, какъ тотчасъ же исчезаютъ его губительныя качества; а сблизившись съ рабочими, онъ внезапно перерождается въ невинную и даже благодѣтельную силу,—и слѣдовательно, злодѣйство не принадлежитъ къ числу естественныхъ свойствъ капитала. Капиталистическое производство истощаетъ рабочее населеніе, губитъ женщинъ и дѣтей на фабрикахъ и заводахъ, требуетъ отъ рабочихъ непосильнаго труда и дѣлаетъ ихъ жалкими орудіями чужого обогащенія. Зависитъ ли это отъ самой формы производства, отъ ея сущности, или отъ степени пониманія и нравственнаго уровня капиталистовъ и окружающаго ихъ общества, отъ условій охраны и защиты общественныхъ и народныхъ интересовъ? По Марксу, капиталистическое производство не можетъ дѣйствовать иначе какъ убійственно для рабочихъ,—потому что такова его природа. Но множество фактовъ, излагаемыхъ въ «Капиталѣ», опровергаетъ это положеніе. Жизненные интересы капиталистическаго производства и самихъ капиталистовъ не только не требуютъ подавленія рабочихъ, но, напротивъ, выигрываютъ лишь отъ поднятія ихъ матеріальнаго быта, отъ развитія ихъ нравственныхъ и умственныхъ силъ, отъ улучшенія ихъ видовъ на будущее. Всѣ охранительныя

¹⁾ Т. I, стр. 224, 790 и др.

мѣры въ пользу рабочаго класса, вызывавшія на первыхъ порахъ энергическіе протесты близорукихъ капиталистовъ, имѣли благотворные результаты для общаго хода промышленности и оказались выгодными для ея представителей, какъ видно изъ изложенія самого Маркса.

Несомнѣнно, что капиталисты, предоставленные своимъ собственнымъ влеченіямъ, поощряемые духомъ конкуренціи и жаждою наживы, склонны низводить наемныхъ рабочихъ на степень простыхъ безправныхъ принадлежностей производственнаго механизма, и это вполнѣ убѣдительно доказывается въ «Капиталѣ»; но стремленія и наклонности капиталистовъ не выражаютъ еще дѣйствительныхъ насущныхъ потребностей капитала и капиталистическаго производства. Блестящіе отдѣльные опыты въ разныхъ отрасляхъ промышленности даютъ возможность наглядно провѣрить, существуетъ ли въ самомъ дѣлѣ непремѣнная связь между данными основами производства и системою эксплуатаціи рабочихъ. Марксъ съ сочувствіемъ упоминаетъ о Робертѣ Оуэнѣ и о произведенныхъ имъ реформахъ въ положеніи рабочихъ; онъ говоритъ также о постепенномъ практическомъ успѣхѣ его идей въ англійскомъ обществѣ въ новѣйшее время. Робертъ Оуэнъ прекрасно обставилъ матеріальный и нравственный бытъ рабочихъ на своей фабрикѣ въ Нью-Ланаркѣ, сократилъ ихъ рабочій день, ввелъ правильное обученіе дѣтей одновременно съ производительнымъ трудомъ, облегчилъ своимъ рабочимъ пріобрѣтеніе экономической самостоятельности, — и не только не потерялъ ущерба отъ своей филантропіи, но разбогатѣлъ и сдѣлался милліонеромъ. Еслибы существенное назначеніе капитала заключалось въ высасываніи жизненныхъ соковъ изъ рабочихъ, и еслибы капиталистическое производство было по существу несомвѣстимо съ разумною заботливостью о рабочемъ классѣ и объ его будущности, то дѣйствія Роберта Оуэна были бы безусловно убыточны для него какъ для капиталиста; если же промышленныя дѣла могутъ процвѣтать при полномъ отказѣ отъ эксплуатаціи рабочихъ, то очевидно эксплуатація не составляетъ необходимой функціи капитала въ капиталистическомъ производствѣ.

Фабричное законодательство въ Англіи вырабатывалось и проводилось въ жизнь людьми, раздѣлявшими взгляды Оуэна на обя-

занности капитала и капиталистовъ; эти фабричные законы плохо мѣрятся съ теоріею непримиримаго антагонизма и классовой борьбы,—теоріею, которую Марксъ настойчиво примѣняетъ къ англійскимъ отношеніямъ и условіямъ. Желаніе объяснить появленіе фабричныхъ законовъ при господствѣ капиталистическаго хозяйства заставляетъ автора «Капитала» прибѣгать къ явнымъ натяжкамъ. Принудительная охрана рабочихъ законодательствомъ объясняется имъ двумя противоположными причинами, исключаящими одна другую,—во-первыхъ, сознательнымъ рѣшеніемъ общества или государства спасти будущность націи отъ пагубныхъ послѣдствій капиталистическаго строя (т. I, стр. 231, 268, 306 и др.); во-вторыхъ, упорною и продолжительною борьбою рабочаго класса противъ капиталистовъ и вынужденною вслѣдствіе того уступкою государства въ пользу рабочихъ (стр. 284, 307 и др.). Такъ какъ въ англійскомъ обществѣ и государствѣ господствуютъ тѣ именно классы, которые, по мнѣнію Маркса, непосредственно заинтересованы въ угнетеніи рабочихъ, то выходитъ, что капиталистическое общество выступило съ рѣшительными мѣрами противъ самого себя; съ другой стороны, указаніе на вынужденность фабричныхъ законовъ, добытыхъ будто бы самими рабочими, остается вполне голословнымъ и мало правдоподобнымъ, въ виду признаваемого самимъ Марксомъ безсилія рабочихъ предъ организованнымъ могуществомъ господствующихъ классовъ, имѣющихъ въ своемъ распоряженіи государственную власть. Въ то же время авторъ «Капитала» невольно отдаетъ справедливость энергической защитѣ интересовъ рабочаго класса многими дѣятелями парламента и специальными парламентскими комиссіями, фабричными инспекторами и отчасти также печатью; краснорѣчивые факты подобнаго рода устраняютъ мысль о непримиримомъ антагонизмѣ между представителями труда и капитала, свидѣтельствуя вмѣстѣ съ тѣмъ о полномъ отсутствіи солидарности между значительною частью промышленнаго класса и бездушными эксплуататорами рабочаго населенія. Элементъ суровой классовой борьбы искусственно вносится Марксомъ въ современную экономическую исторію Англій, безъ достаточнаго къ тому основанія; борьба рисуется мрачными красками и предвѣщаетъ будто бы общій насильственный переворотъ, хотя противъ этихъ мрачныхъ изображеній и выводовъ протестуетъ весь ходъ

английского общественного развития, проникнутый духом взаимных уступок и постепенных реформ. Английские передовые экономисты не понимают злобного тона разсуждений Маркса и его единомышленниковъ о предстоящемъ будто бы страшномъ паденіи капиталистическаго общества подъ ударами пролетаріата. «Мы въ Англіи смѣемся надъ всѣмъ этимъ, какъ надъ простымъ бредомъ,—говоритъ извѣстный защитникъ интересовъ рабочаго класса, Арнольдъ Тойнби,—настолько далека мысль о революціи отъ нашего медленнаго хода развитія и прогресса», благодаря союзамъ рабочихъ и своевременному воздѣйствию государства ¹⁾).

Описывая разлагающее вліяніе капиталистическаго производства на мелкіе народные промыслы, Марксъ дѣлаетъ двѣ весьма важныя ошибки, которыя слѣпо повторяются всѣми его послѣдователями. Вытѣсненіе мелкой промышленности крупною зависитъ не отъ торжества такъ-называемаго «капитализма», а отъ усовершенствованій техники, одинаково неизбѣжныхъ и при артельной организаціи крупныхъ предпріятій. Еслибы Аркрайтъ и Уаттъ примѣнили свои изобрѣтенія при помощи рабочихъ ассоціацій, безъ участія капиталистовъ, то производство не было бы капиталистическимъ въ смыслѣ Маркса, и однако результаты были бы не менѣе разрушительны для домашнихъ и мелкихъ промысловъ. Въ этомъ случаѣ опять-таки обнаруживается неправильность смѣшенія крупной промышленности съ хозяйственною системою, основанною на отдѣленіи работниковъ отъ средствъ и орудій производства. Затѣмъ, вытѣсненіе народнаго промысла касается только извѣстныхъ отраслей предпріимчивости и вовсе не имѣетъ и не можетъ имѣть общаго значенія для промышленнаго строя данной страны; многія значительныя предпріятія по самому своему характеру должны быть устроены на началахъ крупной промышленности и всегда сохраняли и сохраняютъ этотъ типъ, какъ, напр., заводы желѣзодѣлательные, сталелитейные, машиностроительные, кораблестроительные, оружейные и т. п., относительно которыхъ не можетъ быть и рѣчи о народной или домашней организаціи производства. Эти отрасли крупной промышленности не подвергались и не подвергаются тѣмъ метаморфозамъ, ко-

¹⁾ Arnold Toynbee, Lectures on the industrial Revolution in England. стр. 213.

тория связываются съ представленіемъ о мнимой побѣдѣ «капитализма» надъ старыми формами производства. Марксъ не останавливается на этихъ обязательно - крупныхъ формахъ промышленной дѣятельности; онъ вообще не анализируетъ разнохарактерныхъ типическихъ явленій въ этой области, а нагромождаетъ непомѣрную массу мелкихъ фактовъ и подробностей, долженствующихъ освѣтить со всѣхъ сторонъ выставленныя положенія, понятія и термины. Смѣшавъ безъ разбора существенно различныя отдѣлы крупной промышленности, подъ именемъ новой и принципиально враждебной рабочимъ капиталистической системы производства, Марксъ положилъ начало невѣроятной путаницѣ экономическихъ понятій въ умахъ многихъ искреннихъ друзей рабочаго класса.

Что касается особаго капиталистическаго «закона народонаселенія», то онъ относится лишь къ распредѣленію различныхъ группъ рабочаго класса и никакъ не можетъ считаться общимъ «закономъ народонаселенія», обнимая только сравнительно небольшую часть массы народа. По цифрамъ 1861 года, приводимымъ въ «Капиталѣ» (т. I, стр. 468), считалось въ Англіи немногимъ болѣе полутора милліона наемныхъ рабочихъ въ разныхъ отрасляхъ промышленности, кромѣ земледѣльской; если предположить еще полъ-милліона незанятыхъ рабочихъ, то въ предѣлахъ этого числа людей только десятки и сотни тысячъ могутъ чувствовать на себѣ вліяніе обычныхъ періодическихъ смѣнъ прилива и отлива въ сферѣ промышленности. Отъ такой ограниченной формулы, опредѣляющей внутреннее движеніе въ составѣ рабочаго класса, далеко еще до «закона народонаселенія» въ общепринятомъ смыслѣ этого слова.

Развитіе крупной промышленности вызываетъ спросъ на тѣ рабочія силы, которыя не находятъ примѣненія въ земледѣліи; естественное размноженіе сельскаго населенія при недостаткѣ новыхъ земель заставляетъ часть поселянъ уходить въ города и искать занятій въ области ремесленнаго и промышленнаго производства. Крестьянство, даже вполне обеспеченное землею, неизбѣжно выдѣляетъ изъ себя извѣстный процентъ безземельныхъ или избыточныхъ въ хозяйствѣ рабочихъ силъ. Этотъ правильно возрастающій излишекъ сельскаго населенія болѣе чѣмъ достаточенъ для созданія и постоянного пополненія класса наемныхъ

рабочихъ, безъ котораго не могла бы развиваться крупная промышленность. Мысль, что для этого требовалось обезземеленіе цѣлой крестьянской массы, принадлежитъ къ числу тѣхъ предположеній, которыя при ближайшемъ анализѣ сами себя опровергають. Сгонять съ земли миллионы крестьянъ только для того, чтобы имѣть нѣсколько десятковъ тысячъ свободныхъ работниковъ, которыхъ и безъ того всегда можно было найти въ городахъ и селахъ, было бы тѣмъ болѣе нелѣпо, что это значило бы въ то же время уничтожать или сокращать до невозможности внутренній рынокъ для сбыта промышленныхъ произведеній, а потребители столь же нужны для промышленности, какъ и рабочіе. Въ западной Европѣ, какъ, напр., въ Германіи, уже со второй половины XIV вѣка существовалъ особый рабочій классъ, который непрерывно пополнялся пришлыми элементами изъ земельчскихъ округовъ страны; рабочіе организовались въ самостоятельные союзы и товарищества, по образцу цеховъ, для защиты своихъ интересовъ отъ произвола хозяевъ ¹⁾. Тогда, какъ и позднѣе, не чувствовалось недостатка въ свободныхъ рабочихъ силахъ; тогда было также сильно развито чувство солидарности между рабочими, что помогало имъ успѣшно защищать свои права противъ мастеровъ, и слѣдовательно, организація рабочаго класса развивалась задолго до возникновенія крупной промышленности. Если впоследствии промышленные капиталисты старались обойти старыя правила объ отношеніяхъ къ рабочимъ, то только потому, что эти правила были приноровлены къ условіямъ мелкаго ремесленного производства и противорѣчили новымъ требованіямъ мануфактурной или фабричной работы (напр., правило о семилѣтнемъ срокѣ предварительнаго ученія для того, чтобы быть рабочимъ или подмастерьемъ, по англійскому закону XVI вѣка); устарѣлое и стѣснительное законодательство могло быть измѣнено или отмѣнено безъ ушерба для рабочихъ, и крупная промышленность достигла бы несомнѣнно болѣе прочнаго процвѣтанія при охранѣ интересовъ рабочаго населенія,

¹⁾ «Предшественникомъ современнаго промышленнаго рабочаго былъ не самостоятельный производитель или ремесленникъ, какъ думаетъ Марксъ, а подмастерье ремесленного производства, батракъ средневѣковаго цеха, и еще далѣе—крѣпостной помѣщичьяго двора». Проф. Луйо Брентано, брошюра (цит. выше), стр. 10; р. перев. (Одесса, 1896), стр. 13.

чѣмъ безъ этой охраны. Опыты Роберта Оуэна, совпавшіе по времени съ уничтоженіемъ всѣхъ стѣсненій для хозяевъ и съ оставленіемъ рабочихъ безъ всякой законодательной защиты, доказали неопровержимо, что беззащитность рабочихъ вовсе не нужна была для успѣшнаго хода промышленныхъ предприятий. Позднѣе, съ введеніемъ фабричныхъ законовъ, это отсутствие необходимой внутренней связи между успѣхами крупной промышленности и бездушною эксплуатаціей рабочихъ выяснилось съ полною убѣдительною.

Рабочіе союзы, получившіе право законнаго существованія съ 1824 года, отчасти обезпечили англійскимъ рабочимъ фактическую равноправность съ капиталистами, добились повышенія заработной платы и значительно подняли общій уровень матеріальнаго и нравственнаго быта рабочаго класса; при этомъ «капиталистическое производство» шло впередъ гигантскими шагами. Мѣстные рабочіе союзы постепенно объединяются съ начала пятидесятыхъ годовъ; они располагаютъ огромными денежными средствами: такъ, общество машиностроительныхъ рабочихъ имѣло до недавняго времени резервный фондъ въ размѣрѣ свыше трехсотъ тысячъ фунтовъ стерлинговъ. Стачки, къ которымъ прежде прибѣгали рабочіе по частнымъ и мѣстнымъ поводамъ, предпринимаются теперь съ сознательными и опредѣленными общими цѣлями, для достиженія лучшихъ условій существованія; отдѣльные же случайные конфликты обыкновенно улаживаются путемъ мирныхъ переговоровъ и соглашеній, при участіи посредническихъ камеръ, устроенныхъ по проекту фабриканта Мунделлы (позднѣе министра въ кабинетѣ Гладстона). Тамъ, гдѣ дѣйствуютъ эти посредническія камеры или третейскіе суды, мѣстныхъ стачекъ почти не бываетъ больше. Марксъ почти совершенно замалчиваетъ дѣятельность рабочихъ и достигнутые ими благотворные результаты; онъ едва упоминаетъ также объ усиліяхъ многихъ фабрикантовъ и просвѣщенныхъ филантроповъ уллучить положеніе рабочихъ и ихъ семействъ, при помощи надлежащихъ законодательныхъ мѣръ ¹⁾. Это умолчаніе объ исторіи рабочихъ союзовъ

¹⁾ О современныхъ отношеніяхъ между трудомъ и капиталомъ, особенно въ Англии, см. въ книгѣ проф. Brentano: *Das Arbeitsverhältniss gemäss dem heutigen Recht*, Lpz., 1877, гдѣ вкратцѣ ризюмируется содержаніе двухтомнаго изслѣдованія о «рабочихъ гильдіяхъ современности» (*Die Arbeitergilden der*

и их буржуазных союзников понадобилось Марксу для неуклонного проведения той идеи, что рабочие осуждены на безчеловѣчную эксплуатацію со стороны капитала при господствѣ капиталистической формы промышленности, и что для разрѣше-

Gegenwart, Bd. I—II, 1872). Опираясь на многочисленные факты изъ истории англійскаго законодательства относительно рабочихъ и на блестящіе успѣхи англійскихъ рабочихъ союзовъ, авторъ дѣлаетъ общій выводъ о постепенномъ и прочномъ разрѣшеніи рабочаго вопроса безъ всякихъ коренныхъ социальныхъ реформъ, при помощи двухъ факторовъ — законодательнаго вмѣшательства и свободнаго развитія рабочихъ организацій. Этотъ осторожный двойственный путь долженъ привести къ желанной пристани «соціального мира», какъ доказываетъ и послѣдователь Брентано, Шульце-Гевернитцъ, въ обширномъ трактатѣ объ англійскихъ общественныхъ и рабочихъ движеніяхъ XIX вѣка (Gerhart von Schulze-Gaevernitz, Zum socialen Frieden, Bd. I—II, Lpz., 1890). Но Брентано ошибочно обобщаетъ явленія и условія, существуя англійской социальнo-политической жизни; онъ упускаетъ также изъ виду, что рабочіе союзы обнимаютъ лишь высшій привилегированный классъ трудящихся и что процвѣтаніе ихъ нисколько не отражается на судьбѣ огромной массы простыхъ работниковъ, городскихъ и сельскихъ, образующихъ пролетаріатъ въ истинно-печальномъ значеніи этого слова. Наконецъ, усматривая достиженіе социальнаго мира въ области отношеній между наемнымъ трудомъ и капиталомъ, школа Брентано не затрогиваетъ предмета первостепенной важности для страны и народа — поземельнаго строя, сохранившаго въ нѣкоторыхъ государствахъ и особенно въ Англии свои средневѣковыя черты и аномалии. Одна сторона социальной проблемы заслоняетъ такимъ образомъ другую, болѣе существенную, несравненно глубже проникающую въ самыя основы народно-хозяйственной жизни; часть принимается за цѣлое, и эта ошибка дѣлаетъ всѣ получаемые выводы какими-то половинчатыми и поверхностными (ср. мою статью: «Соціальный вопросъ и ученые юристы», В. Европы, 1894, янв.).—Изъ сочиненій о рабочемъ вопросѣ, существующихъ на русскомъ языкѣ, въ переводахъ, можно указать на слѣдующія: Торнтонъ, Трудъ, его ложныя требованія и законныя права, Спб., 1871; Ланге, Рабочій вопросъ, его значеніе въ настоящемъ и будущемъ, съ предисл. Р. И. Сементковскаго, Спб., 1895; Густавъ Шенбергъ, Положеніе труда въ промышленности, перев. подъ ред. проф. А. И. Чупрова, М., 1896; Эрнестъ Магаймъ, Профессіональные рабочіе союзы, пер. Н. Водовозова, Спб., 1895; Сидней Веббъ и Харольдъ Коксъ, 8-ми часовой рабочій день. Пер. Д. Муратова, М., 1893; Шульце-Гевернитцъ, Крупное производство и пр. Перев. подъ ред. и съ предисл. П. Струве, Спб., 1897; Исторія труда (статьи изъ Handwörterbuch der Staatswissenschaften), пер. подъ ред. С. Булгакова. Изд. М. Водовозовой. Спб., 1897.—Укажемъ также на очерки проф. Ник. Карышева: Трудъ, его роль и условія приложенія въ производствѣ. Спб., 1897, стр. 600 (много данныхъ относительно русскихъ хозяйственныхъ условій).

նիա жестокихъ социальныхъ антагонизмовъ не существуетъ другого способа, кромѣ упраздненія самого капитализма. Такъ какъ факты явно противорѣчатъ этимъ положеніямъ, то Марксъ устраняетъ факты и не даетъ имъ мѣста въ специальномъ трактатѣ о капиталѣ. Программа Маркса требуетъ, чтобы съ одной стороны жестокое обезземеленіе крестьянства вызвано было потребностями «капиталистическаго производства», а съ другой — чтобы безпощадное истощеніе рабочихъ силъ составляло существенную, неустранимую принадлежность этой формы производства. Все, что несогласно съ этими идеями, оставляется просто въ сторонѣ или истолковывается въ обратномъ смыслѣ, по особому научному методу, усвоенному и усовершенствованному Марксомъ.

IX.

Необходимые для самихъ рабочихъ «экспроприаторы». — Трудъ управленія и надзора въ промышленныхъ предпріятіяхъ. — Управляющіе, какъ производительные и въ то же время непроизводительные работники. — Акціонерная и кооперативная формы предпріятій. — Обобществленіе труда и средствъ производства.

Картина постепеннаго развитія крупной промышленности, представленная въ «Капиталѣ», выдвигаетъ на первый планъ умственные и техническія силы, находящіяся въ распоряженіи капиталистовъ, и весьма рельефно обрисовываетъ руководящую роль предпринимателей и служащей имъ «науки» въ новѣйшихъ успѣхахъ экономической жизни. Простому мускульному труду отводится при этомъ крайне незначительное, все болѣе уменьшающееся мѣсто: наемные рабочіе являются скорѣе пассивными жертвами, чѣмъ двигателями промышленнаго роста. Въ капиталистическомъ производствѣ, по описаніямъ Маркса, господствуетъ сложная умственная работа, требующая техническихъ и коммерческихъ знаній, большого практическаго искусства, находчивости и изобрѣтательности, тогда какъ значеніе простой рабочей силы неизбежно понижается вмѣстѣ съ сокращеніемъ и упрощеніемъ функций мускульнаго труда въ крупной промышленности. Описательная часть книги Маркса, такимъ образомъ, идетъ совер-

шенно въ разрѣзъ съ его экономической теоріею, по которой простой наемный трудъ предполагается единственнымъ творцомъ всѣхъ производимыхъ цѣнностей при капиталистическомъ способѣ производства.

Положеніе представителей высшихъ и сложныхъ формъ труда остается неяснымъ: съ одной стороны, отъ нихъ зависитъ весь успѣхъ промышленныхъ предпріятій, а съ другой — они существуютъ будто бы исключительно на счетъ прибавочной цѣнности, создаваемой простыми рабочими, и слѣдовательно, не могутъ обойтись безъ эксплуатаціи ихъ, наравнѣ съ капиталистами. Оттого и заключительный практической выводъ, что «экспроприаторы должны быть экспропрированы», оказывается фальшивымъ, такъ какъ, по объясненіямъ самого Маркса, никогда не будетъ устранена необходимость содержать многочисленные разряды лицъ, прямо или косвенно участвующихъ въ производствѣ и сбытѣ товаровъ, въ качествѣ завѣдующихъ фабриками и заводами, ученыхъ техниковъ и специалистовъ, бухгалтеровъ, кассировъ, конторщиковъ, надзирателей, всевозможныхъ дѣятелей по перемѣщенію и продажѣ произведенныхъ издѣлій и продуктовъ ¹⁾. Существуютъ, слѣдовательно, необходимые «экспроприаторы», безъ которыхъ не можетъ обойтись самъ рабочій классъ, если только раздѣлять ту (отрицаемую Марксомъ въ принципѣ, но на дѣлѣ исключительно имъ признаваемую) точку зрѣнія, что все обширное зданіе промышленности держится на узкомъ фундаментѣ простого мускульнаго труда, и что эксплуатаціей послѣдняго кормится и обогащается все промышленное общество.

Съ распространеніемъ системы общественнаго и банковаго кредита капиталы дѣлаются все болѣе доступными предпримчивымъ людямъ, промышленнымъ техникамъ, инициаторамъ и изобрѣтателямъ: дѣловитые специалисты всегда находятъ деньги къ

¹⁾ Марксъ говоритъ весьма сбивчиво объ этихъ необходимыхъ, но все-таки «непроизводительныхъ» работникахъ промышленности, которые въ свою очередь пользуются трудомъ наемныхъ рабочихъ силъ и недостаточно оплачиваютъ его изъ безконечнаго, какъ видно, запаса прибавочной цѣнности, создаваемой небольшимъ сравнительно числомъ непосредственно производительныхъ рабочихъ; см. т. II, стр. 108—114, 126 и др.; т. III, ч. I, стр. 276—78 (гдѣ аргументація окончательна запутывается и признается незаконченною), 366—375 и др.

своимъ услугамъ, и функція промышленныхъ хозяевъ отдѣляется отъ функціи денежныхъ капиталистовъ. Марксъ останавливается только на одной формѣ раздѣленія обѣихъ функцій, — когда трудъ управленія и надзора отпадаетъ отъ капиталиста и возлагается на особыхъ управляющихъ за извѣстную плату. Вознагражденіе этихъ управляющихъ, — говоритъ онъ, — есть не что иное какъ заработная плата за болѣе искусный трудъ, и эти управляющіе, а не капиталисты, составляютъ «душу современной промышленности». Само капиталистическое производство «привело къ тому, что трудъ управленія, вполнѣ отдѣленный отъ собственности на капиталъ, бѣгаетъ по улицѣ ¹⁾); поэтому нѣтъ уже надобности въ исполненіи этой работы самимъ капиталистомъ». Капельмейстеръ не долженъ быть непремѣнно собственникомъ инструментовъ своего оркестра; въ обязанности его, какъ распорядителя, не входитъ также забота о вознагражденіи музыкантовъ за ихъ трудъ. Кооперативныя фабрики доказываютъ, что капиталистъ, какъ дѣятель въ производствѣ, сдѣлался уже излишнимъ. Насколько трудъ капиталиста вытекаетъ изъ общественной формы труда, изъ комбинаціи и коопераціи многихъ для достиженія совмѣстнаго результата, онъ является вполнѣ независимымъ отъ капитала. «По отношенію къ денежному капиталисту промышленный хозяинъ есть работникъ, но работникъ въ качествѣ капиталиста, т. е. эксплуататора чужого труда. Плата, которую онъ требуетъ и получаетъ за эту работу, въ точности равняется присвоенному количеству чужого труда и непосредственно зависитъ отъ степени эксплуатации этого труда, а не отъ степени напряженія, какого стоитъ ему эта эксплуатация и которое онъ можетъ свалить на управляющаго за умѣренное вознагражденіе. Плата за управленіе совершенно отдѣлена отъ предпринимательской прибыли въ кооперативныхъ фабрикахъ рабочихъ и въ капиталистическихъ акціо-

¹⁾ Въ русскомъ переводѣ III-го тома (Спб., 1896) это мѣсто передано такъ: «само капиталистическое производство привело къ тому, что трудъ веденія предпріятія... *заключается въ томъ, чтобы объѣзжать улицы*» (стр. 314). Такихъ курьезовъ встрѣчается не мало въ этомъ переводѣ. На стр. 317 говорится напр. объ «отчуждаемости капиталистическихъ отношеній», когда рѣчь идетъ вовсе не объ отчуждаемости, а внѣшнемъ проявленіи: переводчикъ смѣшалъ слово «Veräusserlichung» (проявленіе во внѣ, обнаруженіе) съ «Veräusserung» (отчужденіе).

нерныхъ предпріятіяхъ. При кооперативномъ производствѣ трудъ надзора теряетъ характеръ антагонизма по отношенію къ рабочимъ, такъ какъ управляющій получаетъ плату отъ самихъ рабочихъ вмѣсто того, чтобы представлять собою противъ нихъ интересъ капитала. Акціонерныя предпріятія имѣютъ вообще тенденцію все болѣе отдѣлять трудъ управленія, какъ функцію, отъ обладанія капиталомъ, собственнымъ ли или заемнымъ. Въ то время какъ съ одной стороны собственнику капитала, денежному капиталисту, противостоитъ дѣйствующій промышленный капиталистъ, а съ развитіемъ кредита денежный капиталъ пріобрѣтаетъ характеръ общественнаго капитала, сосредоточивается въ банкахъ и раздается въ ссуду ими, а не непосредственными владѣльцами; въ то время какъ съ другой стороны простой управляющій, не владѣющій капиталомъ, ни своимъ, ни заемнымъ, исполняетъ всѣ реальныя функціи, лежащія собственно на дѣйствующемъ капиталистѣ,—на сценѣ остается только промышленный дѣятель, а капиталистъ, какъ излишнее лицо, исчезаетъ изъ производственнаго процесса. Изъ публичныхъ отчетовъ кооперативныхъ фабрикъ въ Англіи видно, что—за вычетомъ платы управляющаго, образующей часть израсходованнаго переменнаго капитала, точно такъ же какъ плата остальныхъ рабочихъ,—прибыль была выше средней, хотя мѣстами эти фабрики платили болѣе большой процентъ, чѣмъ частныя фабриканты. Причиной болѣе высокой прибыли была во всѣхъ этихъ случаяхъ большая экономія въ употребленіи постояннаго капитала. Средняя прибыль фактически и наглядно выступаетъ здѣсь какъ величина совершенно независимая отъ платы за управленіе. Такъ какъ прибыль была здѣсь выше средней, то и предпринимательскій доходъ былъ больше обыкновеннаго... Съ развитіемъ коопераціи на сторонѣ рабочихъ и акціонерныхъ предпріятій на сторонѣ буржуазіи, устраняется послѣдній предлогъ для смѣшенія предпринимательской прибыли съ платою за управленіе, и прибыль является на практикѣ тѣмъ, чѣмъ она была несомнѣнно въ теоріи, — простою прибавочною цѣнностью,—цѣнностью, за которую не уплачено никакого эквивалента, реализованною неоплаченною работою; — такъ что дѣйствующій промышленный капиталистъ въ самомъ дѣлѣ эксплуатируетъ трудъ, и плоды его эксплуатаціи, если онъ работаетъ съ

занятымъ капиталомъ, дѣлятся на процентъ и предпринимательскую прибыль» ¹⁾).

Итакъ, трудъ управленія и надзора въ промышленныхъ предпріятіяхъ, — который въ одномъ мѣстѣ прямо названъ «производительнымъ», т.-е. создающимъ цѣнность ²⁾, — оплачивается на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и всякая другая работа, и не имѣетъ ничего общаго ни съ прибылью предпринимателя, ни съ процентомъ на капиталъ, каково бы ни было промышленное устройство — капиталистическое или кооперативное; вмѣстѣ съ тѣмъ этотъ же трудъ заключается для капиталиста или для его управляющаго въ эксплуатаціи чужого труда, и плата за него въ точности соотвѣтствуетъ степени этой эксплуатаціи, — слѣдовательно совпадаетъ съ прибылью или составляетъ ея часть и не имѣетъ ничего общаго съ обыкновенною заработной платою. Одинъ и тотъ же трудъ управленія и надзора относится такимъ образомъ одновременно и къ производительной работѣ, равной всякому другому труду, и къ работѣ непроизводительной, оплачиваемой всецѣло на счетъ прибавочнаго труда простыхъ рабочихъ, — и это въ однихъ и тѣхъ же капиталистическихъ предпріятіяхъ. Которое изъ этихъ двухъ прямо противоположныхъ мнѣній, высказанныхъ рядомъ съ одинаковою категоричностью, выражаетъ дѣйствительный взглядъ Маркса или болѣе гармонируетъ съ общимъ характеромъ его доктрины? Несомнѣнно, что второе, связывающее трудъ управленія и надзора съ эксплуатаціею чужой работы и предполагающее самостоятельную производительность труда однихъ только простыхъ рабочихъ, — такъ какъ высшія формы труда вообще игнорируются во всѣхъ разсужденіяхъ автора «Капитала» о наемныхъ рабочихъ и производимой ими прибавочной цѣнности. Трудъ управленія и надзора, какъ признаетъ и Марксъ, по существу вполнѣ однороденъ въ капиталистическихъ и кооперативныхъ предпріятіяхъ, насколько онъ вытекаетъ изъ сложной организаціи производства; противорѣчащее же этому замѣчаніе о томъ, что трудъ капиталиста сводится къ заботамъ объ эксплуатаціи рабочихъ, основано на очевидномъ недоразумѣніи, ибо дурное, хищническое отношеніе къ рабочимъ, выражающееся въ низкой

¹⁾ Т. III, ч. I, стр. 373—6.

²⁾ Тамъ же, стр. 369 (въ концѣ).

заработной платѣ, въ непомѣрной продолжительности рабочаго дня, въ несоблюденіи извѣстныхъ санитарныхъ условій и т. д., требуетъ отъ хозяина скорѣе пассивности и бездѣйствія въ принятомъ разѣ режимѣ, чѣмъ особаго труда и напряженія.

Какъ бы то ни было, признавать ли трудъ управленія производителемъ или эксплуататорскимъ, онъ во всякомъ случаѣ необходимъ, и представители его, будучи даже по своему положенію «экспроприаторами», не могутъ быть экспропрированы не только въ капиталистическихъ, но и въ кооперативныхъ предпріятіяхъ. Экспроприровать оставалось бы однихъ денежныхъ капиталистовъ, получающихъ свою долю въ дѣлѣ «прибавочной цѣнности» въ видѣ процента съ капитала; сдѣлать это тѣмъ легче, по мнѣнію Маркса, что капиталы постепенно сосредоточиваются въ немногихъ рукахъ и что акціонерная форма предпріятій подготавливаетъ уже переходъ отъ частной капиталной собственности къ общественной. Но процентъ съ капитала составляетъ только часть (и обыкновенно небольшую часть) чистаго дохода или прибыли, и главная масса этой прибыли по-прежнему добывалась бы съ рабочихъ послѣ устраненія платежей въ пользу капиталистовъ. Кооперативныя фабрики, какъ говоритъ Марксъ, приносятъ даже большую прибыль, чѣмъ частныя, хотя онѣ выплачиваютъ болѣе высокій процентъ по займамъ ¹⁾. Откуда же берется эта прибыль при самостоятельной кооперации рабочихъ, когда трудъ вознаграждается уже вполне, по справедливой оцѣнкѣ его производительности, безъ всякихъ вычетовъ въ пользу вампира-капитала? Зачѣмъ сами рабочіе высасываютъ изъ себя и изъ своихъ товарищей ничѣмъ не оплаченную «прибавочную цѣнность», если извлеченіе послѣдней изъ наемнаго труда составляетъ исключительную функцію капиталистовъ? Притомъ прибыль здѣсь больше обыкновенной, а такъ какъ размѣръ прибыли «въ точности соотвѣтствуетъ степени эксплуатаціи труда», то рабочіе

¹⁾ Замѣтимъ кстати, что разсужденія Маркса о кооперации рабочихъ, какъ о переходной формѣ отъ капиталистическаго производства къ обществу, ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть примѣняемы (съ точки зрѣнія автора «Капитала») къ нашимъ артелямъ, выросшимъ на почвѣ первобытныхъ хозяйственныхъ условій,—какъ это дѣлается иногда, по недоразумѣнію, въ нашей литературѣ (напр., въ статьѣ г. М. Ратнера, «Р. Богатство», 1897, № 7, стр. 228—9).

въ кооперативныхъ предпріятіяхъ эксплуатируютъ самихъ себя въ болѣе сильной мѣрѣ, чѣмъ эксплуатируютъ ихъ капиталисты. Замѣтимъ еще, что, во-первыхъ, прибыль считается здѣсь «за вычетомъ платы управляющаго», отнесенной всецѣло къ фонду расходовъ на трудъ, и во-вторыхъ, даже процентъ съ капитала предполагается чѣмъ-то независимымъ отъ прибыли («прибыль выше средней, *хотя* процентъ уплачивается болѣе высокій», т.-е. прибыль принимается за доходъ, остающийся за вычетомъ процента на капиталъ). Допуская въ послѣднихъ словахъ обмолвку, нельзя все-таки не видѣть, что приведенныя замѣчанія Маркса уничтожаютъ всякое принципиальное различіе между кооперативными и капиталистическими предпріятіями; и тѣ и другія имѣютъ «переменный капиталъ» для распредѣленія заработной платы между рабочими и въ томъ числѣ для вознагражденія управляющихъ; и тѣ, и другія даютъ «прибавочную цѣнность», т.-е. излишекъ дохода сверхъ вознагражденія за трудъ и покрытія издержекъ производства; и тѣ и другія платятъ проценты за занятые капиталы. Разница тутъ не въ организациі производства, не во внутреннемъ его строѣ и порядкѣ, не въ характерѣ работы, а только въ способѣ распредѣленія произведенной прибыли, т.-е. въ томъ, что происходитъ уже внѣ производственнаго процесса. Прибыль или, вѣрнѣе, часть прибыли, за вычетомъ вознагражденія необходимыхъ участниковъ производства, обращенія и сбыта товаровъ, поступаетъ въ этомъ случаѣ не въ кассы капиталистовъ или акціонеровъ, а въ фондъ для улучшенія и обезпеченія быта самихъ рабочихъ¹⁾. Разница эта имѣетъ важное значеніе, но она касается не организациі производства, а способа распредѣленія нѣкоторой части чистаго дохода. Прибыль выше въ кооперативныхъ предпріятіяхъ, какъ говоритъ Марксъ,—вслѣдствіе «большей экономіи въ примѣненіи постояннаго капитала», а не

¹⁾ Ср. т. I, стр. 549—50: «Устраненіе капиталистическаго производства позволяетъ ограничить рабочій день необходимымъ трудомъ (т.-е. безъ прибавочнаго, создающаго прибыль). Однако послѣдній, при одинаковыхъ прочихъ условіяхъ, расширилъ бы свой объемъ,—съ одной стороны потому, что условія жизни работника были бы богаче и потребности его выше, а съ другой—часть нынѣшняго прибавочнаго труда отнесена была бы къ необходимой работѣ, именно та, которая нужна для образованія общественнаго фонда запаса и накопленія».

вслѣдствіе какихъ-нибудь внутреннихъ преимуществъ, связанныхъ съ устраненіемъ капиталиста.

Вѣрный сотрудникъ Маркса, Фридрихъ Энгельсъ, довершаетъ это приравненіе кооперативныхъ предпріятій къ капиталистическимъ, сообщая любопытный фактъ, относящійся къ концу шестидесятыхъ годовъ: одинъ обанкрутившійся фабрикантъ сдѣлался наемнымъ работникомъ у своихъ собственныхъ бывшихъ рабочихъ, такъ какъ рабочее товарищество, взявшее на себя дальнѣйшее веденіе дѣлъ фабрики, оставило прежняго владѣльца управляющимъ ¹⁾. Энгельсъ не говоритъ, что этотъ фабрикантъ былъ какой-то особенный, исключительный; это могъ быть самый обыкновенный дѣловой человекъ, запутавшійся вслѣдствіе случайныхъ обстоятельствъ, подъ вліяніемъ промышленнаго кризиса. Прежній «дѣйствующій капиталистъ» былъ, очевидно, хорошимъ управляющимъ, и, сдѣлавшись уполномоченнымъ своихъ рабочихъ, онъ продолжалъ нести на себѣ тотъ же трудъ управленія, какой лежалъ на немъ раньше; онъ сталъ получать только меньшую долю дохода, въ видѣ опредѣленной платы. Переходъ капиталистическаго предпріятія въ кооперативное совершился здѣсь безъ всякой перемѣны въ устройствѣ и общемъ ходѣ дѣла и въ личномъ составѣ его участниковъ; это было бы, разумѣется, невозможно, еслибы существовалъ непримиримый принципиальный антагонизмъ между обѣими промышленными формами и между представляемыми ими интересами капитала и труда. Марксъ указываетъ на упадокъ рыночной цѣнности работы управляющихъ, вслѣдствіе образованія значительнаго класса промышленныхъ спеціалистовъ и искусныхъ рабочихъ; поэтому наемные управляющіе довольствуются несравненно меньшимъ вознагражденіемъ, чѣмъ капиталисты, сами завѣдующіе своими дѣлами, и слѣдовательно, низведеніе дохода хозяевъ на степень простой платы за трудъ было бы для нихъ крайне невыгодно. Но рыночная цѣна труда не есть справедливая цѣна, соответствующая реальной его цѣнности, и въ этомъ отношеніи эксплуатація высшихъ формъ работы ничѣмъ не отличается отъ всякой другой эксплуатаціи. Трудъ организаціи и веденія промышленнаго дѣла долженъ оцѣниваться на тѣхъ же началахъ, какъ и трудъ простыхъ наемныхъ рабочихъ,—

¹⁾ Т. III, ч. I, стр. 374, прим. 76.

по степени своего участія въ общихъ результатахъ производства; съ этой точки зрѣнія дешевизна соперничающихъ между собою на рынкѣ (или «бѣгающихъ по улицѣ», какъ выражается Марксъ) умственныхъ работниковъ не можетъ служить доказательствомъ того, что высшія формы производительнаго труда цѣнились бы такъ же дешево при разумномъ примѣненіи кооперативныхъ принциповъ. Если ненормально положеніе простыхъ рабочихъ, нанимаемыхъ капиталистами, то столь же несправедливо подчинять умственныхъ работниковъ представителямъ простого мускульнаго труда, въ качествѣ ихъ наемниковъ.

Промышленные специалисты не имѣютъ, однако, надобности непремѣнно оставаться въ роли наемныхъ работниковъ, при современной доступности и легкости кредита; сплошь и рядомъ бываетъ наоборотъ, что свободные капиталы ищутъ помѣщенія и охотно отдаются въ распоряженіе предприимчивыхъ людей, которые становятся такимъ образомъ самостоятельными хозяевами, не будучи собственно капиталистами. Капиталь давно пересталъ быть враждебною силою для представителей высшихъ формъ труда; напротивъ, онъ поддерживаетъ съ ними тѣсный союзъ, и раздѣляющая ихъ граница нерѣдко совершенно стирается на практикѣ. Кредитъ доступенъ и рабочимъ кооперативнымъ товариществамъ, иногда даже на болѣе льготныхъ условіяхъ, чѣмъ отдѣльнымъ предпринимателямъ; рабочія артели имѣютъ возможность пользоваться чужими капиталами и орудіями производства, уплачивая за нихъ умѣренные проценты, и принудительно «экспроприровать» кого бы то ни было имъ нѣтъ никакого основанія.

Слово «обобществленіе» играетъ большую роль въ разсужденіяхъ и выводахъ Маркса. Совмѣстный трудъ многихъ наемныхъ рабочихъ есть общественный трудъ, и совмѣстное пользованіе орудіями и средствами производства есть обобществленіе ихъ; капиталы, собирающіеся въ банкахъ, суть общественные капиталы, и собственность акціонерныхъ обществъ есть общественная собственность. Отсюда дѣлается заключеніе, что частныя права капиталистовъ фактически упраздняются общественною организаціею производства, общественною системою кредита и акціонерною, т.-е. общественною формою промышленныхъ предпріятій. Произвольная игра словъ бросается тутъ въ глаза. Понятіе общества, въ смыслѣ соединенія опредѣленныхъ лицъ, подмѣнивается

здѣсь понятіємъ общества, какъ совокупности гражданъ, какъ чего-то высшаго по отношенію къ частнымъ интересамъ и правамъ. Рабочіе, случайно собранные на одной фабрикѣ по выбору ея хозяина и подъ его команду, не составляютъ общества, хотя могутъ имѣть общественную организацію для совмѣстной охраны своихъ индивидуальныхъ правъ и интересовъ. Участіе многихъ наемныхъ рабочихъ въ совмѣстномъ трудѣ надъ чужимъ матеріаломъ и съ чужими орудіями производства не дѣлаеть этихъ средствъ и орудій общественными, не обобществляетъ ихъ, не отнимаетъ у нихъ характера продуктовъ чужого труда и предметовъ чужой собственности. Мелкіе и крупныя капиталы, сосредоточивающіеся въ общественныхъ банкахъ, не перестаютъ быть частными капиталами, имѣющими своихъ точно опредѣленныхъ владѣльцевъ: капиталисты, учреждающіе акціонерную компанію или приобретающіе ея акціи, остаются собственниками предпріятія въ точно опредѣленныхъ доляхъ, соотвѣтственно своимъ денежнымъ взносамъ. Кромѣ этихъ заинтересованныхъ вкладчиковъ и акціонеровъ, никакія постороннія лица не могутъ заявлять притязаніе на участіе въ выгодахъ предпріятія, хотя банковская или промышленная компанія и называется обществомъ ¹⁾. Обиліе капиталовъ въ немногихъ банкахъ не означаетъ еще сосредоточенія капиталовъ въ рукахъ немногихъ капиталистовъ, такъ какъ сотни милліоновъ, находящіяся на храненіи или на текущемъ счетѣ у банкировъ, образуются изъ многочисленныхъ и частью незначительныхъ вкладовъ, принадлежащихъ различнымъ владѣльцамъ. Распространеніе системы кредита вовлекаеть все большую часть населенія въ круговоротъ промышленныхъ дѣлъ; акціонерная форма предпріимчивости размножаетъ мелкихъ капиталистовъ во всѣхъ классахъ общества, превращая обладателей небольшихъ сбереженій въ участниковъ и кредиторовъ крупныхъ предпріятій.

¹⁾ Недоразумѣнія вызываються и поддерживаються часто неточною терминологією; такъ, проф. Исаевъ противопоставляетъ «ассоціаціонное» производство «частно-капиталистическому», какъ будто «ассоціаціонное» и общественное—одно и то же. См. «Настоящее и будущее русскаго народнаго хозяйства», Спб., 1896, стр. 195—204. Частныя промышленныя ассоціаціи имѣють такой же частно-капиталистическій характеръ, какъ и единоличныя предпріятія; противопоставлять частно-владѣльческому капитализму можно только общественную организацію производства, а не «ассоціаціонную».

Духъ капиталистической собственности распространяется и усиливается въ странѣ до того, что банкротство какой-нибудь крупной промышленной компаніи, въ родѣ Панамской, представляется чуть не національнымъ бѣдствіемъ, отъ котораго всего меньше страдаютъ денежные и промышленные капиталисты въ настоящемъ смыслѣ этого слова. Съ одной стороны, на дѣлѣ не существуетъ того рѣзкаго разграниченія между классомъ капиталистовъ и другими слоями общества, на которомъ основываетъ свои выводы Марксъ; а съ другой—внѣшнія общественныя формы труда, производства и кредита не только не умяляютъ, но еще усиливаютъ и расширяютъ значеніе частныхъ правъ и интересовъ въ промышленной жизни. Часто повторяемая въ «Капиталѣ» фраза о капиталистической оболочкѣ, не соотвѣтствующей уже своему содержанию, могла бы быть замѣнена по праву противоположнымъ утвержденіемъ, что капиталистическое содержаніе разрастается и крѣпнеть при новѣйшихъ перемѣнахъ своей оболочки.

X.

Взгляды Маркса на поземельную собственность и землевладѣніе.—«Земля-капиталь».—Монопольное право на части земного шара.—Утвержденіе и отрицаніе общинныхъ правъ на землю.—Отсутствіе руководящей теоретической идеи.

Вражда къ промышленной буржуазіи, какъ мы уже упоминали, не мѣшаетъ Марксу быть вполне проникнутымъ промышленными идеями о мѣрѣ и человѣчествѣ; въ этомъ отношеніи онъ доводитъ чисто-промышленное міросозерцаніе до невозможныхъ крайностей. На всю человѣческую жизнь онъ смотритъ сквозь промышленныя очки; онъ не видитъ въ ней другихъ руководящихъ двигателей и интересовъ, кромѣ узко-промышленныхъ. Производство и обращеніе товаровъ, распредѣленіе прибыли и суровая борьба общественныхъ классовъ изъ-за участія въ промышленныхъ доходахъ исчерпываютъ для него содержаніе всемірной исторіи. Съ такой промышленной точки зрѣнія разсматриваетъ онъ и двѣ коренныя основы народнаго богатства—трудъ и землю.

Взглялъ на рабочую силу человѣка, какъ на товаръ, выводится Марксомъ изъ условий капиталистическаго производства и признается имъ обязательнымъ для современной экономической эпохи; но этотъ взглядъ сталкивается съ массою фактовъ, свидѣтельствующихъ неопровержимо, что товаръ, именуемый трудомъ или рабочею силою, дѣйствуетъ какъ человѣкъ, ставитъ себѣ опредѣленныя цѣли и успѣшно достигаетъ ихъ при тѣхъ же условіяхъ капиталистическаго производства. Понятіе о человѣкъ-товарѣ надо окончательно бросить, какъ болѣзненный продуктъ промышленной логики.

Никуда не годится также представленіе о землѣ, какъ товарѣ. Промышленные экономисты не знаютъ, къ какой рубрикѣ отнести землю: они видятъ въ ней источникъ человѣческаго существованія, и въ то же время считаютъ ее товаромъ или капиталомъ. Сужденія Маркса о землѣ и землевладѣніи столь же противорѣчивы и неопредѣленны, какъ и о капиталѣ. Повторяя въ одномъ мѣстѣ изреченіе Вильяма Петти, что трудъ есть отецъ богатства, а земля—мать (т. I, стр. 18), Марксъ, однако, гораздо одностороннѣ буржуазныхъ экономистовъ прилагаетъ къ землѣ специально промышленную мѣрку. Земля есть для него «средство труда» или производства; она не имѣетъ цѣнности, какъ вмѣстилище даровыхъ силъ и веществъ природы, и въ то же время имѣетъ цѣнность соразмѣрно затраченнымъ на ея обработку капиталамъ; въ послѣднемъ случаѣ она сама есть капиталъ и притомъ «капиталъ постоянный»; наконецъ, какъ цѣнность и какъ предметъ оборотовъ, она есть товаръ ¹⁾. Марксъ никакъ не можетъ выйти изъ круга торгово-промышленныхъ понятій, и эта особенность его воззрѣній на міръ сильнѣе всего отражается на его разсужденіяхъ о землѣ и поземельномъ строѣ.

Марксъ не останавливается надъ вопросомъ о принципиальныхъ различіяхъ между землею и другими «средствами производства», между «землею-капиталомъ» и прочими видами промышленнаго капитала; онъ предполагаетъ заранѣе, что начала крупной промышленности примѣняются или должны примѣняться въ земледѣліи, какъ и въ остальныхъ отрасляхъ производства. Подобно тому, какъ въ области крупнаго машиннаго производства онъ

¹⁾ Т. I, стр. 165—7, 527; т. III, ч. II, стр. 158 и слѣд., 173 и др.

произвольно обобщаетъ исторію ткачества и бумагопрядильнаго дѣла, точно такъ же и земледѣльческое производство кажется ему вполне однороднымъ съ фабрично-заводскою промышленностью. Земледѣльческое хозяйство съ его сложными и разнообразными элементами, съ его зависимостью отъ случайностей климата и погоды, ставится на одну доску съ фабрикою или заводомъ; и здѣсь, и тамъ господствуютъ будто бы одни и тѣ же правила капиталистическаго производства. Признавая большую заслугою капитализма «сознательное технологическое примѣненіе науки» въ земледѣліи, Марксъ приравниваетъ послѣднее ко всякой вообще промышленности, переходящей отъ мелкаго ремесленного производства къ крупному машинному. Но сельское хозяйство представляетъ отличительныя черты, не допускающія подобнаго смѣщенія. Дѣйствіе машинъ примѣнимо лишь тамъ, гдѣ производятся однородныя операціи въ обширныхъ размѣрахъ; оно непримѣнимо или только въ слабой степени примѣнимо въ значительныхъ отрасляхъ земледѣльческой промышленности, при разнообразіи культуръ, при необходимости постоянного приспособленія къ переменчивымъ обстоятельствамъ. Машинамъ нечего дѣлать въ огородничествѣ, садоводствѣ, молочномъ хозяйствѣ, скотоводствѣ и т. п.; только при посѣвахъ одного какого-нибудь продукта, напр. пшеницы, на большихъ пространствахъ земель, возможно широкое примѣненіе машинъ, какъ это практикуется въ Сѣверной Америкѣ. Земледѣліе по существу имѣетъ мало общаго съ фабрично-заводскимъ дѣломъ, какъ и земля имѣетъ мало общаго съ промышленными капиталами или съ простыми «средствами труда». Характеристика англійскихъ поземельныхъ отношеній, дѣлаемая самимъ Марксомъ, показываетъ съ достаточною ясностью, что экономическое значеніе земли далеко не исчерпывается употребленіемъ ея для цѣлей производства и что роль ея въ судьбахъ народнаго хозяйства несравненно шире и глубже.

Понятіе о «землѣ-капиталѣ» приводитъ къ несообразностямъ съ точки зрѣнія собственной доктрины Маркса. Если земля превращается въ капиталъ, благодаря затраченнымъ на ея воздѣлываніе или застройку средствамъ, то она остается капиталомъ при всякой формѣ производства; она будетъ капиталомъ и въ рукахъ самостоятельныхъ работниковъ-земледѣльцевъ, какъ и въ

рукахъ промышленныхъ капиталистовъ, ибо отличие ея отъ «земли-вещества» заключается только въ употребленныхъ на нее затратахъ, а не въ чемъ-либо другомъ. «Обработанное поле,—справедливо замѣчаетъ Марксъ, — стоитъ больше, чѣмъ невоздѣланный участокъ того же качества». Кому принадлежитъ земля и кѣмъ она воздѣлывается—это безразлично для значенія ея, какъ «земли-капитала». Обыкновенныя средства производства имѣютъ другую, болѣе переменчивую, судьбу; они лишаются званія капитала, когда принадлежатъ самимъ производителямъ. Вложенные въ землю капиталы придаютъ цѣнность всѣмъ обработаннымъ или застроеннымъ землямъ; поэтому, согласно приведенному взгляду, они составляютъ предметъ собственности на такомъ же основаніи, какъ и всякіе другіе промышленные капиталы. Между тѣмъ поземельная собственность опредѣляется какъ «монополія извѣстныхъ лицъ на обладаніе и распоряженіе опредѣленными частями земного шара, какъ исключительными сферами ихъ частной воли, съ устраненіемъ всякой другой воли»¹⁾. Откуда взято это опредѣленіе и какую связь имѣетъ оно съ «землей-капиталомъ»? Ни въ одномъ законодательствѣ не признается этого права частныхъ лицъ на исключительное обладаніе «частями земного шара»; повсюду надъ частнымъ замлевлдѣніемъ существуетъ еще политическое право на землю, и поземельная собственность подлежитъ многимъ ограниченіямъ въ пользу постороннихъ лицъ (право прохода и проѣзда) и въ интересахъ всего общества и государства (запрещеніе истреблять лѣса, право экспропріаціи или выкупа въ казну для общественныхъ надобностей, для потребностей желѣзныхъ дорогъ и т. п.). Марксъ говоритъ о «юридической власти отдѣльныхъ лицъ пользоваться и злоупотреблять частями земного шара» (тамъ же, стр. 155), и объясняетъ условія возникновенія этого юридическаго понятія, не справляясь ни съ юриспруденціею, ни съ исторіею поземельнаго права и законодательства. По его мнѣнію, юридическое представленіе о частной поземельной собственности въ современномъ смыслѣ выступаетъ только съ развитіемъ капиталистическаго производства и принимаетъ форму, требуемую послѣднимъ (стр. 156—7); въ дѣйствительности поземельная собственность до сихъ поръ регулируется юридиче-

¹⁾ Т. III, ч. II, стр. 154.

скими принципами, установленными около двухъ тысячъ лѣтъ тому назадъ въ древнемъ Римѣ. Утвержденіе силы этого стараго права въ современной Европѣ зависѣло, конечно, не отъ новыхъ промышленныхъ условій, а отъ возродившагося общаго культа классической древности, въ связи съ открытіемъ письменныхъ памятниковъ римской юриспруденціи. Римское гражданское право сдѣлалось обязательнымъ въ Европѣ подъ влияніемъ ученыхъ юристовъ, не только не въ согласіи съ экономическими требованіями, но напротивъ, въ явный ущербъ общему ходу и развитію промышленной жизни; вслѣдствіе этого экономическія права на землю, основанныя на обработкѣ ея и на затратѣ капиталовъ, подчинены были номинальнымъ правамъ, имѣвшимъ политическое происхождение и условный характеръ. На дѣлѣ происходило, слѣдовательно, нѣчто обратное тому, что утверждаетъ Марксъ ¹⁾. «Земля-капиталь» не принята во вниманіе юристами и законами; они отдали предпочтеніе монополии, — и капиталистическое производство было тутъ, очевидно, ни при чемъ.

Изображая современный строй землевладѣнія и земледѣлія, Марксъ просто списываетъ свои обобщенія съ англійскихъ образцовъ; онъ рисуетъ собственниковъ въ видѣ лордовъ, получающихъ ренту, земледѣльческихъ хозяевъ—въ видѣ фермеров-капиталистовъ, получающихъ прибыль, и непосредственныхъ производителей — въ видѣ наемныхъ рабочихъ, получающихъ заработную плату. Этотъ порядокъ вещей представляется ему нормальнымъ въ современномъ буржуазномъ обществѣ. «Капиталистическое производство въ земледѣліи,—говоритъ онъ,—предполагаетъ, что дѣйствительные земледѣльцы суть наемные рабочіе, занятые у капиталиста, арендатора, который ведетъ земледѣльческое хозяйство только какъ особую отрасль промышленной эксплуатаціи, какъ способъ помѣщенія своего капитала въ извѣстной области производства. Этотъ арендаторъ-капиталистъ платитъ поземельному собственнику, владѣльцу эксплуатируемой имъ почвы, установленную договоромъ денежную сумму, въ опредѣленные сроки, за дозволеніе приложить свой капиталъ въ этой специальной сферѣ про-

¹⁾ См. мои статьи о поземельной собственности въ «Вѣстникѣ Европы», 1883 январь, и 1885, мартъ и апрѣль («Позем. вопросъ въ Европѣ и въ Россіи»), а также объ отношеніяхъ между правовѣдѣніемъ и политической экономіею, въ «Словѣ» 1879 г., № 10.

изводства. Эта денежная сумма называется поземельною рентою, независимо отъ того, платится ли она за пахотныя земли, участки для построекъ, горные рудники, рыбныя ловли, лѣса и т. д. Капиталь можетъ быть вложенъ въ землю или временно, какъ при удобреніи, или болѣе прочно, какъ при осушкѣ или орошеніи почвы, нивеллировкѣ ея, хозяйственныхъ постройкахъ и пр. Помѣщенный такимъ образомъ капиталъ можетъ быть названъ «землею-капиталомъ»¹⁾. Онъ входитъ въ категорію постояннаго капитала. Процентъ за этотъ капиталъ и за улучшения, сохраняющія его въ качествѣ орудія производства, можетъ составлять часть ренты, уплачиваемой арендаторомъ поземельному собственнику, но не образуетъ собственно поземельной ренты, которая платится за пользованіе почвою, какъ таковую, находится ли послѣдняя въ естественномъ состояніи или въ обработанномъ. Временныя помѣщенія капитала, вызываемыя обычными процессами производства въ земледѣліи, дѣлаются всѣ безъ изыятія арендаторомъ. Болѣе постоянныя капиталы также большею частью затрачиваются арендаторомъ, а по истеченіи срока контракта достаются въ собственность владѣльцу земли и т. д.²⁾. Такъ устроена сельскохозяйственная промышленность въ Англіи, и иначе ее не представляетъ себѣ Марксъ. Но англійскій поземельный строй признается самими англичанами исключительнымъ, и одинъ только Марксъ возводитъ его въ норму. Когда онъ говоритъ о поземельной собственности вообще, онъ всегда имѣетъ въ виду лордовъ, а подъ земледѣльческими хозяевами онъ всегда разумѣетъ промышленныхъ капиталистовъ, занятыхъ эксплуатаціею чужихъ земель. Оттого «земля-капиталь» противопоставляется у него землѣ, какъ предмету собственности. «Земля-капиталь» — промышленный терминъ, предполагающій возможность заурядной промышленной собственности на землю, а «монополія на части земного шара»

¹⁾ Говоря о «землѣ-капиталѣ», Марксъ воспроизводитъ мысли, высказанныя имъ еще въ 1847 году въ полемической книжкѣ противъ Прудона; см. *Misère de la philosophie*, изд. 1896 г., стр. 228—9 — Какъ будто съ 1847 года вопросъ о поземельной собственности не двинулся ни на шагъ впередъ въ социально-экономической литературѣ, и какъ будто даже раньше не было данныхъ для другого взгляда, кромѣ шаблонно-буржуазнаго, раздѣляемаго школой Бастіа!

²⁾ Т. III, ч. II, стр. 157—9.

превращаетъ эту прозаическую собственность въ фантазію или карриатуру. Монополія лордовъ, созданная особыми политическими условіями и не имѣющая прямой связи ни съ общепринятыми понятіями о землевладѣніи, ни съ характеромъ и потребностями сельскаго хозяйства, берется за основу общаго опредѣленія поземельной собственности. Въ результатѣ выходитъ, что крестьянинъ, владѣлецъ обработаннаго имъ участка земли, есть монополистъ, обладающій исключительнымъ правомъ на опредѣленную часть земного шара въ томъ же смыслѣ, какъ герцогъ Вестминстеръ, владѣлецъ чуть ли не цѣлаго квартала въ Лондонѣ, въ мѣстности, полученной въ даръ его предками въ видѣ малоцѣннаго пригороднаго пустыря. Разнороднѣйшія формы самостоятельныхъ поземельныхъ правъ, дѣйствительныхъ и фиктивныхъ, хозяйственныхъ и анти-хозяйственныхъ, принимаются за одинъ и тотъ же институтъ поземельной собственности, и существенными признаками его выставляются именно тѣ, которые наиболѣе исключительны.

Трудно сказать, какъ относится Марксъ къ общинному землевладѣнію: съ одной стороны, собственность сельской общины есть тоже монопольное право на часть земного шара и, слѣдовательно, право неосновательное; съ другой—община есть учрежденіе устарѣлое, несовмѣстимое съ сельско-хозяйственнымъ прогрессомъ и безсильное въ борьбѣ съ капитализмомъ; но въ то же время для будущаго предлагается, рядомъ съ коопераціею свободныхъ рабочихъ, «общая собственность ихъ на землю», причемъ не указывается отличіе ея отъ общинной собственности ¹⁾. Взамѣнъ общаго землевладѣнія самихъ сельско-хозяйственныхъ рабочихъ, говорится иногда объ ассоціаціи всего общества, эксплуатирующей землю наиболѣе расчетливымъ образомъ и упраздняющей нынѣшнюю зависимость цѣнъ отъ рынка; но почему все

¹⁾ Т. I, стр. 793. Въ одномъ мѣстѣ говорится, что «собственность на землю столь же необходима для полнаго развитія этого способа производства (самостоятельнаго мелкаго хозяйства), какъ собственность на орудія—для свободнаго развитія ремесленнаго производства (т. III, ч. II, стр. 341); въ другомъ мѣстѣ высказывается мнѣніе, что «даже цѣлое общество, нація, и всѣ общества въ совокупности не могутъ считаться собственниками земли» (тамъ же, стр. 309), и слѣдовательно не можетъ быть рѣчи и о правѣ общей собственности рабочихъ на землю.

общество въ лицѣ его уполномоченныхъ будетъ распоряжаться лучше и расцетливѣе, чѣмъ отдѣльныя земледѣльческія общины или непосредственно заинтересованные хозяева-земледѣльцы, и какимъ образомъ будетъ устранено вліяніе внѣшнихъ рынковъ на цѣны,—неизвѣстно.

Что касается мелкаго участкаго землевладѣнія, то оно, по мнѣнію Маркса, неизбежно погибаетъ съ развитіемъ капиталистической формы производства. «Причины его гибели: уничтоженіе сельскихъ домашнихъ промысловъ, составляющихъ нормальное его дополненіе, вслѣдствіе развитія крупной промышленности; постепенное обѣднѣніе и истощеніе почвы, подвергнутой этой (мелкой) культурѣ; узурпація крупными землевладѣльцами общинныхъ земель, составляющихъ второе дополненіе участкаго хозяйства и служащихъ послѣднему единственнымъ способомъ для содержанія скота; конкуренція крупной сельско-хозяйственной культуры. Улучшенія въ земледѣліи, которыя съ одной стороны вызываютъ упадокъ цѣнъ на хлѣбные продукты, а съ другой—требуютъ болѣе значительныхъ затратъ и болѣе богатыхъ вещественныхъ условій производства, также способствуютъ этому,—какъ въ первой половинѣ XVIII вѣка въ Англіи». Участковое землевладѣніе «по природѣ своей исключаетъ развитіе общественныхъ производительныхъ силъ труда, общественныя формы работы, общественное сосредоточеніе капиталовъ, скотоводство въ крупныхъ размѣрахъ, прогрессивное примѣненіе науки» ¹⁾. Од-

¹⁾ Т. III, ч. II, стр. 341. Въ концѣ концовъ разлагается, по Марксу, и крупное землевладѣніе. «Всякая критика мелкой поземельной собственности, въ послѣднемъ счетѣ, сводится къ критикѣ частной собственности, какъ преграды и препятствія земледѣлію. Такъ и противоположная критика крупнаго землевладѣнія. Эта преграда и это препятствіе, которыя всякая поземельная собственность противопоставляетъ земледѣльческому производству и рациональной обработкѣ, сохраненію и улучшенію почвы, развиваются тамъ и здѣсь въ различныхъ формахъ, и при спорахъ объ этихъ специфическихъ формахъ зла забывается его послѣдняя основа» (тамъ же, стр. 347). Нѣкоторые у насъ находятъ какое-то утѣшеніе въ томъ, что Марксъ, осуждая на гибель мелкую крестьянскую собственность въ настоящемъ, предсказываетъ ту же судьбу крупному землевладѣнію въ неопредѣленномъ будущемъ; но есть же разница между отрицаніемъ настоящаго и пророчествомъ относительно будущаго. Погибать земледѣльческому крестьянству будетъ не легче отъ того, что черезъ сотни лѣтъ настанетъ часъ крупнаго землевладѣнія.

нако не все то, что оно исключает, необходимо для успехов земледелия; едва ли нужно и желательно, напр., общественное сосредоточение капиталов; не всегда также требуется скотоводство в крупных размерах, а недостаток солидарности, технических знаний и средств часто восполняется союзами для специальных хозяйственных целей. Интензивное земледельческое хозяйство близ больших городов несомненно процветает при мелком участковом владении; оно не теряет, а выигрывает от развития крупной промышленности. Наконец, крестьянская община, с распространением образования в народ, может избавиться от своих слабых сторон и выдвинуть на первый план свои незамысловатые преимущества, которые обеспечить ей прочную будущность и при общем торжестве машинного производства во всех промышленных областях, допускающих фабрично-заводскую организацию.

Отдел третьего тома «Капитала», посвященный поземельной ренте и землевладению, должен быть признан самым слабым в книге Маркса. Пространная диссертация о ренте содержит в себе подробнейшее, необычайно растянутое воспроизведение и развитие существенных пунктов знаменитой теории Рикардо, с некоторыми лишь отступлениями в частности и в терминологии. Множество безцельных цифровых расчетов, примечательных выкладок и таблиц предназначено, по видимому, только для того, чтобы прикрыть недостаток оригинальности и содержательности всей работы, ибо достоинство этой математической обстановки нашло себе на этот раз справедливую оценку даже со стороны Фридриха Энгельса. Верный друг и комментатор Маркса замечает, что выкладки дают «чудовишные числовые отношения», что в них есть важные ошибки, что за исходную точку принимаются неверные предположения, которые при дальнейших расчетах приводят к совершенно невозможным комбинациям ¹⁾ и т. п. Правда, Энгельс старается смяг-

¹⁾ Там же, т. III, ч. II, стр. 239, 250 и след., 260 и 272—3. Эта «игра в математику» (по выражению проф. Шмоллера) имеет у Маркса совершенно особый характер: между прочим, в числе оставленных им рукописей существует, по словам Энгельса, «толстая связка тетрадей, в которых он сам продвигал всевозможные купеческие вычисления во многих примечаниях»; но — замечает Энгельс — «знание отдельных способов расчета

чить свои замѣчанія и поправки, но общій смыслъ ихъ указываетъ на негодность значительной части мнимо-научнаго аппарата, изготовленнаго Марксомъ и придающаго его изложенію видъ чего-то очень спеціальнаго, недоступнаго профанамъ.

XI.

Литературные и полемическіе приемы Маркса.—Теорія Тюнена и отзывъ о ней въ «Капиталѣ».—Походъ Энгельса противъ Родбертуса.

Никто такъ рѣзко не судитъ другихъ, какъ Марксъ: ядовитая сила его полемики направляется далеко не противъ однихъ мѣщанскихъ экономистовъ и мѣщанскаго общества, а противъ всѣхъ, попадающихся ему на пути, противъ союзниковъ и единомышленниковъ въ борьбѣ за рабочій классъ, особенно противъ дѣятелей, могущихъ заслонить собою значеніе автора «Капитала» въ экономической наукѣ и въ исторіи рабочаго движенія. Съ первыхъ же страницъ своей книги (въ предисловіи) онъ заявляетъ, что Лассаль заимствовалъ у него «всѣ основныя идеи своихъ экономическихъ работъ почти съ буквальною точностью, безъ указанія источника», и что притомъ онъ не совсѣмъ вѣрно понималъ ихъ. Обвиненіе это, высказанное послѣ смерти Лассаля, должно было уронить его популярность въ Германіи; но само по себѣ оно было совершенно голословно и не выдерживало критики уже потому, что указываемыя Марксомъ идеи излагались раньше его Родбертусомъ и другими. Ругательные эпитеты сыплются съ пера Маркса по адресу отдаленныхъ и близкихъ писателей:—Мальтусъ объявляется ничтожествомъ, и его теорія на-

и упражненіе въ повседневнои практическомъ счетѣ купца—далеко не одно и то-же, и такимъ образомъ онъ настолько запутался въ вычисленіяхъ (относительно торговыхъ оборотовъ), что рядомъ съ незаконченнымъ оказалось и кое-что невѣрное и противорѣчивое». Въ данномъ случаѣ Энгельсъ не могъ воздержаться отъ пренебрежительнаго отзыва о «ненадежныхъ результатахъ этихъ кропотливыхъ вычисленій» (dieser mühsamen Rechnerei). Т. II, стр. 258—9.—Нечего и говорить о томъ, что упражненія въ купеческихъ и лавочныхъ счетахъ не могутъ имѣть никакой связи съ задачами политической экономіи и имѣютъ также очень мало общаго съ «игрою въ математику», какъ съ подобіемъ научнаго метода.

родонаселенія есть «школьнически-поверхностный и безстыдный плагиатъ»; Сэй—чуть-ли не кретинъ, Бентамъ—жалкій софистъ, Милль—безсмысленный излагатель чужихъ несомвѣстимыхъ мнѣній, даже Адамъ Смитъ уличается иногда въ «пустой болтовнѣ». Прудонъ, которымъ раньше увлекался Марксъ, сдѣлался для него позднѣе шарлатаномъ; Марксъ зло критиковалъ и высмѣивалъ его, а Прудонъ назвалъ его критику «сплетеніемъ грубостей, клеветъ, извращеній и плагиатовъ». Въ первомъ изданіи «Капитала» былъ жестоко выруганъ «беллетристъ Герценъ» за желаніе обновить Европу при помощи русской общины, открытой имъ въ сочиненіи «прусскаго правительственнаго совѣтника Гакстгаузена»; по этому поводу было сказано кстати нѣсколько сильныхъ словъ о русскомъ обществѣ и народѣ ¹⁾. Узнавъ впослѣдствіи, что его книга пріобрѣла большой авторитетъ въ Россіи и нашла здѣсь поклонниковъ и истолкователей, Марксъ во второмъ изданіи выпустилъ обидныя выходки и вставилъ лестныя замѣчанія (въ послѣсловіи, стр. 817 и слѣд.).

Все это мало похоже на приемы истиннаго ученаго и свидѣтельствуеетъ скорѣе о неразборчивости практическаго дѣятеля, для котораго крупная общественная задача была интересомъ личнаго честолюбія. Марксъ былъ по темпераменту чловѣкъ борьбы, и этотъ характеръ ясно выраженъ въ его «Капиталѣ». Злобныя чувства проявляются гораздо ярче и занимаютъ гораздо больше мѣста въ его книгѣ, чѣмъ искреннія симпатіи къ обездоленнымъ и угнетеннымъ. Сужденія его слишкомъ часто носятъ на себѣ рѣзкій чисто-личный оттѣнокъ.

Весьма характерны отношенія Маркса къ двумъ предшественникамъ его въ нѣмецкой экономической литературѣ, занимавшимся специально вопросомъ объ отношеніяхъ между трудомъ и капиталомъ,—къ Генриху фонъ-Тюнелю и Карлу Родбертусу.

¹⁾ Въ самомъ концѣ книги, изд. 1867 г., въ дополнительныхъ примѣчаніяхъ, стр. 763; при извѣстномъ ходѣ промышленныхъ и политическихъ дѣлъ на европейскомъ материкѣ «можетъ въ самомъ дѣлѣ сдѣлаться въ концѣ концовъ неизбѣжнымъ обновленіе Европы кнутомъ и обязательною прививкою калмыцкой крови, столь серьезно предвѣщаемое полу-русскимъ и вполне московитомъ Герценомъ». Выходитъ, что Герценъ былъ сторонникъ кнута и всякаго «калмыцкаго» насилія, и что русскій народъ состоитъ изъ калмыковъ, готовыхъ проглотить Европу съ ея цивилизаціею..

Въ 1850 году вышло изслѣдованіе Тюнена объ «естественной заработной платѣ и отношеніи ея къ проценту съ капитала и къ поземельной рентѣ»; второй отдѣлъ этой книги напечатанъ уже послѣ смерти автора, въ 1863 году. Тюненъ — одинъ изъ рѣдкихъ представителей истинно-научнаго направленія въ политической экономіи; онъ основываетъ свои выводы не на разборѣ словесныхъ опредѣленій и понятій, не на произвольномъ обобщеніи фактовъ, а на дѣйствительномъ и осторожномъ анализѣ явленій, при помощи точнаго математическаго метода. Общія идеи его о судьбѣ рабочаго класса отличаются человѣчностью и глубиною. Угнетеніе работниковъ третьимъ сословіемъ или буржуазіею, по его взгляду, служитъ какъ бы слѣдствіемъ или продолженіемъ предшествовавшаго угнетенія самой буржуазіи феодалнымъ рыцарствомъ. Среднее сословіе передаетъ внизъ удары, полученные имъ нѣкогда сверху; право меча смѣнилось правомъ капитала, и политическая власть остается такимъ же одностороннимъ оружіемъ въ рукахъ буржуазіи, какимъ была прежде въ рукахъ феодализма. Элементъ власти, по Тюнену, играетъ главную роль въ утвержденіи господства капитала надъ трудомъ. Представители буржуазіи принимаютъ почти исключительное участіе въ обсужденіи законодательныхъ вопросовъ и въ установленіи принциповъ экономической политики; они естественно пользуются своимъ вліяніемъ для возможно бѣльшаго упроченія своихъ матеріальныхъ выгодъ и преимуществъ, которыя мало-по-малу отождествляются у нихъ съ интересами всего государства. Рабочіе устраниаются отъ участія въ промышленныхъ выгодахъ, доставляемыхъ ихъ собственнымъ трудомъ, и превращаются въ безправныя орудія капиталистовъ. Между тѣмъ «капиталъ, — говоритъ Тюненъ, — есть накопленный продуктъ труда или овеществленный трудъ; онъ происходитъ изъ того же самаго источника, что и текущій трудъ, — изъ человѣческой дѣятельности, — такъ что капиталъ и трудъ составляютъ одно въ существѣ своемъ, различаясь только по времени, какъ прошедшее и настоящее. Между обоими должно существовать извѣстное отношеніе; — каково же оно?» Тюненъ не смѣшиваетъ теоретическаго вопроса о роли капитала въ производствѣ съ практическимъ вопросомъ о роли и положеніи капиталистовъ, какъ это дѣлаетъ Марксъ; онъ имѣетъ въ виду и тѣ случаи, когда трудъ и капиталъ соеди-

няются въ одномъ лицѣ работника-производителя, и когда заработная плата не отдѣляется внѣшнимъ образомъ отъ прибыли. Онъ исходитъ изъ того взгляда, что при извѣстномъ состояніи культуры «всякій продуктъ есть общее дѣло труда и капитала», и что самостоятельное значеніе послѣдняго для производства нисколько не ослабляется ни происхожденіемъ капитала отъ труда, ни принадлежностью его самимъ работникамъ. Тюненъ ставитъ себѣ задачею опредѣлить ту норму заработной платы, которая должна была бы установиться при обоюдной матеріальной независимости рабочихъ и хозяевъ и которая выражала бы, слѣдовательно, реальную относительную цѣнность участія труда и капитала въ производствѣ. Отношенія рабочихъ къ капиталистамъ предполагаются вполне свободными въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ обиліе незанятыхъ земель даетъ работнику возможность выбора между самостоятельнымъ трудомъ обработкѣ какого-либо новаго участка или работою по найму въ предѣлахъ существующихъ хозяйствъ. При этомъ авторъ пользуется гипотезами и приемами, имѣющими строго-научный характеръ. Послѣ подробныхъ вычисленій и пространныхъ математическихъ выкладокъ, Тюненъ приходитъ къ тому положенію, что естественная заработная плата есть средняя пропорціональная между цѣнностью необходимыхъ средствъ существованія и всѣмъ чистымъ доходомъ предпріятія. Ниже этой нормы будетъ вознагражденіе труда только тамъ, гдѣ работники лишены возможности выбора между самостоятельнымъ трудомъ и наемнымъ, и вынуждены поэтому соглашаться по необходимости на всѣ условія капиталистовъ: тогда заработная плата опредѣляется уже не долею участія труда въ производствѣ, а насущными потребностями работниковъ, эксплуатируемыхъ обладателями капитала.

Такъ какъ изслѣдованіе Тюнена, по своимъ научнымъ особенностямъ, мало подходитъ къ господствующему типу разсужденій въ политико-экономической литературѣ, то оно почти пропало безслѣдно для большинства экономистовъ. Вполнѣ игнорируетъ Тюнена и Марксъ въ своемъ «Капиталѣ»; только во второмъ изданіи онъ присоединилъ небольшую выноску, гдѣ приведена слѣдующая единственная цитата изъ его книги: «Если считать доказаннымъ, что самъ капиталъ есть только продуктъ чловѣческаго труда, то кажется совершенно непонятнымъ, чтобы

человѣкъ могъ подпасть подъ господство своего собственнаго продукта. капитала, и сдѣлаться ему подчиненнымъ; а такъ какъ это несомнѣнно существуетъ, то невольно приходится ставить себѣ вопросъ: какимъ образомъ работникъ могъ изъ творца капитала превратиться въ его раба? Приведа эту выдержку, Марксъ замѣчаетъ отъ себя: «заслуга Тюнена—въ томъ, что онъ поставилъ такой вопросъ; отвѣтъ его—просто ребяческій» ¹⁾. Какой отвѣтъ, и почему онъ ребяческій,—это скрыто отъ читателей «Капитала». Марксъ не приводитъ дальнѣйшей фразы Тюнена: «въ отдѣленіи продукта отъ произведшаго его работника лежитъ источникъ зла». Въ этомъ краткомъ отвѣтѣ выражена въ сущности основная мысль «Капитала» Маркса, и послѣдній не цитируетъ ее только потому, что нельзя было бы назвать ребяческою свою собственную идею, высказанную раньше другимъ.

Приведенная рѣзкая выходка представляетъ любопытный образчикъ того особаго отношенія къ предшественникамъ, которое побуждаетъ замалчивать или голословно высмѣивать труды даже наиболѣе серьезныхъ ученыхъ, въ ущербъ истинѣ.

Относительно Тюнена возможно по крайней мѣрѣ то оправданіе, что достигнутые имъ научные результаты, облеченные въ математическія формулы, не вошли въ общій оборотъ экономической литературы, и что главные отдѣлы его трактата объ «изолированномъ государствѣ» касаются специально сельскаго хозяйства, мало интересующаго большинство экономистовъ. Пренебреженіе къ Тюнену кажется еще естественнымъ со стороны Маркса и его единомышленниковъ. Совершенно въ другомъ положеніи находится Родбертусъ: это писатель давно извѣстный и популярный, и его теоріи имѣютъ прямую связь съ основами нѣмецкаго «научнаго социализма». Еще въ 1842 году онъ напечаталъ книжку, въ которой указывалъ на ненормальность существующихъ хозяйственныхъ условій и на необходимость социальной организациі производства; съ 1851 года, въ письмахъ къ Кирхману, онъ подробно объяснялъ преходящій историческій характеръ современнаго экономического строя, дѣлалъ смѣлые практическіе выводы изъ теоретическаго тезиса о трудѣ, какъ един-

¹⁾ Т. I, стр. 646, прим. 77а. Ср. мою статью о Тюненѣ и Курно въ «Вѣстникѣ Европы», 1878, сентябрь.

ственномъ источникѣ цѣнности, и связывалъ существованіе прибыли и поземельной ренты съ институтомъ собственности, допускающимъ коренную реформу. Онъ впервые ввелъ нѣмецкій терминъ «прибавочной цѣнности» (Mehrwerth) для обозначенія доли продукта, присвоиваемой капиталомъ; особенно много новаго и оригинальнаго высказалъ онъ о землевладѣніи, къ которому ошибочно, по его мнѣнію, примѣняются промышленные понятія и законы. «Капиталь,—говорить онъ,—добился нужнаго ему законодательства, трудъ успѣшно добывается, а землевладѣніе имѣетъ законы, ему враждебные». Защищая интересы труда, Родбертусъ выставляетъ на первый планъ организаторскую и направляющую роль государства. «Національный продуктъ—по его словамъ—есть продуктъ одного только труда,—но труда не только нынѣшнихъ рабочихъ, но и прошедшихъ, не только прямо, но и посредственно участвовавшихъ въ производствѣ, не только матеріально, но и умственно работавшихъ. Поэтому притязаніе современныхъ работниковъ на полный раздѣлъ между ними продуктовъ основано на недоразумѣніи; только государство, представляющее всѣ элементы прошлаго и настоящаго труда, можетъ быть общимъ собственникомъ и распредѣлителемъ; замѣнить же одну несправедливую организацію—другою, столь же несправедливою, нѣтъ никакого основанія» ¹⁾

По выходѣ въ свѣтъ перваго тома книги Маркса, Родбертусъ имѣлъ не разъ случай выражать о немъ свое мнѣніе въ письмахъ, которыя впослѣдствіи были обнародованы Рудольфомъ Мейеромъ. Родбертусъ находилъ, что книга Маркса есть не столько изслѣдованіе о капиталѣ, сколько полемика противъ нынѣшней формы капитала, которую авторъ смѣшиваетъ съ самымъ понятіемъ о капиталѣ; отсюда проистекають всѣ его заблужденія. Марксъ ошибается еще въ двухъ отношеніяхъ, съ точки зрѣнія Родбертуса. Во-первыхъ, онъ предполагаетъ, что трудовая цѣнность всѣхъ товаровъ реализуется сама собою уже при современномъ порядкѣ, тогда какъ это не можетъ быть достигнуто безъ новыхъ законовъ. Во-вторыхъ, онъ принимаетъ за аномалію

¹⁾ Rodbertus-Jagetzow, Zur Erklärung und Abhülfe der heutigen Creditnoth des Grundbesitzes, Jena, 1869, Th. II, стр. XIV и 109—113. Ср. также «Zur Beleuchtung der socialen Frage, Berlin, 1875 (перепечатка 2-го и 3-го писемъ къ фонъ-Кирхману).

тотъ социальный фактъ, что работнику достается не весь продуктъ его труда, между тѣмъ какъ это есть нормальное состояніе всякаго общества, и задачей должно считаться только увеличеніе доли рабочаго. «Изъ чего образуется прибавочная цѣнность капитала,—замѣчаетъ между прочимъ Родбертусъ,—я показалъ въ третьемъ социальномъ письмѣ (1851 года) существенно такъ же, какъ Марксъ, но гораздо короче и яснѣе». По нѣкоторымъ признакамъ Родбертусъ заключилъ, что Марксъ пользовался его старыми работами (напр., брошюрою 1842 года), не цитируя ихъ; въ первомъ томѣ «Капитала» названа въ одномъ мѣстѣ упомянутая выше книжка 1851 года, съ обѣщаніемъ рассмотреть ее въ будущемъ, такъ какъ, «несмотря на свою ложную теорію поземельной ренты, она (книжка) угадываетъ сущность капиталистическаго производства»; но и въ третьемъ томѣ повторяется еще это обѣщаніе, причемъ говорится уже о заслугахъ Родбертуса именно по изслѣдованію ренты, и самая книжка признается «значительнымъ (т.-е. важнымъ) сочиненіемъ о рентѣ»¹⁾. Можно подумать, что Марксъ сначала имѣлъ намѣреніе отдѣлать Родбертуса, но не рѣшилъ еще, съ какой стороны и за что. По свидѣтельству Фридриха Энгельса, въ наброскахъ для четвертаго тома сохранились листки, заключающіе въ себѣ разборъ теоріи поземельной ренты Родбертуса, и этотъ разборъ долженъ былъ, вѣроятно, уничтожить ея значеніе. Однако эта критика относится къ болѣе раннему времени, чѣмъ хвалебный отзывъ, напечатанный въ третьемъ томѣ; это видно изъ разъясненій самого Энгельса въ предисловіи ко второму тому (стр. IV—V). Слѣдовательно, одно изъ двухъ: или Марксъ раздумалъ напасть на Родбертуса, послѣ того какъ написалъ свою критику, или послѣдняя вовсе не имѣла того разрушительнаго характера, на который намекаетъ Энгельсъ. Далѣе, въ 1885 году Энгельсъ предупреждалъ, что съ выходомъ третьяго тома «Капитала» будутъ уже меньше говорить объ экономистѣ Родбертусѣ; между тѣмъ въ этомъ же третьемъ томѣ, какъ мы видѣли, признаются научныя заслуги

¹⁾ Т. I, стр. 552, прим. 17; т. III, ч. II, стр. 311, прим. 41. Объ отношеніяхъ Родбертуса къ Марксу см. Theophil Kozak, предисловіе къ посмертному изданію книги Родбертуса о капиталѣ (Berlin, 1884), стр. XIV—XVII; Фр. Энгельсъ въ предисловіи ко II-му тому Маркса (1885), стр. VIII—XXIII.

Родбертуса, такъ что угрожающее предупрежденіе Энгельса было лишено основанія.

Непонятно вообще, почему Энгельсъ счелъ нужнымъ такъ рѣзко и ядовито напасть на Родбертуса послѣ смерти Маркса. Энгельсъ пишетъ замѣчательно бойко и ловко; это—типъ безцеремоннаго полемиста, провозглашающаго побѣду передъ битвою и не знающаго середины ни въ порицаніи, ни въ восхваленіи. Онъ преданъ Марксу до самоотверженія; онъ съ трогательнымъ усердіемъ беретъ на себя всю черную работу по пропагандѣ и защитѣ его теорій и по обработкѣ неудобоваримаго рукописнаго матеріала, оставленнаго Марксомъ, а всю славу предоставляетъ ему самому. Энгельсъ пользуется своимъ острымъ полемическимъ оружіемъ для возвеличенія автора «Капитала» и для поруганія его враговъ и критиковъ; онъ легко переводитъ всякій теоретическій споръ на почву личностей, старается поднять на смѣхъ противника или уронить его въ мнѣніи читателей, и это удается ему безъ особенныхъ усилій. Своими научно-литературными знаніями онъ располагаетъ для того, чтобы извлекать изъ нихъ доводы въ ту или другую сторону, смотря по надобности; онъ съ одинаковою энергіею можетъ доказывать, что до Маркса политическая экономія находилась въ состояніи совершеннаго банкротства, или, наоборотъ, что она задолго до него прекрасно разрѣшила въ принципѣ всѣ вопросы. Послѣдній тезисъ пускается въ ходъ противъ Родбертуса, такъ какъ нужно было показать, что Родбертусъ не могъ внести ничего новаго или цѣннаго въ политическую экономію; но при этомъ объясняется публикѣ, что небольшія на видъ поправки и дополненія, сдѣланныя Марксомъ, перевернули науку вверхъ дномъ и имѣютъ значеніе величайшихъ научныхъ открытій.

Безполезно отыскивать точный смыслъ въ заявленіяхъ Энгельса; точность—врагъ его. Обрушиваясь на писателей, позволившихъ себѣ заподозрить Маркса въ заимствованіяхъ у Родбертуса, онъ говоритъ: «это обвиненіе высказано впервые, насколько мнѣ извѣстно, въ книгѣ Рудольфа Мейера; въ 1879 году выступаетъ на сцену самъ Родбертусъ и пишетъ» и т. д.,—а Родбертусъ умеръ въ 1875 году; появленіе же его писемъ въ печати обходилось уже безъ его участія. Нелѣпость самаго обвиненія Маркса въ плагиатѣ доказывается Энгельсомъ двумя способами. Во-пер-

выхъ, Марксъ «не имѣлъ понятія о Родбертусѣ и его литературной дѣятельности, когда вырабатывалъ основы своей экономической доктрины; только въ 1859 году узналъ онъ отъ Лассалья, что существуетъ также экономистъ Родбертусъ, и онъ досталъ его «третье социальное письмо» въ Британскомъ музеѣ». Вторыхъ, разсужденія Родбертуса или несостоятельны сами по себѣ, или повторяютъ будто бы давно извѣстныя шаблонныя истины. Энгельсъ приводитъ выдержки изъ Смита и Рикардо, ссылается на цитируемыхъ Марксомъ англійскихъ писателей двадцатыхъ и тридцатыхъ годовъ, въ доказательство того, что теорія прибавочной цѣнности придумана гораздо раньше Родбертуса, и что Марксу не было повода заимствовать у него эту теорію.

Допуская фактическую вѣрность этихъ указаній Энгельса, мы не можемъ не отмѣтить ихъ внутренней слабости и неискренности. Если Марксъ имѣлъ случай ознакомиться съ трудами Родбертуса только въ 1859 году (хотя, по разсказу самого Энгельса, имъ обоемъ пришлось еще въ 1848 году интересоваться Родбертусомъ, какъ депутатомъ, попавшимъ на короткое время въ министры), то это обстоятельство ни въ какомъ случаѣ не устраняетъ обвиненій, относящихся къ книгѣ, которая вышла въ 1867 году. Марксъ въ своемъ «Капиталѣ» ни однимъ словомъ не обмолвился о томъ, что его идеи объ исключительно-трудомъ источникѣ и мѣрилѣ цѣнности и о созданіи «прибавочной стоимости» наемными рабочими въ пользу капиталиста изложены были гораздо раньше Родбертусомъ; напротивъ, Марксъ говоритъ объ этихъ идеяхъ какъ о собственныхъ своихъ научныхъ открытіяхъ, на которыя онъ нашелъ намеки только въ сочиненіяхъ англійскихъ экономистовъ двадцатыхъ и тридцатыхъ годовъ. А вѣдь послѣ 1859 года, когда онъ писалъ свою книгу, ему были уже извѣстны работы и выводы Родбертуса! Недостатокъ правдивости сказывается здѣсь очень ярко, и мотивы его плохо прикрываются упомянутымъ выше снисходительнымъ замѣчаніемъ, что Родбертусъ былъ уже близокъ въ разгадкѣ сущности капиталистическаго производства. Какое значеніе могутъ вообще имѣть вопросы первенства и литературнаго самолюбія для людей, поглощенныхъ дѣломъ безкорыстной защиты великихъ социальныхъ интересовъ? Зачѣмъ эти злобные счеты съ соперниками, если

дѣло идетъ только о высшихъ задачахъ, связанныхъ съ судьбою рабочаго класса?

Энгельсъ вполнѣ откровененъ въ своихъ постоянныхъ заботахъ о личной славѣ Маркса—и косвенно о своей собственной, въ качествѣ его многолѣтняго ближайшаго союзника и друга; эти заботы волнуютъ его ничуть не меньше, чѣмъ весь рабочій вопросъ. При описаніи научныхъ подвиговъ Маркса, онъ впадаетъ въ восторженный, патетическій тонъ. Марксъ заснулъ будто бы политическую экономію въ такомъ же состояніи, въ какомъ была химія до открытія кислорода французомъ Лавуазье, когда господствовала еще вѣра въ флогистонъ. Энгельсъ подробно излагаетъ исторію флогистона и вытѣснившего его кислорода, чтобы живѣе выяснитъ всю важность переворота, произведеннаго Марксомъ въ политической экономіи. Марксъ впервые усмотрѣлъ въ прибавочной цѣнности явленіе, долженствующее опрокинуть всю науку экономистовъ. И онъ опрокинулъ науку, чтобы поставить ее на ноги и перестроить затѣмъ на новыхъ, болѣе прочныхъ основаніяхъ,—и все это онъ совершилъ при помощи средствъ, удивительныхъ по своей простотѣ. Онъ замѣнилъ одно слово другимъ для обозначенія найма рабочихъ, назвавъ продажею рабочей силы то, что прежде называли продажею труда или наймомъ, и этимъ онъ, по словамъ Энгельса, сразу разрѣшилъ задачу, предъ которою бессильно остановилась школа Рикардо. Эта словесная перемѣна возродила политическую экономію къ новой жизни,—точь-въ-точь какъ открытія Лавуазье возродили химію. Паеость Энгельса становится комическимъ, но выдерживается имъ все-таки до конца. Что касается Родбертуса, то Энгельсу ничего не стоитъ расправиться съ нимъ беспощадно на полустраницѣ; онъ нѣсколькими строчками упраздняетъ, напримѣръ, значеніе его изслѣдованій о землевладѣніи и поземельномъ кредитѣ, тогда какъ именно эти работы его заслуживали бы наибольшаго вниманія со стороны послѣдователей Маркса. Различіе между землею и капиталомъ настолько убѣдительно объяснено Родбертусомъ, что послѣ его этюдовъ нельзя было уже ожидать повторенія рутинныхъ буржуазныхъ фразъ о землѣ-капиталѣ въ серьезномъ политико-экономическомъ трактатѣ; и если взгляды Родбертуса игнорируются Марксомъ, то это не составляетъ достоинства или заслуги, какъ думаетъ Энгельсъ. Разсужденія Родбертуса о па-

губности обычныхъ формъ поземельнаго кредита для землевладѣнія и сельскаго хозяйства, вслѣдствіе принципіальной ложности взгляда, приравнивающаго землю къ промышленному капиталу, блестящимъ образомъ оправдываются всею послѣдующею исторіею землевладѣнія въ Европѣ;—а Энгельсъ даетъ понять читателю, что Родбертусъ хлопоталъ лишь о прусскомъ землевладѣльческомъ юнкерствѣ. «Его проекты освобожденія старо-прусскаго землевладѣнія отъ гнета капитала,—говоритъ онъ,—также вполне утопичны; они обходятъ именно единственный практическій вопросъ, который при этомъ затрогивается,—вопросъ: какъ можетъ старо прусскій землевладѣлецъ-юнкеръ изъ года въ годъ получать, напримѣръ, двадцать тысячъ марокъ дохода и проживать тридцать тысячъ марокъ, не дѣлая однако долговъ»? Намекъ на солидарность Родбертуса съ старо-прусскимъ юнкерствомъ есть только ядовитый полемическій приѣмъ: Родбертусъ былъ землевладѣльцемъ и даже присоединялъ къ своей фамиліи названіе имѣнія «Ягеповъ», но онъ не имѣлъ ничего общаго съ помѣщичьимъ дворянскимъ сословіемъ, такъ какъ имѣніе было имъ пріобрѣтено покупкою, и самъ онъ принадлежалъ къ тому же зажиточному бюргерству, къ которому принадлежалъ и Энгельсъ. Сводитъ разсужденія и проекты Родбертуса къ наивному вопросу, озабочивающему заурядныхъ помѣщиковъ, было бы явною недобросовѣстностью, а насмѣшка надъ его положеніемъ, какъ землевладѣльца, давала бы поводъ посмѣяться надъ самимъ Энгельсомъ, какъ капиталистомъ ¹⁾.

¹⁾ Известно, что Энгельсъ, несмотря на свою вражду къ капиталу, владѣль, однако, до самой своей смерти значительнымъ капиталомъ (свыше 600 тысячъ марокъ по газетнымъ свѣдѣніямъ),—унаслѣдованнымъ отъ отца продуктомъ успѣшной эксплуатаціи фабричныхъ рабочихъ,—и свободно располагалъ процентами съ этого капитала, извлекая, слѣдовательно, свою промышленную долю изъ дальнѣйшей эксплуатаціи чужого труда. Ничего не было также слышно о томъ, чтобы Марксъ дѣлился доходами съ своихъ работъ съ наборщиками, участвовавшими въ ихъ печатаніи. Не такъ поступала, напримѣръ, Тюненъ: разъ убѣдившись въ неправильности существующихъ основаній заработной платы, онъ ввелъ въ своемъ имѣніи Телловъ, въ Мекленбургѣ, принципъ участія рабочихъ въ доходахъ хозяйства, согласно своимъ теоретическимъ выводамъ. Проповѣдники социализма обыкновенно не думаютъ вовсе о примѣненіи своихъ теорій къ своимъ личнымъ и частнымъ дѣламъ; нападая на буржуазію, они сами остаются тѣми же буржуа и не

Энгельсъ хочетъ во что бы то ни стало увѣрить публику, что нѣтъ экономической истины внѣ Маркса и его пророка Энгельса. Не странно ли видѣть науку, гдѣ ученые дѣятели какъ бы хвастаютъ незнакомствомъ съ трудами ближайшихъ своихъ предшественниковъ и современниковъ? Возможно ли основательное движеніе впередъ, если каждый дѣйствуетъ въ одиночку, не справляясь съ результатами чужихъ усилій? Не слишкомъ ли замѣтно проявляется здѣсь духъ мѣшанской конкуренціи и рекламы?

XII.

Практическіе выводы изъ доктрины Маркса.—Неясность понятій о монополиіи и о средствахъ труда.—Общественный элементъ въ частной предпріимчивости.—Смысль и цѣль коллективизма.—Нѣмецкая социаль-демократія и дѣятельность Лассаля.—Нападки Маркса на Готскую программу.—Вульгарная утопія.

Съ именемъ Маркса связывается представленіе не только объ опредѣленной научно-экономической доктринѣ, но и о практической социальной программѣ, имѣющей цѣлью преобразование хозяйственного строя въ интересахъ трудящихся массъ. Практическая программа опирается на научный авторитетъ теоріи, изъ которой она вытекаетъ, а теорія пріобрѣтаетъ поклонниковъ благодаря популярной практической программѣ, которая находитъ въ ней свою точку опоры. Несомнѣнно, что доктрина Маркса принимается многими на вѣру, безъ критики, только вслѣдствіе своей предполагаемой логической связи съ извѣстными стремленіями и задачами въ области социальнаго вопроса. Однако, при ближайшемъ анализѣ, эта связь оказывается вполне фиктивной: практическіе выводы, дѣлаемые авторомъ «Капитала» и его послѣдователями, основаны на совершенно самостоятельныхъ со-

отрекаются вообще отъ выгодъ, доставляемыхъ буржуазными капиталами и доходами (хотя бы доходами отъ продажи популярныхъ книгъ и брошюръ противъ капитала). А въ полемикѣ они чаще всего прибѣгаютъ къ безцеремоннымъ личнымъ выходкамъ и насмѣшкамъ; въ этомъ отношеніи, они стоятъ на одномъ уровнѣ съ тѣми, которые думали, напр., уничтожить или уронить Маркса, назвавъ его евреемъ, внукомъ торговца Мардохай.

физмахъ и недомолвахъ, нисколько не вытекающихъ изъ его теоретическихъ разсужденій.

Средства и орудія труда, по словамъ Маркса, находятся въ настоящее время въ монопольномъ обладаніи отдѣльныхъ лицъ; —эта монополія должна быть уничтожена. Къ числу предметовъ монополіи отнесены всякія вообще средства и орудія производительной работы, причемъ не дѣлается никакого различія, напр., между поземельнымъ участкомъ и ткацкимъ станкомъ. Такъ какъ поземельная собственность, по опредѣленію самого Маркса, есть исключительное право на часть земного шара, т.-е. на часть внѣшней природы, существующей независимо отъ человѣческаго труда, то это право въ принципѣ не можетъ имѣть ничего общаго съ правомъ на продукты промышленнаго производства, на машины и орудія, изготовленныя руками человѣка. Слѣдовательно, причисленіе какого-нибудь ткацкаго станка къ одному разряду съ объектомъ земельной монополіи, по характеру частныхъ правъ на владѣніе вещами, есть просто абсурдъ, прикрываемый лишь общимъ терминомъ: «средства труда». Монополія непременно предполагаетъ природную или искусственную ограниченность круга предметовъ, обнимаемыхъ ею, и невозможность произвольнаго умноженія ихъ числа; такъ, при недостаткѣ свободныхъ земель, нельзя увеличить ихъ пространство или произвести новые участки искусственнымъ способомъ. Всякія же механическія орудія и машины могутъ быть изготовляемы въ неограниченномъ количествѣ, по мѣрѣ надобности, и приобрѣтеніе ихъ доступно всѣмъ желающимъ, въ какомъ угодно числѣ, наравнѣ съ другими товарами. Съ какой же точки зрѣнія можно говорить здѣсь о монополіи? Если имѣть въ виду доступность этихъ предметовъ только обладателямъ денегъ, то это условіе одинаково примѣнимо ко всѣмъ вообще продуктамъ и издѣліямъ, продаваемымъ на рынкѣ; въ этомъ смыслѣ всѣ вообще товары, безъ исключенія, составляли бы предметъ монополіи. Гдѣ же основаніе къ тому, чтобы выдѣлять изъ общей массы спеціальную группу свободно производимыхъ товаровъ и приписывать имъ не существующія монопольныя черты? Такого основанія нѣтъ ни въ условіяхъ производства и обращенія этихъ товаровъ, ни въ ихъ природныхъ и общественныхъ особенностяхъ. Между тѣмъ требованіе объ уничтоженіи монополіи на средства и орудія труда выдается

Марксомъ за выводъ изъ его научной теоріи, и противники и комментаторы его ученія оставляютъ это обстоятельство безъ надлежащей критической провѣрки.

Извѣстный экономистъ Шеффле, излагая сущность научнаго социализма, подтверждаетъ, что одно изъ его основныхъ догматическихъ положеній заключается въ замѣнѣ частной собственности коллективную, относительно всѣхъ средствъ производства (т.-е. труда, такъ какъ средствами производства называются у Маркса сырые матеріалы, употребляемые въ производствѣ), а именно: относительно поземельныхъ участковъ, мастерскихъ, машинъ, орудій и т. п. ¹⁾ Но Шеффле не замѣчаетъ внутренней нелогичности этого положенія. Допустимъ, что оно имѣетъ почву не въ теоріи, а въ практической необходимости ограничить власть капитала надъ трудомъ, причемъ слово «монополія» примѣнено въ данномъ случаѣ только для большаго эффекта. Отдѣленіе непосредственныхъ производителей отъ орудій и принадлежностей производства, съ переходомъ послѣднихъ въ руки капиталистовъ, составляетъ источникъ образованія пролетаріата и основу владѣчества промышленной буржуазіи надъ рабочимъ классомъ; поэтому, хотя средства и орудія труда принадлежатъ владѣльцамъ не на монопольномъ правѣ и ничѣмъ не разнятся вообще отъ прочихъ товаровъ, тѣмъ не менѣе, въ силу особенной практической важности своего назначенія и употребленія, они должны быть изъяты изъ числа предметовъ частнаго обладанія. Очевидно, это требованіе, даже въ такой измѣненной формѣ, нуждается еще во многихъ оговоркахъ и создавало бы на практикѣ безконечныя недоумѣнія и несообразности. Одни и тѣ же предметы переходили бы изъ одной категоріи въ другую, то подлежали бы частной собственности, то признавались бы для нея недоступными, смотря по тому, какъ и гдѣ они употреблялись бы. Владѣлецъ швейной машинки остается ея собственникомъ, пока пользуется ею для своихъ домашнихъ надобностей; но онъ теряетъ на нее право, когда употребляетъ ее для производства или помѣщаетъ ее въ мастерскую. Иголка, какъ несомнѣнное орудіе труда, не можетъ быть предметомъ частнаго владѣнія, а

¹⁾ Die Quintessenz des Socialismus. Von Dr. A. Schäffle. Gotha, 1885, стр. 4 и др.

домъ, служащій для жилья, можетъ принадлежать отдѣльному лицу. Экипажъ, употребляемый для частныхъ разѣздовъ и прогулокъ, можетъ имѣть собственника; а тотъ же экипажъ, приспособленный для перевозки пассажировъ или товаровъ, долженъ уже считаться предметомъ коллективнаго владѣнія. Какіе-нибудь столярные или слесарные инструменты—недоступны обладанію отдѣльныхъ лицъ; простой молотокъ становится запретнымъ для частной собственности; нельзя имѣть свой токарный станокъ для развлечения, а роскошную морскую яхту—можно. Изъ поземельныхъ участковъ, причисленныхъ также къ «средствамъ труда», крестьянскія поля не должны находиться во владѣніи воздѣлывающихъ ихъ хозяевъ, а охотничьи парки и сады, не предназначенные для цѣлей производства, могутъ принадлежать частнымъ собственникамъ,—если вообще вся земля не будетъ объявлена «средствомъ труда», независимо отъ пригодности или непригодности къ обработкѣ отдѣльныхъ ея пространствъ, или если принципъ коллективности не будетъ примѣненъ къ ней по другому основанію, независимо отъ узко-промышленныхъ соображеній. Название «средствъ труда», несмотря на свою кажущуюся опредѣленность, не даетъ никакой точки опоры для разграниченія предметовъ, подлежащихъ или не подлежащихъ усвоенію въ частную собственность.

Несостоятельное и неосуществимое само по себѣ, основное практическое положеніе Маркса является совершенно излишнимъ и безцѣльнымъ въ виду болѣе широкаго вывода его о полной замѣнѣ всѣхъ частныхъ капиталовъ однимъ общественнымъ, коллективнымъ капиталомъ, и о водвореніи общественной организаціи производства на мѣсто частной, капиталистической. Понятно, что, при отсутствіи частнаго производства и обращенія товаровъ, не будетъ и частныхъ правъ на продукты, каковы бы они ни были, въ томъ числѣ и на средства труда, машины и орудія. Когда все производство будетъ общественное, то и всѣ продукты безъ изыятія сдѣлаются общественнымъ достояніемъ, и отдѣльныя лица останутся распорядителями только тѣхъ предметовъ потребленія, которые будутъ выдѣляться имъ, соотвѣтственно долѣ ихъ участія въ коллективной производительной работѣ. Этотъ выводъ имѣетъ по крайней мѣрѣ преимущество большей послѣдовательности, внутренней полноты и цѣльности; но и онъ только наружнымъ

образомъ связанъ съ общимъ ходомъ теоретической аргументаціи автора «Капитала». Участіе общественнаго элемента въ частномъ капиталистическомъ производствѣ, общественный характеръ труда при соединеніи многихъ рабочихъ подъ руководствомъ предпринимателей-капиталистовъ, общественныя формы и условія самыхъ предпріятій при современной организаціи кредита, господство крупныхъ акціонерныхъ компаній и банковъ, орудующихъ сосредоточенными массами чужихъ капиталовъ, и наконецъ, важность интересовъ трудящагося населенія, подвластнаго промышленнымъ хозяевамъ,—все это оправдываетъ и вызываетъ болѣе дѣятельный общественный контроль и болѣе строгое и систематическое вмѣшательство государственной власти съ цѣлью возстановленія и поддержанія равновѣсія между трудомъ и капиталомъ, ограниченія произвольной эксплуатаціи одного общественнаго класса другимъ и обузданія хищничества въ разныхъ его видахъ. Но справедливое разграниченіе противоположныхъ интересовъ, охрана слабыхъ противъ сильныхъ и забота объ экономической будущности народа нисколько не приводятъ къ тому, чтобы частныя права были всецѣло поглощены публичными. Обществу должно принадлежать то, что есть прямой результатъ общественной; но идти дальше этого, отнимать у личности плоды ея частныхъ усилій, налагать руку на всю индивидуальность человѣка въ области экономической дѣятельности, ради устраненія недостатковъ и злоупотребленій существующаго промышленнаго строя,—это значило бы, по нѣмецкой пословицѣ: «выбросить ребенка изъ ванны, выливая изъ нея воду»...

И здѣсь, какъ и во многомъ другомъ, бросается въ глаза явное несоотвѣтствіе между логическими посылками и заключеніями: вмѣсто новаго, болѣе цѣлесообразнаго размежеванія экономическихъ правъ и интересовъ, вытекающаго изъ анализа промышленной жизни, предлагается простая конфискація, уничтоженіе однихъ правъ въ пользу другихъ. Выводъ является откуда-то извнѣ, независимо отъ данныхъ промышленной исторіи и отъ фактическихъ условій современности; крайне сложная и трудная задача не разрѣшается, а замѣняется другою, повидимому болѣе легкою и простою, безъ всякой даже попытки разумно объяснить дѣлаемый скачокъ въ сторону. Регулированіе частной промышленности и упраздненіе ея—двѣ вещи совершенно различныя, не

имѣющія между собою ничего общаго, и смѣшеніе ихъ ничѣмъ не обосновано у Маркса. Общественныя формы частныхъ предпріятій, какъ мы имѣли уже случай замѣтить, скорѣе усиливаютъ, чѣмъ ослабляютъ значеніе частныхъ интересовъ въ обществѣ, умножая число отдѣльныхъ вкладчиковъ и участниковъ промышленныхъ дѣлъ; поэтому развитіе коллективнаго начала въ организаціи частной промышленности вовсе не означаетъ и не предвѣщаетъ замѣны частныхъ экономическихъ правъ общественными,—такъ какъ соединеніе многихъ мелкихъ капиталистовъ въ одну крупную компанію далеко не равносильно отреченію ихъ отъ своихъ отдѣльныхъ капиталовъ въ пользу всего общества. Мнимый постепенный переходъ отъ частной капиталистической формы производства къ общественно-коллективной есть только соблазнительная фикція, построенная на произвольной игрѣ словами и понятіями. Съ другой стороны, если такая радикальная метаморфоза постепенно совершается въ дѣйствительности и если все промышленное развитіе народовъ есть послѣдовательный переходъ отъ одной экономической формы къ другой, какъ утверждаетъ Марксъ, то возможно ли совмѣстить съ этимъ указаніе его на неизбежность предстоящаго будто бы насильственнаго переворота для устраненія капитализма? И въ этомъ пунктѣ практическая программа расходится съ теоріею.

Наконецъ, дается ли авторомъ «Капитала» хотя бы тѣнь доказательства въ пользу того, что ожидаемое имъ торжество рабочаго класса приблизитъ человѣчество къ осуществленію желаннаго экономического идеала? Переворотъ долженъ совершиться, по Марксу, не во имя защиты человѣческихъ правъ трудящагося большинства и не во имя улучшенія его матеріальнаго быта,—ибо эта защита и это улучшеніе вполне достижимы при современномъ промышленномъ строѣ, какъ убѣждаютъ примѣры участія рабочихъ въ прибыляхъ предпріятій, успѣшные опыты Роберта Оуэна, кооперативныхъ обществъ и т. п. Переворотъ, по Марксу, долженъ увеличить доходы рабочихъ соотвѣтственно количеству ихъ труда, такъ, чтобы, напр., англійскій или американскій работникъ получалъ не 300 или 400, а 600 или болѣе рублей въ годъ, работая не десять и не двѣнадцать, а восемь или меньше часовъ въ день, т.-е., чтобы достигнута была перемѣна, къ которой и безъ того все болѣе приближается положеніе англійскихъ

и американских рабочих при помощи мирных и законных средств борьбы. Условия и продолжительность труда в частной промышленности регулируются все лучше и вѣрнѣе, при постоянномъ воздѣйствіи общественнаго мнѣнія и законодательства, и если дѣло идетъ только о повышеніи доходовъ рабочихъ съ 400 до 600 или тысячи рублей, т.-е. до уровня буржуазнаго благосостоянія и довольства, то подобная цѣль, повторяемъ, не заключается въ себѣ ничего возвышеннаго и никогда не будетъ достаточнымъ мотивомъ для коренныхъ социальныхъ преобразованій. Что же касается массы незанятыхъ или избыточныхъ рабочихъ, то вопросъ объ обеспеченіи ихъ участи не разрѣшается и даже не затрогивается строго-последовательнымъ проведеніемъ трудового принципа Маркса,—и общая судьба пролетаріата остается слѣдовательно ни при чемъ ¹⁾.

Въ своихъ практическихъ стремленіяхъ въ области рабочаго вопроса Марксъ столкнулся съ Лассалемъ, организаторомъ соціально-демократической партіи въ Германіи. Лассаль былъ выше Маркса по общей даровитости и богатству своей натуры; онъ былъ также болѣзненно самолюбивъ и свысока смотрѣлъ на толпу, которую предстояло ему увлечь и завоевать силою своей энергіи и таланта; но онъ обладалъ блестящими личными качествами и тѣми свойствами политическаго бойца, которыя выдѣляютъ людей, призванныхъ творить исторію. Въ короткій срокъ своей лихорадочной практической дѣятельности, въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, Лассаль, можно сказать, создалъ нѣмецкую рабочую демократію, далъ ей жизнь и программу, указалъ весь ходъ ея дальнѣйшаго движенія и развитія. Съ замѣчательною дальновидностью онъ поставилъ политическія цѣли впереди экономическихъ, чтобы прежде всего обезпечить законное вліяніе и роль рабочаго класса въ политической дѣятельности и въ законодательствѣ страны. Если въ настоящее время представители

¹⁾ Насколько значителенъ процентъ незанятыхъ работою бѣдняковъ въ наиболѣе крупныхъ промышленныхъ центрахъ, можно видѣть изъ новѣйшихъ статистическихъ описаній Лондона: бѣдныя, постоянно нуждающіяся семьи составляютъ болѣе 30% всего лондонскаго населенія; въ 37 частяхъ года, заключающихъ въ себѣ въ совокупности 1.179.000 жителей, процентъ нищихъ нигдѣ не ниже 40%, а въ нѣкоторыхъ онъ превышаетъ 60% (по даннымъ Ч. Бутса).

нѣмецкихъ рабочихъ образуютъ въ парламентѣ сильную и тѣсно сплоченную политическую партію, съ которою приходится постоянно считаться правительству, то этимъ они обязаны главнымъ образомъ настойчивымъ усиліямъ и организаторскому искусству Лассалья. Марксъ не могъ простить ему ни его быстрыхъ практическихъ успѣховъ, ни его склонности къ неизбѣжнымъ компромиссамъ на почвѣ народно-хозяйственной политики. Лассаль, какъ и Родбертусъ, стоялъ на почвѣ національной государственности; онъ не пренебрегалъ содѣйствіемъ прусскаго правительства для достиженія извѣстныхъ практическихъ результатовъ, благоприятныхъ для рабочаго класса, тогда какъ Марксъ неуклонно держался своихъ старыхъ революціонныхъ идей. Стоя во главѣ международнаго общества рабочихъ въ Лондонѣ и опираясь на авторитетъ, связанный съ этимъ наблюдательнымъ постомъ, Марксъ имѣлъ возможность навязывать свою программу континентальнымъ дѣятелямъ рабочаго движенія, и мало-по-малу его взгляды приняты были въ руководство передовыми социалистическими группами въ западной Европѣ. Послѣ смерти Лассалья, рабочая партія въ Германіи отчасти подчинилась воззрѣніямъ Маркса и усвоила его принципы. Теоретическая непримиримость Маркса возбуждала больше довѣрія, чѣмъ гибкая парламентская тактика приверженцевъ Лассалья.

На съѣздѣ нѣмецкихъ социалистовъ въ Готѣ, въ маѣ 1875 года, оба направленія слились въ одно, и совмѣстно выработанная тогда программа сдѣлалась руководящею для всей германской соціально-демократической партіи. Рядомъ съ требованіями и заявленіями, соотвѣтствующими идеямъ Маркса, включено въ эту программу и много такого, что вытекало изъ идей и разсужденій Лассалья. Это обстоятельство побудило Маркса выразить свое негодованіе въ ѣдкой критикѣ постановленій, обсуждавшихся въ Готѣ, — критикѣ, адресованной къ одному изъ тогдашнихъ руководителей партіи и обнародованной только въ 1891 году въ журналѣ «Neue Zeit». Раздраженіе противъ давно умершаго Лассалья сказывается здѣсь въ каждой строчкѣ. Вся программа представляется Марксу «негодною и деморализующею», вслѣдствіе попавшихъ въ нее фразъ и «словечекъ» Лассалья. По мнѣнію Маркса, не слѣдовало вступать въ сдѣлку на почвѣ принциповъ, а надо было ограничиться просто соглашеніемъ для дѣйствія

противъ общаго врага. «Вожди лассалистовъ пришли потому, что ихъ принудили къ тому обстоятельства. Если бы имъ объявить съ самаго начала, что не допускается никакого торга принципами (Principienschacher), то они должны были бы довольствоваться программой дѣйствія или планомъ организациі для совмѣстнаго дѣйствія. Въмѣсто того, имъ позволяютъ явиться вооруженными полномочіями и признаютъ эти полномочія обязательными; такимъ образомъ, сдаются на милость или немилость нуждающимся въ помощи. Въ довершеніе всего, они устраиваютъ свой конгрессъ передъ конгрессомъ соглашенія, тогда какъ собственная партія (т.-е. приверженцевъ Маркса) собирается на отдѣльный съѣздъ только послѣ заключенія компромисса. Извѣстно, какъ удовлетворяетъ рабочихъ самый фактъ объединенія, но ошибаются, если думаютъ, что этотъ минутный успѣхъ не купленъ слишкомъ дорогою цѣною. Впрочемъ, программа никуда не годится, даже независимо отъ освященія символовъ вѣры Лассалья».

Какъ характерны эти рѣчи въ устахъ проповѣдника радикальнаго общественнаго обновленія! Онъ «не позволилъ бы» соперникамъ явиться съ полномочіями, отвергъ бы ихъ мандаты, запретилъ бы имъ собираться на предварительный конгрессъ и заставилъ бы ихъ подчиниться безусловно, на милость или немилость, при содѣйствіи благопріятныхъ обстоятельствъ. Нужно замѣтить, что безспорное численное превосходство было на сторонѣ лассалистовъ, которыми было представлено до 15 тысячъ тщательно провѣренныхъ противниками полномочій, между тѣмъ какъ марксисты не могли представить болѣе 9 тысячъ;— слѣдовательно, Марксъ предполагалъ поступить круто съ большинствомъ, пользуясь его потребностью въ соглашеніи и прибѣгая къ мѣрамъ давленія, заимствованнымъ изъ арсенала политической тактики Бисмарка. Злоба и нетерпимость къ несогласно мыслящимъ, соперничество изъ-за власти, стремленіе унижить, подчинить и обойти—не противниковъ, а единомышленниковъ, претендующихъ на тѣнь самостоятельности, притомъ накануне соединенія съ ними для совмѣстной дѣятельности,—все это цѣликомъ переносится Марксомъ въ организацию, имѣющую обновить старое общество и очистить его отъ традиционныхъ грѣховъ и недуговъ. Провозвѣстникъ новаго соціального строя повторяетъ тѣ же рецепты и пріемы, какіе искони вѣковъ практиковались

заурядными политическими дѣятелями и честолюбцами, стремившимися къ достиженію личныхъ цѣлей подъ предлогомъ заботъ объ общемъ благѣ. Отношеніе Маркса къ Лассалю и его приверженцамъ тѣмъ болѣе поучительно, что ихъ не раздѣляютъ никакія принципиальныя несогласія, и что въ сущности обѣ стороны держатся однихъ и тѣхъ же экономическихъ взглядовъ и идеаловъ. Лассаль дѣйствовалъ болѣе откровенно и смѣло, чѣмъ Марксъ, не покидавшій своего надежнаго лондонскаго прикрытія, за кулисами интернаціоналки; онъ имѣлъ дѣло непосредственно съ живыми и впечатлительными рабочими массами, которымъ надо было предложить не теорію и не утопію, а нѣчто реальное, всѣмъ понятное и доступное. Одною перспективою переворота, предстоящаго въ неопредѣленномъ будущемъ, нельзя было увлечь толпу, къ которой обращался Лассаль; онъ самъ, въ письмахъ къ Родбертусу, объяснялъ нѣкоторыя свои заявленія и требованія практической необходимостью удовлетворить ожиданія «черни» (Mob),—такъ какъ онъ не отрещивался еще отъ «пролетаріевъ въ лохмотьяхъ» (Lumpenproletarier), подобно позднѣйшимъ вождямъ социаль-демократіи. Лассаль доказывалъ рабочимъ, что они не могутъ достигнуть улучшенія своего матеріальнаго быта безъ кореннаго преобразованія современныхъ условій производства; онъ ссыался при этомъ на мнимый «железный законъ заработной платы», неуклонно понижающій послѣднюю до уровня необходимыхъ средствъ существованія, — законъ, признаваемый всѣми экономистами классической школы и наиболѣе послѣдовательно разъясненный Миллемъ. Марксъ доказывалъ то же самое, хотя не говорилъ о «железномъ законѣ». Лассаль предлагалъ добиваться содѣйствія государства для повсемѣстнаго устройства кооперативныхъ обществъ, въ которыхъ рабочіе были бы сами хозяевами, — въ видѣ переходной стадіи къ полному измѣненію всего существующаго промышленнаго и общественнаго порядка. Какъ извѣстно, Бисмаркъ обнаруживалъ готовность сойтись съ нимъ на этой почвѣ, чтобы нанести ударъ ненавистой оппозиціонной буржуазіи. И Марксъ доказывалъ превосходство кооперативныхъ рабочихъ обществъ передъ индивидуалистическими предпріятіями и усматривалъ переходную стадію къ упраздненію капитализма не только въ этихъ рабочихъ промышленныхъ союзахъ, но даже въ нынѣшнихъ акціонерныхъ компаніяхъ. Лассаль, какъ

и Марксъ, выставляялъ на первый планъ тотъ практической тезисъ, что рабочимъ долженъ принадлежать весь продуктъ ихъ труда, безъ всякихъ вычетовъ въ пользу капиталистовъ. Тѣмъ не менѣ Марксъ особенно обрушился на своихъ нѣмецкихъ сторонниковъ, съ Либкнехтомъ во главѣ, за допущеніе въ Готской программѣ параграфовъ, упоминающихъ о желѣзномъ законѣ заработной платы, о производительныхъ рабочихъ ассоціаціяхъ и о принадлежности рабочему всего продукта труда, безъ вычета. Въ дѣйствительности всѣ сознавали, что эти словесныя уступки лассалистамъ не имѣли серьезнаго значенія, что идеи Лассаля, несмотря на численный перевѣсъ его приверженцевъ, потерпѣли совершенное фіаско на конгрессѣ 1875 года, и что на дѣлѣ восторжествовалъ непримиримый, отвлеченно-доктринерскій марксизмъ. Но Марксъ не прощалъ и кажущихся формальныхъ уступокъ, когда онѣ сдѣланы сопернику, хотя бы и мертвому. Онъ возстаетъ противъ отдѣльныхъ словъ и фразъ, переворачиваетъ ихъ на всѣ лады, придирается къ каждой мелочи и съ обычною безцеремонностью высказываетъ явно противорѣчивыя утвержденія, будучи увѣренъ заранѣе, что поклонники не замѣтятъ этихъ противорѣчій или найдутъ въ нихъ только новыя доказательства его глубокомыслія. Въ программѣ, наприимѣръ, сказано: «средства труда составляютъ въ современномъ обществѣ монополію класса капиталистовъ; вызываемая этимъ зависимость рабочаго класса есть причина бѣдствій и рабства во всѣхъ формахъ». Это положеніе несомнѣнно списано у Маркса и не должно бы, казалось, вызывать его критику. Однако, Марксъ возражаетъ: «тезисъ, заимствованный изъ международнаго статута, невѣренъ въ этомъ исправленномъ своемъ изданіи;—въ современномъ обществѣ средства труда составляютъ монополію поземельныхъ собственниковъ и капиталистовъ. Международный статутъ (т.-е. статутъ международнаго общества рабочихъ) въ соотвѣтственномъ мѣстѣ не называетъ ни того, ни другого класса монополистовъ; онъ говоритъ о «монополіи средствъ труда, т.-е. источниковъ жизни» (?). Прибавка: «источниковъ жизни»—показываетъ достаточно ясно, что земля включена въ понятіе «средствъ труда» (т.-е. отнесена къ одной категоріи съ ткацкимъ станкомъ и швейной машинкой). Измѣненіе сдѣлано потому, что Лассаля, по общеизвѣстнымъ теперь мотивамъ, напалъ только на классъ капиталистовъ, а не землевладѣльцевъ».

Итакъ, Лассаль старался выгородить поземельныхъ собственниковъ, въ виду секретныхъ сношеній съ Бисмаркомъ, и этимъ объясняется будто бы умолчаніе о землевладѣніи въ приведенной фразѣ, взятой цѣликомъ изъ «Капитала» Маркса. Но въ другомъ параграфѣ, который приводится далѣе, и который въ самомъ дѣлѣ имѣетъ прямую связь съ идеями Лассаля, говорится вполне ясно, что «производительныя ассоціаціи должны быть устроены для промышленности и земледѣлія въ такомъ объемѣ, чтобы изъ нихъ возникла социалистическая организація совокупнаго общественнаго труда»; значить, земледѣліе и землевладѣніе входятъ въ кругъ постепеннаго общаго преобразованія, на равныхъ правахъ съ промышленностью, и слѣдовательно ни о какомъ желаніи выгородить землевладѣльцевъ «по общеизвѣстнымъ теперь причинамъ» не можетъ быть и рѣчи. Ядовитый намекъ Маркса наглядно опровергается тутъ же рядомъ, и это нисколько не оставяетъ автора «Капитала». Добросовѣстность въ полемикѣ не относится къ числу его принциповъ.

Далѣе, во главѣ программы было поставлено положеніе: «трудъ есть источникъ всякаго богатства и всякой культуры, и такъ какъ полезная работа возможна только въ обществѣ и черезъ общество, то продуктъ работы принадлежитъ безъ урѣзкокъ, на одинаковомъ правѣ, всѣмъ членамъ общества». Трудъ,—возражаетъ Марксъ,—«не есть источникъ всякаго богатства; природа есть такъ же точно источникъ потребительныхъ цѣнностей (а изъ нихъ только и состоитъ вещественное богатство), какъ и трудъ, который самъ есть только проявленіе природной силы—человѣческой рабочей силы». Объ этомъ, правда, говорится не разъ и въ «Капиталѣ»; но первая слова этой книги опредѣляютъ богатство, какъ «собраніе товаровъ», а товары суть мѣновыя цѣнности, произведенныя исключительно трудомъ, такъ что въ своемъ собственномъ вступительномъ опредѣленіи Марксъ оставилъ безъ вниманія даровыя силы природы. Программа принимаетъ это опредѣленіе Маркса, а онъ нападаетъ на нее за то, что она повторила неточность, допущенную имъ же самимъ въ первыхъ строкахъ «Капитала». Въ практической программѣ не было, впрочемъ, и повода вдаваться въ разсужденія, обязательныя въ теоретическомъ трактатѣ.

Выводъ о принадлежности продукта всѣмъ членамъ общества

рѣзко критикуется Марксомъ. «Всѣмъ членамъ общества и слѣдовательно также не работающимъ?»—спрашиваетъ онъ.—Гдѣ же остается тогда «не урѣзанный продуктъ труда»? Или только работающимъ? Тогда нѣтъ «равнаго права» всѣхъ членовъ общества. «Всѣ члены общества» и «равное право»—очевидно, только простые обороты рѣчи. Сущность въ томъ, что каждый рабочій долженъ получать Лассалевскій «не урѣзанный продуктъ труда». Но,—поясняетъ авторъ,—«вычеты неизбежны—на расширение производства, на составленіе резерва и запаснаго фонда, на общественныя потребности» и т. д. Понятно, что не эти вычеты разумѣлъ Лассаль подъ «урѣзками», которымъ подвергается продуктъ въ пользу капиталиста. Въ новомъ обществѣ, по Марксу, «отдѣльный производитель получаетъ обратно, послѣ вычетовъ, въ точности столько же, сколько даетъ обществу. Онъ далъ ему свое индивидуальное количество работы. Напримѣръ, общественный рабочій день состоитъ изъ суммы индивидуальныхъ рабочихъ часовъ; рабочее время отдѣльнаго производителя представляетъ доставленную имъ часть общественнаго рабочаго дня, его долю въ немъ. Онъ получаетъ отъ общества удостовѣреніе, что онъ доставилъ столько-то работы (за вычетомъ его труда для общественнаго фонда), и по этому свидѣтельству ему выдается изъ общественнаго запаса предметовъ потребленія такое количество продуктовъ, которое заключаетъ въ себѣ одинаковую сумму труда. То же самое количество работы, которое онъ далъ обществу въ одной формѣ, получается имъ обратно въ другой» (т.-е. безъ урѣзокъ, какъ по Лассалю?).

По мнѣнію Маркса, изъ тезиса о трудѣ, выставленнаго программу, вытекало логически слѣдующее заключеніе: «такъ какъ трудъ есть источникъ всякаго богатства, то въ обществѣ никто не можетъ присвоить себѣ богатство иначе, какъ въ видѣ продукта работы. Поэтому, если человѣкъ самъ не работаетъ, то онъ живетъ чужимъ трудомъ и присвоиваетъ себѣ также свою культуру на счетъ чужого труда». Что можно извлечь на практикѣ изъ этого азбучнаго правила мѣщанской мудрости, возведеннаго на степень безусловнаго руководящаго принципа? Вѣдь и женщины и дѣти, старики и слабые, болѣзненные люди живутъ на счетъ чужой работы. Что же изъ этого слѣдуетъ? Какая польза обществу отъ того, что люди, неспособные почему-либо къ про-

изводительному труду, будутъ всегда помнить и сознавать, что жить на чужой счетъ?

Марксъ вообще избѣгаетъ положительныхъ указаній относительно будущаго хозяйственнаго строя; но въ приведенныхъ выше словахъ онъ нарисовалъ маленькій уголокъ картины этого заманчиваго будущаго. Истинными, полноправными членами новаго общества будутъ только ремесленники, фабричные и заводскіе рабочіе, мастеровые и земледѣльцы, доставляющіе опредѣленное количество часовъ ежедневной работы; для представителей другихъ формъ труда и другихъ интересовъ, кромѣ матеріальныхъ, нѣтъ мѣста въ этомъ обществѣ,—они могутъ существовать только вычетами изъ чужой работы, въ зависимости отъ доброй воли и милости трудящихся. Кто не участвуетъ въ производствѣ матеріальныхъ цѣнностей, тотъ не имѣетъ самостоятельнаго права на существованіе; ученые дѣятели, писатели, художники, артисты, будутъ получать средства къ жизни только въ томъ случаѣ, если будутъ употреблять свое рабочее время въ мастерскихъ, на фабрикахъ и заводахъ, или если ихъ спеціальныя занятія будутъ признаны достойными вознагражденія со стороны общества. Какъ и во всѣхъ социальныхъ утопіяхъ, здѣсь происходитъ элементарная, вполне безыскусственная игра отвлеченнымъ понятіемъ объ обществѣ. Какое общество будетъ распредѣлять жизненные блага между своими членами? Сельское, городское, національно-политическое или общечеловѣческое? Съ точки зрѣнія Маркса, надо думать, что общечеловѣческое, т.-е. что нѣмцы, французы, англичане, американцы, русскіе и всѣ другіе культурные народы образуютъ одну рабочую организацію, которая водворитъ новый экономическій и общественный порядокъ на землѣ. Кто будетъ дѣйствовать отъ имени этого общества или человѣчества? Какъ обезпечить контроль для провѣрки количества работы, исполненной или заявленной въ качествѣ исполненной каждымъ изъ милліоновъ человѣческихъ существъ? Отъ имени общества будутъ, конечно, распоряжаться, разрѣшать спорные вопросы и принимать необходимыя мѣры какіе-нибудь выбранные представители или уполномоченные, которые, въ свою очередь, будутъ располагать арміею второстепенныхъ агентовъ и исполнителей ¹⁾. Чѣмъ же эти

¹⁾ Фурье вычислилъ или, вѣрнѣе, опредѣлилъ а priori (въ 1822 г.), что такихъ агентовъ и управляющихъ потребуется всего 4.342,188; но съ того

уповноважені і агенти будуть відличатися по існуванню від суцільних представителів сучасного типу, які, як відомо, ні в одній країні світу не втілюють собою ідеалу безкорисного служіння інтересам суспільства? Можливо ли передположити, що майбутні довірливі люди, розпорядителі і агенти так званого суспільства будуть вільними від людських слабкостей, увлечень, інстинктивних і страстей, які не чужі навіть пророкам цього майбутнього, Марксу, Ласалю і їх приверженцям? Чи природа людей зміниться, і всюди восторжествує єдина добродітель продуктивної роботи, без обману і лжі, без страстей і пороков?

Безполезно ховати від себе той загальний факт, що колективність, виходячи за відомі обмежені межі, служить звичайно лише прикриттям для індивідуальної волі, енергії і честолюб'я окремих осіб. Ніяка толпа сама по собі не досягне визначених цілей; толпу потрібні керівники, вожаки, без яких вона безсила. Робоча партія, що стоїть за колективний принцип, всюди підкоряється окремим особам; німецька соціально-демократія отримала свої керівні ідеї від Ласала і Маркса, а потім пішла покірно за Бебелем і Лібкнехтом, як за диктаторами робітничого руху. Колективність сплош і поряд переходить в індивідуальне панування, і доля її залежить в кінці кінців від добродітелі розпоряджуваних осіб; а добродітель — шатке підґрунтя для соціальної реформи. В економічній області важко, чим в якійсь іншій, розраховувати на викоренення егоїзму; всі промислові успіхи, винаходи і удосконалення створюються особами, а не толпою, і тому особа завжди буде панувати; хоча б і під фірмою колективності. А де особа пригнічена, там шукають джерела життя.

Маркс навіть не підходить до цих і багатьох інших вимог, породжуваних його мнимими науковими передбаченнями, і, вкотре, його планом мещанського оновлення сучасного су-

часу населення культурних країн настільки зросло і промислова діяльність в такій мірі розрослася, що тепер ця цифра виявилася б занадто незначущою.

ства; онъ умышленно оставляетъ въ полномъ туманѣ наиболѣе существенные пункты программы, — ибо онъ безъ сомнѣнія чувствовалъ и понималъ, что первый приступъ къ точному практическому ихъ обсужденію сразу разрушитъ иллюзію осуществимости предложеннаго имъ идеала. Какъ бы ни отрицали это поклонники и послѣдователи Маркса, вѣрящіе въ строгую научность его разсужденій и выводовъ, онъ все таки создалъ простую утопію, вульгарную по существу и приспособленную къ ограниченному кругозору заурядныхъ рабочихъ, къ понятіямъ и мечтаніямъ людей, для которыхъ высшій идеалъ заключается въ полученіи возможно большаго количества продуктовъ за исполняемую каждымъ работу.

XIII.

Вліяніе Маркса на нѣмецкую соціалъ-демократію. — Эрфуртская программа и ея внутреннія противорѣчія. — Декларация «независимыхъ». — Заключительная оцѣнка доктрины и программы Маркса.

Предложивъ неясную и соблазнительную для рабочихъ утопію подъ видомъ практической программы, Марксъ достигъ большаго успѣха, какъ вдохновитель и руководитель рабочей партіи; но онъ наложилъ печать бесплодія на всю дѣятельность этой партіи въ Германіи, навязавъ ей отреченіе отъ всякихъ реформаторскихъ стремленій и попытокъ, въ ожиданіи неопредѣленнаго будущаго, которое должно доставить торжество новымъ началамъ соціального быта. Нѣмецкая соціальная демократія прибрѣла значительное вліяніе въ области политической жизни; но она не принимала никакого активнаго участія въ народно-хозяйственныхъ реформахъ и улучшеніяхъ, не выступала въ парламентѣ съ своими законодательными проектами и довольствовалась лишь поддержкою или отрицаніемъ мѣръ, которыя предлагались правительствомъ или другими партіями. Эта практическая бесплодность германской соціалъ-демократіи въ сферѣ важнѣйшихъ экономическихъ вопросовъ, касающихся рабочаго класса, — особенно поразительная въ сравненіи съ дѣятельностью англійскихъ рабочихъ орга-

низаций, — представляет одинъ изъ наиболѣ замѣтныхъ и безспорныхъ результатовъ, достигнутыхъ Марксомъ и его приверженцами въ Германіи.

Вѣрные Марксу вожди социаль-демократіи вели упорную борьбу противъ всего социальнаго законодательства германской имперіи съ 1881 года, и только послѣ того какъ проведены были въ жизнь главные правительственные проекты въ пользу рабочихъ, партія Либкнехта и Бебеля рѣшила включить въ свою программу положительныя требованія, имѣющія связь съ современнымъ положеніемъ рабочаго вопроса. На съѣздѣ въ Эрфуртѣ, въ октябрѣ 1891 года, принята была программа, которая съ одной стороны воспроизводитъ общія идеи Маркса, уже безъ всякой примѣси взглядовъ Лассаля, а съ другой—устанавливаетъ довольно скромныя практическіе принципы, совершенно расходящіеся съ этими идеями. Эрфуртская программа гласитъ:

«Экономическое развитіе гражданскаго общества необходимо приводитъ къ гибели мелкаго промысла, основой котораго служить частная собственность работника на средства производства. Оно отдѣляетъ рабочаго отъ его средствъ производства и превращаетъ его въ неимущаго пролетарія, тогда какъ средства производства (т.-е. обладаніе ими) дѣлаются монополією сравнительно небольшого числа капиталистовъ и крупныхъ землевладѣльцевъ. Рука объ руку съ этимъ монополизированіемъ средствъ производства идетъ вытѣсненіе разрозненныхъ мелкихъ промысловъ крупнымъ производствомъ, достигающимъ колоссальныхъ размѣровъ, превращеніе орудія въ машину, исполинскій ростъ производительности человѣческаго труда. Но всѣ преимущества такого превращенія монополизированы капиталистами и крупными землевладѣльцами. Для пролетаріата и погибающихъ среднихъ слоевъ—мелкихъ промышленниковъ, крестьянъ,—они означаютъ возрастающее усиленіе необеспеченности существованія, усиленіе нужды, гнета, порабощенія, униженія, эксплуатаціи. Все больше становится число пролетаріевъ, все громаднѣе—армія излишнихъ рабочихъ, все рѣзче противоположность между эксплуататорами и эксплуатируемыми, все ожесточеннѣе классовая борьба между буржуазією и пролетаріатомъ, раздѣляющая современное общество на два враждебные лагеря и составляющая общую отличительную черту всѣхъ промышленныхъ странъ. Пропасть между владѣющими и неимущими еще расширяется кризисами, коренящимися въ существѣ капиталистическаго способа производства; эти кризисы дѣлаются все болѣе обширными и разрушительными, возводятъ всеобщую необеспеченность на степень нормальнаго состоянія общества и представляютъ доказательство того, что производительныя силы превысили мѣру возможности для современнаго общества, что частная собственность на средства производства сдѣлалась несовмѣстимою съ ихъ цѣлесообразнымъ примѣненіемъ и полнымъ развитіемъ. Частная собственность на

средства производства, служившая некогда способом обеспечения за производителем права собственности на его продукт, сдѣлалась теперь средством экспроприровать крестьянъ, ремесленниковъ и мелкихъ торговцевъ и доставлять не-работникамъ — капиталистамъ, крупнымъ землевладѣльцамъ, — обладание продуктами рабочихъ. Только превращеніе капиталистической частной собственности на средства производства — на землю, рудники и копи, сырые материалы, орудія (Werkzeuge), машины, средства сообщеній, — въ общественную собственность и преобразование товарнаго производства въ социалистическое, устроенное для общества и черезъ общество, могутъ привести къ тому, чтобы крупное производство и постоянно возрастающая производительность общественного труда сдѣлались изъ источника горя и угнетенія для эксплуатируемыхъ нынѣ классовъ источникомъ высшаго благосостоянія и всесторонняго гармоническаго усовершенствованія. Это общественное преобразование означаетъ освобожденіе не только пролетаріата, но всего человѣческаго рода, страдающаго отъ нынѣшнихъ порядковъ; но оно можетъ быть только дѣломъ рабочаго класса, такъ какъ всѣ другіе классы, несмотря на взаимные споры изъ-за различія интересовъ, стоятъ на почвѣ частной собственности относительно средствъ производства и имѣютъ своею общеою цѣлью сохраненіе основъ современнаго общества. Борьба рабочаго класса противъ капиталистической эксплуатаціи есть по необходимости политическая борьба. Рабочій классъ не можетъ вести свою экономическую борьбу и развивать свою экономическую организацію безъ политическихъ правъ. Онъ не можетъ содѣйствовать переходу средствъ производства въ общественное владѣніе, не овладѣвъ политической властью. Сдѣлать эту борьбу рабочаго класса сознательною и цѣльною и указать ей естественно-необходимую цѣль ея, — такова задача социальнo-демократической партіи. Интересы рабочихъ классовъ одинаковы во всѣхъ странахъ съ капиталистическимъ способомъ производства; съ расширеніемъ міровыхъ сношеній и производства для міроваго рынка, положеніе рабочихъ каждой страны становится болѣе зависимымъ отъ положенія рабочихъ въ другихъ странахъ; освобожденіе рабочаго класса есть поэтому не національная, а социальная задача, въ которой равномѣрно участвуютъ рабочіе всѣхъ культурныхъ странъ. Въ этомъ сознаніи социальнo-политическая партія Германіи чувствуетъ и объявляетъ себя единою съ сознательно классовыми рабочими всѣхъ остальныхъ странъ. Социальнo-демократическая партія борется не за новыя классовыя привилегіи и преимущества, а за упраздненіе классоваго господства и самихъ классовъ и за равныя права и равныя обязанности безъ всякаго различія пола и происхожденія. Въ этой освободительной борьбѣ социальная демократія, какъ представительница не только наемныхъ рабочихъ, но всѣхъ эксплуатируемыхъ и угнетенныхъ, отстаиваетъ всѣ требованія, мѣропріятія и учрежденія, способныя улучшить положеніе народа вообще и рабочаго класса въ частности».

Эта «декларация принциповъ» не отличается ни точностью изложенія, ни послѣдовательностью мысли; она очень далека отъ энергическаго языка Маркса и напоминаетъ скорѣе вялую газет-

ную статью, чѣмъ провозглашеніе руководящихъ началъ дѣятельности такой партіи, какъ рабочая. Изъ существованія разныхъ экономическихъ золь дѣлается выводъ о необходимости изыять средства производства изъ частнаго владѣнія; а къ этимъ средствамъ производства отнесены, на равныхъ правахъ съ землею, не только общедоступныя орудія труда (въ томъ числѣ напр., молотокъ, пила, столярные или слесарные инструменты и т. д.), но и сырые матеріалы, напр., шерсть, хлопокъ, глина, кости, тряпки, употребляемыя для выдѣлки бумаги и т. д.,—все предметы, составляющіе нынѣ будто бы монополію и не подлежащіе смѣшенію съ массою другихъ вещей, относительно которыхъ допускается частная собственность. Какъ быть съ предметами, могущими одинаково служить и для цѣлей производства и для частнаго употребленія,—объ этомъ умалчиваетъ программа. Предлагается ли общественная организація только для производства предметовъ необходимости или для всѣхъ вообще отраслей промышленности, въ томъ числѣ удовлетворяющихъ переменчивымъ потребностямъ вкуса, моды и роскоши, — также неизвѣстно. Будетъ ли возвѣщаемое «единство» рабочихъ всѣхъ странъ распространяться и на общественное производство, или же послѣднее должно быть устроено отдѣльно для каждой страны, а въ этомъ случаѣ какъ совмѣстить упомянутое единство съ неустранимыми различіями или противоположною интересовъ отдѣльныхъ странъ, — объ этомъ тоже не сказано ни слова.

Впрочемъ, оставивъ въ полной неопредѣленности теоретическій идеалъ будущаго хозяйственнаго строя, программа сводитъ задачу партіи въ настоящемъ къ обыкновеннымъ прогрессивнымъ стараніямъ объ улучшеніи быта рабочихъ. «Для охраны рабочаго класса,—говорится въ заключительной части программы, — социальнo-демократическая партія Германіи требуетъ: 1) дѣйствительнаго національнаго и международнаго рабочаго законодательства на слѣдующихъ основаніяхъ: а) установленіе нормальнаго рабочаго дня продолжительностью не болѣе восьми часовъ; 2) запрещеніе промышленной работы для дѣтей моложе 14 лѣтъ; 3) запрещеніе ночной работы, за исключеніемъ такихъ отраслей промышленности, которыя по своей природѣ, по техническимъ основаніямъ или въ интересахъ общественнаго благосостоянія, требуютъ ночной работы; 4) еженедѣльный отдыхъ, продолжающійся

не менше 36 часовъ для каждаго рабочаго; 5) запрещеніе выдачи заработной платы товарами или продуктами, вмѣсто наличныхъ денегъ; 6) надзоръ за всѣми промышленными предпріятіями и регулированіе отношеній по наемной работѣ въ городахъ и селахъ черезъ посредство имперскаго рабочаго вѣдомства, окружныхъ рабочихъ учреждений и рабочихъ палатъ; 7) уравненіе сельскохозяйственныхъ рабочихъ и слугъ съ промышленными рабочими; устраненіе особыхъ правилъ относительно домашней прислуги; 8) обезпеченіе права коалиціи; 9) передача всего рабочаго страхованія въ вѣдѣніе имперской власти, съ руководящимъ участіемъ рабочихъ въ завѣдываніи этимъ дѣломъ». Очевидно, эти требованія были бы вполне возможны и для прогрессистовъ, стоящихъ на почвѣ существующаго порядка вещей, и приведенныя выше общія разсужденія о коренномъ преобразованіи современнаго общества вовсе не были нужны для того, чтобы извлечь изъ нихъ подобные выводы. Партія, возлагающая на имперскія учреждения и ихъ чиновниковъ всѣ обязанности по охранѣ интересовъ рабочаго класса, отрекается этимъ самымъ и отъ теоріи классовой борьбы и отъ принциповъ революціоннаго социализма; она дѣлается оппортунистскою, вопреки заявленной солидарности съ идеями Маркса.

Явное внутреннее противорѣчіе между обѣими частями Эрфуртской программы было причиною раскола среди нѣмецкой социалъ-демократической партіи; отъ послѣдней отдѣлилась небольшая группа «молодыхъ» или «независимыхъ», которые составили свою особую программу. Принципы этой группы изложены въ слѣдующей деклараціи:

«Наша цѣль—хозяйственное и вмѣстѣ съ тѣмъ социальное освобожденіе рабочаго класса. Мы боремся противъ господства и порабощенія во всякой формѣ, какъ противъ матеріальнаго, такъ и противъ духовнаго. Это (т.-е. освобожденіе рабочаго класса) будетъ возможно путемъ отчѣны гражданской частной собственности, особенно путемъ обобществленія средствъ производства. На мѣсто нынѣшняго социальнаго и хозяйственнаго строя станетъ общественная собственность, совмѣстное производство и совмѣстное потребленіе, какъ это вытекаетъ уже изъ тенденціи историческаго развитія. Только эта одна цѣль должна служить основою строго-соціалистическаго движенія. Задача агитаціи—приготовлять къ этому пролетаріатъ, организовать его для освобожденія. Ясно, что движеніе должно быть вполне и насквозь революціонное, такъ какъ нельзя ожидать добровольнаго отреченія буржуазіи. Мы отвергаемъ всякіе компромиссы съ господствующими классами и всякую го-

товность къ соглашенію со стороны рабочихъ. Переговоры и сдѣлки съ буржуазією не соотвѣтствуютъ революціонному движенію пролетаріата. Поэтому мы остаемся противниками законодательно-парламентской дѣятельности; опытъ показалъ, что она неминуемо ведетъ къ развращенію и къ POSSIBILIZACII. Нужно стоять на томъ, что парламентъ есть учрежденіе, посредствомъ котораго буржуазія поддерживаетъ свое владычество надъ пролетаріатомъ. Вынудить или выпросить тамъ что-нибудь для рабочихъ—просто немислимо. Чѣмъ больше развивается гражданское общество, тѣмъ рѣзче выступаютъ классовыя противоположности между буржуазією и пролетаріатомъ. Все болѣе исчезаетъ почва для переговоровъ съ буржуазією, и все сильнѣе должна разгораться классовая борьба. Такимъ образомъ пролетаріатъ все въ болѣе значительной мѣрѣ вынуждается къ чисто-оборонительной тактикѣ по отношенію къ господствующему классу; положительное сотрудничество въ законодательствѣ болѣе чѣмъ когда-либо становится невозможностью. И если когда-либо пролетаріатъ будетъ въ состояніи образовать парламентское большинство, онъ откажется отъ этого, ибо тогда онъ будетъ имѣть возможность достигнуть своей цѣли гораздо болѣе краткимъ путемъ. Промышленно-соціалистическая классовая борьба представляется намъ самой цѣлесообразной формой, въ какой можетъ нынѣ рабочій противостоять буржуазіи. Она держитъ массы въ движеніи, способствуетъ организациі и пропагандѣ, укрѣпляетъ чувство солидарности и ускоряетъ процессъ концентраціи капитала, предоставляя ему уничтожить мелкое производство. Устраненіе мелкой промышленности и мелкаго крестьянскаго хозяйства считаемъ мы однимъ изъ предварительныхъ условій социализма. Хозяйственное развитіе уже справляется съ этимъ, и мы будемъ стараться только ускорять гибель этихъ элементовъ (т.-е. мелкаго производства и крестьянскаго землевладѣнія!). Въ этомъ заключается одинъ изъ важнѣйшихъ отличительныхъ признаковъ, раздѣляющихъ насъ отъ официальной социаль-демократіи. Внутри рабочаго движенія мы будемъ бороться противъ всякой принудительной централизаціи, такъ какъ при этой формѣ устройства полномочія сосредоточиваются въ рукахъ отдѣльныхъ лицъ, и вслѣдствіе того постоянно грозитъ диктатура. Централистское управленіе во всякомъ случаѣ должно сдѣлаться пагубнымъ для самостоятельнаго движенія отдѣльныхъ членовъ (партіи). Мы можемъ одобрить только такую централизацію пролетаріата, которая непринужденно, какъ бы сама собою, вытекаетъ изъ хозяйственнаго развитія и находитъ свое выраженіе въ чувствѣ солидарности рабочихъ. Мы придаемъ большое значеніе развитію собственнаго мышленія и сужденія въ рабочихъ. Только такимъ образомъ можетъ быть уничтожено господство авторитетовъ. И дѣло освобожденія пролетаріата требуетъ самостоятельныхъ характеровъ, крѣпко развившихся индивидуальностей, вполне сознающихъ свои дѣйствія и свою волю и не желающихъ играть роли автоматовъ. Мы стремимся къ самому свободному обмѣну взглядовъ, къ самому широкому обсужденію. Также въ своемъ органѣ печати мы будемъ давать возможность высказываться неограниченно всякому мнѣнію и будемъ избѣгать партійности. Единственно лишь этимъ путемъ можетъ быть достигнуто выясненіе вопросовъ и можетъ развиваться самостоятельность сужденій».

Программа «независимых», оставшихся вѣрными духу и буквѣ ученія Маркса, довольно ярко освѣщаетъ дѣйствіе этого ученія на умы представителей рабочаго класса: люди, считающіе себя защитниками правъ труда противъ капитала, серьезно заявляютъ, что они должны отрицательно относиться къ законодательнымъ мѣрамъ въ пользу рабочихъ и въ то же время активно способствовать сосредоточенію капиталовъ и гибели крестьянскаго землевладѣнія и мелкой народной промышленности!

И такъ, въ практическомъ отношеніи доктрина Маркса приводитъ или къ неправдоподобной и неосуществимой утопіи, или къ особому эволюціонному фатализму, выражающемуся въ безплодномъ ожиданіи будущихъ стадій экономическаго развитія; въ томъ и другомъ случаѣ она направляетъ рабочій классъ на ложную дорогу. Относя всѣ результаты современной промышленной производительности къ простому наемному труду, эксплуатируемому капиталистами, и отрицая всякое самостоятельное право другихъ дѣятелей производства на участіе въ доходахъ промышленныхъ предпріятій, она исключаетъ возможность соглашенія между трудомъ и капиталомъ и безцѣльно обостряетъ борьбу классовъ. Людямъ, не имѣющимъ ничего или почти ничего, она обѣщаетъ *все*; она предполагаетъ господство мускульнаго труда надъ умственнымъ, исполнительнѣйшей работы надъ устройственнѣйшей, механической рутинѣйшей работой рабочихъ массъ — надъ предприимчивостію, изобрѣтательностію и организаторскимъ искусствомъ отдѣльныхъ лицъ. Изъ теоріи вытекаетъ требованіе, чтобы часть дохода, называемая нынѣ прибылью, принадлежала всецѣло рабочимъ, непосредственно участвующимъ въ производствѣ; слѣдовательно, посторонніе или вообще незанятые рабочіе не могутъ претендовать на какую-либо долю въ продуктѣ, произведенномъ безъ ихъ участія, такъ что точное примѣненіе теоретическихъ началъ Маркса нисколько не разрѣшило бы рабочаго вопроса и обезпечило бы лишь нѣкоторую часть трудящихся. Предоставленіе всѣмъ вообще рабочимъ или всему пролетаріату матеріальныхъ выгодъ, доставляемыхъ производительнымъ трудомъ, что требуется практическою программой Маркса, — есть уже нѣчто произвольное и искусственное, вовсе не связанное съ сущностью его доктрины; эта мысль, напоминающая старую идею о правѣ на трудъ, переходитъ затѣмъ въ принципъ всеобщей рабочей повинности, ко-

торый также придуманъ независимо отъ какого бы то ни было анализа экономическихъ явленій. Имѣя въ виду преимущественно фабрично-заводскую промышленность и занятыхъ въ ней рабочихъ, теорія очень невнимательно относится къ вопросамъ землевладѣнія и земледѣлія; она не дѣлаетъ различія между поземельными правами крестьянъ, обрабатывающихъ землю собственнымъ трудомъ, и владѣльческими правами лордовъ, а отвергаетъ огуломъ всякія вообще поземельныя права, кромѣ промышленныхъ, — чѣмъ становится въ разрѣзъ съ жизненными интересами крестьянства. Когда въ Германіи сдѣлана была попытка примирить социальную-демократическую программу съ интересами крестьянскаго землевладѣнія, то вѣрные марксисты, въ родѣ Каутскаго, сочли это великою ересью и постарались разстроить компромиссъ. Программа, имѣющая столь шаткую логическую основу и столь плохо связанная съ выводами теоріи, не можетъ быть признаваема научною иначе какъ только по недоразумѣнію.

Въ научномъ отношеніи система Маркса соблазняетъ кажущуюся логическою стройностію и категоричностію своихъ положеній; но внушительный научный аппаратъ, которымъ обставлена эта доктрина, имѣетъ мало связи съ ея выводами и служитъ больше для ея освѣщенія и украшенія, чѣмъ для ея доказательства. Свои теоретическія построенія Марксъ выводитъ путемъ отвлеченной діалектики, которая при ближайшемъ разсмотрѣніи оказывается лишь крайне запутанною и противорѣчивою софистикою. Софизмы замаскированы, съ одной стороны, особою терминологіею, заранѣе предполагающею истинность извѣстныхъ положеній, а съ другой — непомѣрнымъ обиліемъ обманчивыхъ выкладокъ и постояннымъ повтореніемъ однихъ и тѣхъ же тезисовъ, выдаваемыхъ за аксіомы, какъ будто съ цѣлью загипнотизировать читателя и отнять у него способность къ критикѣ. Самые существенные вопросы, возбуждаемые теоріею, или замалчиваются, или получаютъ мнимое рѣшеніе при помощи простой игры словами и понятіями. Научною заслугою Маркса остается только настойчивое указаніе на сложный общественный характеръ частныхъ хозяйственныхъ отношеній и выясненіе условій и особенностей новѣйшаго роста крупной промышленности.

Философско-историческія идеи Маркса, при всей своей неясности и неопредѣленности, обладаютъ несомнѣнною притя-

гательною силою. Различные, послѣдовательно проходимые фазисы развитія, временный историческій характеръ капитализма, неизбежные переходы отъ одной формы хозяйства къ другой, — все это дѣйствуетъ успокоительно на умъ читателя, позволяетъ смотрѣть равнодушно на современныя бѣдствія человѣчества и направляетъ мысль въ область заманчивыхъ самообольщеній и иллюзій. Но порядокъ вещей, принимаемый за временную стадію развитія или «эволюціи», можетъ продолжаться цѣлые вѣка или даже тысячелѣтія. Перемѣнчивость, историчность явленій не исключаетъ упорнаго повторенія ихъ въ различныя и весьма отдаленныя между собою эпохи; часто мѣняются только формы, но сущность остается. Нынѣшнее право собственности было точно формулировано еще римскими юристами; всѣ основныя начала нашего современнаго имущественнаго или гражданскаго права, образующаго, по Марксу, продуктъ хозяйственныхъ отношеній, надстройку экономическаго быта, — унаслѣдованы нами отъ древняго Рима и сохранены съ тѣхъ поръ въ неприкосновенности, вопреки всѣмъ экономическимъ и соціальнымъ перемѣнамъ, какъ бы насмѣхаясь надъ идеями Маркса. Если мы скажемъ, что господство римскаго права, опредѣляющаго частныя имущественныя отношенія, характеризуетъ извѣстную историческую стадію развитія, то это еще нисколько не облегчаетъ намъ пониманія прошлаго и настоящаго и не даетъ намъ никакихъ утѣшительныхъ указаній относительно будущаго. Пройдетъ ли эра капитализма черезъ пятьсотъ лѣтъ, какъ полагалъ Родбертусъ, или она окончится немедленно, какъ предсказывалъ Марксъ въ теченіе цѣлаго полувѣка, — это безразлично для отвлеченной теоріи, но чрезвычайно существенно для дѣйствительной жизни народовъ; — самые народы могутъ погибнуть въ ожиданіи будущей стадіи развитія, удовлетворяющей наивныхъ доктринеровъ ¹⁾. Наконецъ, и дальнѣйшая стадія эволюціи явится

¹⁾ Подъ прикрытіемъ эволюціонной теоріи легко выдаются за научныя обобщенія самыя поверхностныя и неосновательныя идеи; для многихъ слово «эволюція» замѣняетъ всякіе логическіе и фактическіе доводы. Образчикомъ этой странной вѣры въ чудодѣйственную силу моднаго научнаго термина можетъ служить сочиненіе Кидда, появившееся у насъ почти одновременно въ двухъ переводахъ: «Соціальная эволюція», съ предисловіями Н. К. Михайловскаго и проф. Вейсмана (изд. О. Н. Поповой, Спб., 1897), и «Соці-

съ тѣмъ же преходящимъ, временно историческимъ характеромъ, какъ и предшествовавшіе фазисы развитія; она принесетъ съ собою новые элементы разложенія и опять отброситъ въ сторону идеалы высшей правды, чтобы доставить торжество, быть можетъ, еще худшимъ началамъ общественнаго строя, чѣмъ нынѣшнія. Все исторично, и хорошее, и дурное, и пока поклонники Маркса радуются этой историчности и борются на этой почвѣ противъ абстрактнаго капитализма, они незамѣтно для самихъ себя подкапываются и подъ свои собственные «историчные» идеалы. А тѣмъ временемъ реальный капитализмъ извращается въ безпутное хищничество, не щадящее ни земли, ни народа; реальныя народныя массы бѣдствуютъ подъ гнетомъ неблагопріятныхъ условій, отчасти вполнѣ устранимыхъ; и борьба съ реальнымъ экономическимъ зломъ все болѣе уходитъ на задній планъ, подъ влияніемъ напрасной погони за призраками.

XIV.

Борьба классовъ и азартная игра въ крупной промышленности. — Примѣры финансовыхъ увлеченій. — Цицеронъ и философы его времени о честности въ торговлѣ. — Ненормальныя особенности промышленной борьбы и отношеніе къ нимъ экономистовъ.

Борьба экономическихъ интересовъ, борьба классовъ, имѣетъ характеръ настоящей борьбы за существованіе только для трудящихся массъ, для рабочихъ разныхъ категорій. Капиталисты и предприниматели, особенно крупные, руководствуются въ своей дѣятельности совершенно другими побужденіями, чѣмъ рабочіе; —

альное развитіе», перев. М. Чепинской (изд. Павленкова). Разсужденія Кидда просто поразительны по своей легковѣсности и по своему необычайно самоувѣренному, развязному тону; однако книга пользуется, повидимому, успѣхомъ, такъ какъ она выпущена подъ флагомъ «эволюціи». Ср. мою рецензію въ «В. Европы», 1898, январь, стр. 411—418. — Несравненно серьезнѣе по содержанию сочиненіе Джона Гобсона: «Эволюція современнаго капитализма» (перев. подъ ред. А. Свирщевскаго, Ярославль, 1898); но авторъ точно такъ же дѣлаетъ свои смѣлые выводы и предсказанія, единственно лишь благодаря злоупотребленію словомъ «эволюція».

они подчиняются традиціямъ житейской дѣловитости, стремятся поддержать и возвысить свою репутацію и свое вліяніе въ промышленномъ мірѣ, даютъ просторъ своей энергіи и изобрѣтательности, удовлетворяютъ свое честолюбіе и тщеславіе. Когда люди, располагающіе миллионными капиталами и доходами, тратятъ всѣ свои силы на постоянное увеличеніе своихъ избытковъ и отказываютъ наемнымъ рабочимъ въ самыхъ необходимыхъ условіяхъ сносной человѣческой жизни,—они дѣйствуютъ такъ не для того, чтобы обезпечить или улучшить свое имущественное положеніе; они находятся подъ господствомъ чувствъ и понятій, лишенныхъ разумной экономической основы. Духъ особаго спорта и азартной игры порождаетъ многія типическія явленія современной крупной промышленности; съ наибольшею яркостью онъ обнаруживается въ спекуляціяхъ и кризисахъ, для которыхъ ученые экономисты тщетно придумываютъ серьезныя экономическія объясненія.

Спекулятивныя увлеченія возникали часто въ видѣ какихъ-то стихійныхъ порывовъ, которые, подобно епидеміи, разносились по цѣлой странѣ и затѣмъ проходили, оставивъ послѣ себя извѣстное число жертвъ; черезъ нѣкоторое время опять повторялось лихорадочное возбужденіе, приводившее къ созданію многочисленныхъ и отчасти фантастическихъ предпріятій, съ тѣмъ же печальнымъ результатомъ. Въ концѣ XVII вѣка въ Англіи обнаружился первый приступъ этой соціально-психической болѣзни въ современной ея формѣ: въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ (съ 1688 г.) появилось множество компаній съ самыми заманчивыми рекламами, съ обѣщаніями огромныхъ выгодъ подписчикамъ, и мелкіе капиталисты охотно бросались въ аферы, явно безсмысленныя. «Страна,—говоритъ Маколей,—впервые увидѣла то, къ чему мы теперь издавна привыкли. Умы охвачены были маніей, симптомы которой были по существу тѣ же самыя, какъ и въ 1720, 1825 и 1845 годахъ. Нетерпѣливое желаніе разбогатѣть, презрѣніе къ медленной, но вѣрной прибыли, служащей обычнымъ вознагражденіемъ трудолюбія, искусства и бережливости, распространилось въ обществѣ; духъ обманной игры овладѣлъ солидными представителями лондонскаго Сити, депутатами, альдерменами, надзирателями торговли. Было гораздо легче и выгоднѣе выпустить лживое объявленіе о новомъ предпріятіи, увѣрить невѣжественную публику,

что дивиденды дадутъ не меньше двадцати на сто, и обмѣнять пять тысячъ фунтовъ этого воображаемаго богатства на десять тысячъ реальныхъ гиней, чѣмъ нагрузить корабль товаромъ и отправить въ Виргинію или въ Левантъ. Каждый день создавался какой-нибудь новый мыльный пузырь, плавно поднимался, ярко блестя, лопался и предавался забвенію» ¹⁾. Тридцать лѣтъ спустя, когда сошло со сцены поколѣніе, испытавшее этотъ тяжелый урокъ, разыгрался новый припадокъ безумія. Снова возникли акціонерныя общества, еще болѣе фантастическія, чѣмъ въ 1688 году,—для выдѣлки прѣсной воды изъ морской, для поднятія погибшихъ кораблей у ирландскаго побережья, для эксплуатаціи непрерывнаго движенія.

Даже солидные капиталисты часто играютъ роль безсознательныхъ обманщиковъ, благодаря своему непониманію общихъ экономическихъ условій и упорной вѣрѣ въ осуществимость разъ задуманныхъ плановъ. Интересный примѣръ заразительнаго финансоваго безумія представляетъ попытка нѣкоторыхъ французскихъ спекулянтовъ овладѣть производствомъ и сбытомъ мѣди на всемірномъ рынкѣ. Цѣны металловъ клонились къ пониженію въ половинѣ восьмидесятыхъ годовъ; руководитель «общества металловъ», Секретанъ, рѣшилъ ихъ возвысить и поддержать, при помощи группы лондонскихъ и парижскихъ банкировъ. Секретанъ заручился фондомъ въ 62½ милліона и на первыхъ порахъ дѣйствовалъ вполне цѣлесообразно; позднѣе онъ заключилъ договоры съ 37 компаніями англійскихъ, американскихъ, шведскихъ и испанскихъ рудниковъ, съ цѣлю пріобрѣтенія всѣхъ существующихъ запасовъ мѣди на земномъ шарѣ. Увлеченный успѣхомъ первыхъ операцій, онъ затѣялъ дѣло, явно неосуществимое и невозможное, ибо закупки производились уже по возвышеннымъ цѣнамъ, а на дальнѣйшее повышение для выгоднаго сбыта нельзя было рассчитывать даже при достиженіи монополіи. Тѣмъ не менѣе Секретанъ нашелъ сильныхъ союзниковъ въ финансовомъ мірѣ; директоръ «Comptoir d'escompte», Данферъ-Рошеро, далъ ему въ ссуду 130 милліоновъ подъ залогъ мѣди и продолжалъ снабжать его капиталами до самаго конца. Ротшильдъ, поддерживавшій дѣло вначалѣ, устранился въ 1887 году, хотя продолжалъ давать деньги для

¹⁾ History of England, v. VII, ch. XIX.

предупреждения катастрофы; такъ, въ январѣ 1889 года онъ ссудилъ «обществу металловъ» 12 милліоновъ и открылъ ему добавочный кредитъ въ 21 милліонъ при участіи нѣкоторыхъ другихъ банковъ. Извѣстный милліонеръ Гиршъ далъ тому же обществу Секретана 25 милліоновъ, въ теченіе трехъ дней. Потери «Comptoir d'escompte», причиненныя участіемъ въ безумной затѣѣ Секретана, опредѣлялись въ 177 милліоновъ. Директоръ застрѣлился, и банкъ подвергся ликвидаціи. Отчаянное положеніе компании выяснилось уже къ началу 1889 года, и однако Секретанъ едва не успѣлъ достигнуть желанной сдѣлки съ представителями англійскихъ и американскихъ рудниковъ, посредствомъ организациі новаго соединеннаго общества въ Лондонѣ, съ капиталомъ въ 75 милліоновъ. Газеты сообщали, что телеграфъ принесъ извѣстіе о согласіи американскихъ компаний тотчасъ послѣ самоубійства Данферъ-Рошеро¹⁾. Такимъ образомъ, самое нелѣпое и вредное предпріятіе, руководимое слѣпою вѣрою и настойчивостью отдѣльныхъ лицъ, неотразимо дѣйствуетъ на умы и пріобрѣтаетъ возможность временнаго успѣха²⁾.

Законы почти совершенно не ограждаютъ интересовъ частныхъ лицъ и всего общества отъ финансовыхъ завоевателей и игроковъ новѣйшаго типа; господствующія нравственныя понятія также не оказываютъ имъ отпора. Цицеронъ передаетъ, что философы его времени считали спорнымъ вопросъ, выраженный въ слѣдующемъ примѣрѣ. Купецъ съ хлѣбнымъ грузомъ прибываетъ изъ Александріи въ Родось, гдѣ, по его свѣдѣніямъ, чувствуется недостатокъ въ хлѣбѣ; онъ знаетъ, что другіе корабли, нагруженные хлѣбомъ, слѣдовали за нимъ и должны явиться въ скоромъ времени. Если онъ не сообщитъ объ этомъ населенію, онъ можетъ продать товаръ дорого и нажить большіе барыши. Какъ долженъ онъ поступить по совѣсти? Обязанъ ли онъ предупредить жителей о предстоящемъ прибытіи дальнѣйшихъ грузовъ и

¹⁾ См. Claudio Jannet. Le capital, la spéculation et la finance au XIX siècle Paris, 1892.

²⁾ Бываютъ, впрочемъ, и удачі болѣе прочныя, поражающія своею фантастичностью: такова монополія нефти въ рукахъ знаменитаго американскаго «Стандарта» и его творца, Джона Рокфеллера, о сказочныхъ подвигахъ котораго сообщаются интересныя свѣдѣнія въ изслѣдованіи г. Ст. Гулишамбаровъ: «Нефтяная промышленность Соед. Штатовъ Сѣв. Америки», Спб., 1894.

назначить за свой хлѣбъ обыкновенныя цѣны, или же онъ можетъ оставить покупателей въ невѣдѣніи и выручить столько, сколько позволяютъ обстоятельства? Одинъ изъ философовъ полагалъ, что купецъ вовсе не обязанъ извѣстить родосцевъ о приближеніи другихъ кораблей съ хлѣбомъ, и что, предлагая свой товаръ на рынкѣ и продавая по той цѣнѣ, которая установлена подъ вліяніемъ нужды, онъ никому не причиняетъ зла. Другой доказывалъ, что купецъ несомнѣнно вредитъ родосцамъ, сознательно пользуясь ихъ незнаніемъ для продажи имъ хлѣба по цѣнѣ вдвое или втрое болѣе, чѣмъ будетъ онъ стоить завтра; купецъ не имѣетъ права скрыть отъ покупателей то, что они должны знать для правильнаго опредѣленія цѣны товара. Съ послѣднимъ мнѣніемъ соглашается и Цицеронъ, и оно безусловно поддерживается однимъ изъ современныхъ французскихъ моралистовъ ¹⁾. Эти разсужденія о нравственныхъ обязанностяхъ комерсантовъ переносятъ насъ въ область какой-то идилліи, для которой нѣтъ мѣста въ новѣйшемъ промышленномъ мірѣ. Въ наше время купецъ, привезшій хлѣбъ хорошаго качества въ голодающую мѣстность и готовый пользоваться лишь существующими, не имъ вызванными цѣнами, считался бы образцомъ честности. Философы, упоминаемые Цицерономъ, представляли себѣ только одну возможную причину непомѣрнаго возвышенія цѣнъ—недостаточное количество товара на рынкѣ; но что сказали бы они о предпринимателяхъ, которые сговариваются между собою съ цѣлью произвольнаго и ничѣмъ не оправдываемаго поднятія цѣнности предметовъ, существующихъ въ достаточномъ изобиліи? Въ наше время считаются безусловно порядочными людьми участники монопольных соглашеній, искусственно возвышающихъ цѣну такого товара, какъ сахаръ, даже при существованіи щедрыхъ охранительныхъ пошлинъ, которыя и безъ того дорого обходятся народу и государству; дороговизна намѣренно создается тамъ, гдѣ нѣтъ для нея ни малѣйшихъ основаній,—ради незаконнаго обогащенія на счетъ потребителей. При подобныхъ нравахъ и попятіяхъ теряется всякая граница между житейскою дѣловитостью и лукавымъ хищничествомъ. На этой почвѣ свободно развиваются

¹⁾ De officiis, lib. III, cap. 12—13.—Questions de morale pratique, par Fran-
 cisque Bouillier, Paris, 1889, стр. 303—306.

и процвѣтають тѣ болѣзненные стороны капитализма, которыя Марксъ относитъ къ его сущности.

Безпокойный завоевательный духъ, господствующій нынѣ въ мірѣ крупной промышленности и торговли, питается страстями и традиціями, которыя со временемъ могутъ и должны потерять значеніе; этотъ воинственный духъ исчезнетъ изъ экономической области, подобно тому, какъ онъ пересталъ направлять политическую жизнь и дѣятельность культурныхъ государствъ. вмѣстѣ съ тѣмъ долженъ ослабѣть и исчезнуть нелѣпый антагонизмъ въ отношеніяхъ предпринимателей къ работникамъ,—точно такъ же какъ все болѣе слабѣетъ прежній антагонизмъ между правительствами и народами.

Психологія крупной промышленности и въ частности рабочаго вопроса не обращала на себя вниманія экономистовъ. Политическая экономія возводила въ принципъ тотъ ненормальный фактъ, что множество людей посвящаетъ свою жизнь лихорадочному собиранію капиталовъ и доходовъ, незначительная доля которыхъ достаточна для удовлетворенія самыхъ изысканныхъ человѣческихъ потребностей. Маниаки, снабженные въ изобиліи всѣми благами земли, проводятъ свои годы въ ожесточенной погонѣ за новыми богатствами, и эти неустанныя усилія кончаются только со смертію. Ложная идея побуждаетъ обладателей милліоновъ относиться съ холоднымъ равнодушіемъ или враждебностью къ бѣдствіямъ работниковъ, непосредственно участвующихъ въ созданіи ихъ богатствъ, и это преходящее психологическое явленіе возводится школою Маркса на степень общаго закона подъ громкимъ именемъ борьбы классовъ. Но человѣчество подчинялось уже многимъ ложнымъ идеямъ, которыя постепенно ослабѣвали и сдавались въ архивъ, и нѣтъ основанія предполагать, что промышленныя увлеченія и аномаліи окажутся болѣе стойкими и долговѣчными.

XV.

Вліяніе юриспруденціи на економіческую жизнь. — Традиціи римскаго права. — Ошибки нѣмецкой соціально-политической школы. — Отсталость юридическихъ понятій и необходимость пересмотра ихъ съ точки зрѣнія экономическихъ интересовъ.

Школа Маркса обнаружила совершенное непониманіе той подавляющей роли, которую играла традиціонная юриспруденція въ экономической исторіи культурныхъ странъ. Юридическая обстановка, среди которой живутъ и дѣйствуютъ народы, отчасти сама порождаетъ болѣзни, дающія поводъ къ исканію внѣшнихъ искусственныхъ лекарствъ. Если напр. землевладѣніе повсюду переживаетъ тяжелый кризисъ, то это происходитъ главнымъ образомъ потому, что законы приравниваютъ землю къ капиталу и насильственно подчиняютъ ее нормамъ обыкновеннаго имущественнаго оборота, наравнѣ съ другими разрядами имуществъ, а землевладѣльцы тщетно стараются совмѣститъ пользованіе денежною цѣнностью земли, какъ товара, съ интересами земледѣльческаго хозяйства. Гражданскіе кодексы сдѣлали больше для разложенія поземельнаго строя, чѣмъ всевозможныя экономическія причины. Крестьянство постепенно, но неудержимо, превращается въ безземельный пролетаріатъ вездѣ, гдѣ оно подчинено господству юридическихъ понятій о личной поземельной собственности; а между тѣмъ эти старыя юридическія понятія кажутся многимъ безусловно обязательными для сельскаго населенія, независимо отъ реальныхъ условій и потребностей народнаго земледѣлія. Владычество капитала надъ трудомъ поддерживалось въ Европѣ общими началами права, установленными для зажиточныхъ и богатыхъ слоевъ общества; фиктивная свобода сдѣлокъ между капиталистами и разрозненными бѣдняками имѣла своимъ результатомъ формальную продажу дѣтей на фабрики и заводы, а принципъ обязательности заключенныхъ договоровъ подъ страхомъ суровыхъ законныхъ взысканій ставилъ рабочихъ въ безконтрольную зависимость отъ хозяевъ, какъ покупателей этого живого товара. Можно сказать безъ преувеличенія, что весь соціальный вопросъ въ современной его формѣ есть продуктъ есте-

ственной реакціи противъ юридическихъ идей и институтовъ, унаслѣдованныхъ большею частью отъ римскаго права.

Новые законы, касающіеся имущественныхъ отношеній, являются лишь внѣшними пристройками къ старинному зданію такъ называемаго гражданскаго права, но не измѣняютъ его коренныхъ основъ, его общаго духа и фундамента. Юриспруденція, выросшая на почвѣ древняго Рима, продолжаетъ понынѣ, хотя и въ дополненномъ и исправленномъ видѣ, господствовать надъ гражданскимъ бытомъ культурныхъ народовъ. Элементъ власти и господства проникаетъ собою всю систему римскаго права; народно-хозяйственныя и психологическія начала имущественныхъ правъ почти совершенно исчезаютъ въ широкихъ толкованіяхъ личнаго господства и личной воли. Отсюда и та непреклонная прямолинейность юридической логики, которая побуждала самихъ юристовъ признать, что «крайнее право есть крайняя неправда». Знаменитый Савиньи, глава нѣмецкой исторической школы въ правѣ, высказывалъ прямо, что для юристовъ форма несравненно важнѣе содержанія, и что превосходство римскаго права заключается именно въ его формѣ, въ его образцовомъ логическомъ методѣ, доведенномъ до настоящаго «счета понятій». Отвлеченныя логическія построенія вытѣсняли и подавляли собою всякія житейскія требованія; наука права превратилась отчасти въ схоластику и значительно разошлась съ интересами жизни.

Насколько абстрактныя логическія приемы противорѣчатъ сущности права въ его реальномъ значеніи, можно видѣть, между прочимъ, изъ доктрины римскихъ юристовъ о поземельной собственности. Безъискусственный первобытный взглядъ различаетъ прежде всего внѣшніе признаки подвижности и недвижности имущества, и это поверхностное различіе признавалось достаточнымъ для разграниченія поземельныхъ отношеній отъ всякихъ другихъ. Всю разницу между землею и находящимися на ней вещами юриспруденція видѣла въ томъ, что земля недвижима, а другія вещи подвижны,—вслѣдствіе чего спеціальныя особенности землевладѣнія совершенно игнорировались подъ прикрытіемъ произвольнаго общаго принципа. «На этомъ примѣрѣ—по замѣчанію Іеринга,—наглядно подтверждается значеніе римской абстракціи: черезъ естественныя различія вещей она доходитъ до понятія вещи, и имѣя затѣмъ дѣло уже съ нимъ однимъ, она устраняетъ

вляніе естественнаго элемента, такъ что не понятіе приспособляется къ вещи, а вещь—къ понятію» ¹⁾). Благодаря этому устраненію или игнорированію естественныхъ соціально-экономическихъ элементовъ, институтъ поземельной собственности оказался скроенымъ по образцу и подобію правъ на движимыя вещи,—ошибка, имѣвшая роковое вляніе на всю исторію землевладѣнія въ западной Европѣ. Какъ въ движимомъ имуществѣ право собственности поглощаетъ и содержитъ въ себѣ всѣ прочія права по владѣнію и распоряженію вещами, такъ и поземельныя права феодаловъ, сеньйоровъ и лордовъ истолкованы были юристами въ смыслѣ исключительныхъ и неограниченныхъ правъ на земли подвластныхъ сельскихъ общинъ и мелкихъ зависимыхъ владѣльцевъ. По общему правилу, второстепенныя принадлежности вещей раздѣляютъ ихъ юридическую судьбу: поэтому,—«чья земля, того и постройка». Если кто построилъ домъ на чужой землѣ изъ своего матеріала, то домъ признается собственностью того, кому принадлежитъ земля; въ этомъ случаѣ, какъ говорится въ римскихъ «Институціяхъ», владѣлецъ матеріала теряетъ свое право, которое считается отчужденнымъ его волею, и даже если домъ разрушится, матеріалъ все-таки не можетъ быть потребованъ отъ собственника. Человѣческое жилище разсматривается, какъ побочная принадлежность того пустаго мѣста, на которомъ оно построено, и этотъ формальный юридическій взглядъ былъ повсюду жестокимъ бичомъ для сельскаго населенія: онъ привелъ къ «очищенію помѣстій» отъ крестьянскихъ дворовъ, способствовалъ превращенію воздѣланныхъ земель въ обширныя владѣльческіе парки, превратилъ прежнихъ самостоятельныхъ земледѣльцевъ въ бездомныхъ батраковъ, разорилъ Ирландію и создалъ тотъ жгучій поземельный вопросъ, съ которымъ до сихъ поръ не можетъ справиться законодательство въ Англии и въ другихъ западно-европейскихъ странахъ.

Въ системѣ римскаго права не было мѣста элементу труда, играющему первостепенную роль въ современной народно-хозяйственной жизни, и это пренебреженіе къ труду все еще составляетъ характеристическую черту юриспруденціи. Но и римскіе юристы отступали отъ логической послѣдовательности и строй-

¹⁾ R. Ihering, Geist des römischen Rechts, 1866, т. II, § 29.

ности своихъ выводовъ, во имя интересовъ житейской правды. Картина, нарисованная на чужомъ полотнѣ или таблицѣ, не дѣлается собственностью хозяина полотна; «таблица должна слѣдовать за картиною, ибо смѣшно было бы уступать картину Апеллеса или Парразія, какъ принадлежность ничтожнѣйшей таблицы». Это исключеніе въ пользу труда художниковъ не распространяется однако на писателей и поэтовъ: «буквы, хотя и золотыя, уступаютъ листу или кожѣ, подобно тому, какъ къ землѣ принадлежатъ воздвигнутыя на ней постройки; поэтому, если на твоихъ листахъ кто-либо напишетъ стихотвореніе, или исторію, или рѣчь, то собственникомъ остаешься ты, а не авторъ» ¹⁾). Юристу уже не кажется смѣшнымъ уступать произведеніе Virgilія или Горация, какъ принадлежность ничтожнѣйшихъ листковъ. Другіе виды труда даже не упоминаются при разработкѣ юридическихъ понятій и обобщеній, а если принимаются иногда въ расчетъ, то только съ формальной стороны. Разсуждая вполне отвлеченно, юристы-теоретики находятъ основу частнаго права въ свободно выраженной волѣ отдѣльныхъ лицъ; но воля не проявляется безотчетно, независимо отъ мотивовъ, а напротивъ, осуществляетъ лишь интересы и потребности жизни; съ этой точки зрѣнія воля служить не основою права, а его исполнительнымъ органомъ, и на первый планъ должны выступать уже настоящія матеріальныя пружины, приводящія волю въ движеніе. Воля сама по себѣ не создаетъ и не можетъ создавать право; она только выражаетъ его болѣе или менѣе точно, опираясь на извѣстныя фактическія отношенія. Воля голоднаго пролетарія, заключающаго сдѣлку съ капиталистомъ, имѣетъ совсѣмъ другой характеръ, чѣмъ воля фабриканта, диктующаго свои условія рабочимъ; но юристъ не видитъ этихъ различій и предполагаетъ равенство тамъ, гдѣ есть прямая противоположность. Когда же эти абстрактныя предположенія, примѣняемая въ жизни при помощи принудительной власти, вызываютъ цѣлый рядъ неудобствъ и несправедливостей, то поднимается вопросъ о государственномъ вмѣшателствѣ, какъ будто раньше никакого вмѣшательства не было и какъ будто неудачныя особенности юридическаго порядка возникли сами собою.

¹⁾ Imp. Justiniani Institutiones, lib. II, tit. 1, §§ 29—34.

Въ научной литературѣ, особенно нѣмецкой, давно уже проводится мысль, что право есть продуктъ народнаго сознанія, что оно измѣняется и растетъ вмѣстѣ съ историческимъ развитіемъ націи. Идея объ относительномъ значеніи юридическихъ институтовъ сдѣлалась какимъ-то общимъ мѣстомъ и повторяется писателями самыхъ различныхъ направленій; но она остается пока безъ замѣтнаго вліянія на общій характеръ юриспруденціи. Новѣйшія научныя движенія почти не коснулись науки права. Старымъ схоластическимъ духомъ проникнуть и новый гражданскій кодексъ Германіи, составленный учеными истолкователями юридической догматики, безъ участія экономистовъ, изслѣдователей обычнаго права и практическихъ дѣятелей; даже въ предварительномъ печатномъ обсужденіи проекта участвовали главнымъ образомъ специалисты по юриспруденціи, тогда какъ экономисты, за немногими исключеніями ¹⁾, проявляли полное равнодушіе къ вопросу о новомъ кодексѣ, представляющему огромную важность для всего народно-хозяйственнаго быта страны.

Историческое пониманіе права несомнѣнно расширилось въ новѣйшее время; слабыя и вредныя стороны существующей системы выяснены болѣе или менѣе основательно, но точная программа ея перестройки далеко еще не установлена. Экономисты обыкновенно довольствуются общими указаніями, изъ которыхъ трудно извлечь какіе либо опредѣленные выводы. Нѣмецкая соціально-политическая школа, выступившая на сцену въ началѣ семидесятыхъ годовъ, настаиваетъ преимущественно на признаніи самаго принципа измѣнчивости главныхъ институтовъ права. Представитель этой школы, профессоръ Густавъ Шмоллеръ, въ своей полемикѣ противъ историка Трейчке, краснорѣчиво доказывалъ, что «никакое право не создано на вѣчныя времена», что «право должно служить только подходящею формою для прогрессивнаго движенія естественныхъ и духовныхъ силъ опредѣленной эпохи». Всякое право, говоритъ онъ далѣе, есть только формальное сред-

¹⁾ Единственная нѣмецкая книга, посвященная разбору германскаго кодекса съ соціально-экономической точки зрѣнія, написана юристомъ, профессоромъ правъ въ вѣнскомъ университетѣ, Антономъ Менгеромъ: *Das bürgerliche Recht und die besitzlosen Volksklassen. Eine Kritik des Entwurfes eines bürgerlichen Gesetzbuches für das Deutsche Reich*, von Dr. Anton Menger, Prof. der Rechte an der Universität Wien. Tüb., 1890 (286 стр.).

ство для цѣлей человѣческаго благосостоянія ¹⁾. Болѣе обстоятельно и пространно развивалъ этотъ взглядъ извѣстный проповѣдникъ умѣренного государственнаго социализма, профессоръ Адольфъ Вагнеръ, заимствовавшій свои идеи главнымъ образомъ у Родбертуса и отчасти у Шеффле. Объ относительномъ значеніи даннаго юридическаго порядка, какъ «исторической категоріи», говорилъ и Лассаль въ своей «Системѣ пріобрѣтенныхъ правъ». Установить эту общую теорію было довольно легко, и она почти не возбуждаетъ уже споровъ; но противорѣчія и неясности начинаются тотчасъ же, когда приходится дѣлать изъ нея дальнѣйшія заключенія. Нѣмецкіе экономисты-историки, какъ сознается Адольфъ Вагнеръ, нерѣдко блуждаютъ бесплодно среди этой всеобщей относительности и «изъ-за деревьевъ не видятъ лѣса».

И въ самомъ дѣлѣ, основная мысль теоретиковъ социальнополитической школы сводится къ тому, что государство можетъ и должно измѣнять содержаніе дѣйствующаго права по требованіямъ нравственности и справедливости, въ интересахъ низшихъ классовъ населенія. Но если признать вмѣстѣ съ Вагнеромъ и его единомышленниками, что государству принадлежитъ безусловная творческая роль въ области права, то нельзя уже связывать эту роль непремѣнно съ тѣми нравственными цѣлями и мотивами, которые считаются хорошими въ кругу экономистовъ извѣстнаго направленія; государственная власть можетъ руководствоваться и всякими другими мотивами, даже прямо противоположными, и свойство ихъ будетъ зависѣть всецѣло отъ правительственнаго строя и состава въ данное время. Государственное вмѣшательство, возведенное въ общій принципъ, можетъ быть направлено совсѣмъ не въ ту сторону, въ какую желали бы направить его реформаторы; полномочія, имѣющія въ виду улучшеніе быта народнои массы, могутъ послужить средствомъ для

¹⁾ *Gustav Schmoller*, Ueber einige Grundfragen des Rechts und der Volkswirtschaft. Jena, 1875, стр. 50 — 1; Zur Literaturgeschichte der Staats- und Socialwissenschaften. Lpz. 1888, стр. 82 и др. — По специальному вопросу о правѣ труда: *Robert Schellwien*, Die Arbeit und sein Recht., Berl., 1882 (очень плохая работа); *Anton Menger*, Das Recht auf den vollen Arbeitsertrag etc., Stuttg., 1890 (слабое, путанное сочиненіе); ср. объ этихъ книгахъ въ статьѣ «Соціальный вопросъ и ученые юристы» (В. Европы, 1894, январь).

закрѣпощенія ея въ пользу высшихъ сословій при измѣнившихся обстоятельствахъ внутренней политической жизни. Очевидно, что широкое и сознательное вмѣшательство, требуемое теоретиками, вовсе не рѣшаетъ вопроса объ осуществленіи началъ справедливости, тѣмъ болѣе, что и самыя понятія о справедливомъ и нравственномъ весьма различны въ разныхъ слояхъ общества. Нѣмецкіе писатели ссылаются на образцовую организацію Пруссіи, на испытанную честность и добросовѣстность ея правительственныхъ дѣятелей, на традиціи соціального законодательства Штейна и Гарденберга; но прусскіе порядки не даютъ еще матеріала для обобщенія и нисколько не гарантируютъ единомыслія между центральною властью, располагающею милліономъ войска, и большинствомъ трудящагося населенія. Поэтому теорія государственнаго всемогущества въ дѣлахъ народнаго хозяйства и права выражается пока на практикѣ въ полной безпринципности, въ превеличенномъ довѣрїи къ благамъ бюрократической опеки и въ пренебреженіи къ правамъ личнымъ и общественнымъ.

Въ сложныхъ соціальныхъ вопросахъ ясно выражаются послѣдствія той отчужденности, которая существуетъ между политической экономією и другими общественными науками, особенно наукою права. Тогда какъ криминалисты давно уже втянулись въ общее научное движеніе и широко пользуются данными соціологіи и психіатріи, юриспруденція въ собственномъ смыслѣ все еще не выходитъ изъ путъ римскаго права и понынѣ топчется бесплодно на одномъ мѣстѣ.

Когда въ нашей литературѣ была впервые высказана мысль о необходимости сближенія юриспруденціи съ политической экономією, психологією и даже психіатрією ¹⁾, то эта еретическая идея возбудила энергическіе протесты со стороны нашихъ ученыхъ юристовъ. Проф. Пахманъ объяснялъ появленіе у насъ подобныхъ взглядовъ обычною нашею склонностью увлекаться новѣйшими заграничными теоріями: «по молодости у насъ научныхъ знаній вообще и при недостаткѣ прочно установившихся собственныхъ воззрѣній, каждая новая идея, каждое «послѣднее слово» въ наукѣ находитъ у насъ, быть можетъ, болѣе живое

¹⁾ См. мои статьи въ «Словѣ» (1879 г.) и о «гражданскомъ правѣ и психіатріи» въ «Судебномъ журналѣ», 1873, № 5 и 6.

сочувствіе, чѣмъ гдѣ либо; на каждое такое слово наша литература откликается со всею пылкостью увлеченія и одушевленія»¹⁾. Къ сожалѣнію, мы нигдѣ не видимъ у насъ этого увлеченія и одушевленія новыми идеями; скорѣе, напротивъ, рутинная отсталость нигдѣ не укоренилась такъ прочно, какъ въ средѣ нашихъ ученыхъ юристовъ (за немногими, конечно, исключеніями), и научныя заимствованія съ запада не идутъ далѣе простого подражанія нѣмецкимъ образцамъ. Когда покойный К. Д. Кавелинъ пытался распредѣлить матеріалъ нашего имущественнаго права по обычнымъ юридическимъ рубрикамъ, то онъ не нашелъ въ нихъ особаго мѣста для поземельныхъ правъ и вынужденъ былъ отнести землевладѣніе къ разнымъ отдѣламъ—«правъ на вещи», «правъ въ чужой вещи» и «обязательствъ». Общинное землевладѣніе очутилось при этомъ въ главѣ о «правахъ въ чужой вещи», такъ какъ оно не могло быть отнесено «ни къ какой другой отрасли правъ имущественныхъ или по обязательствамъ»²⁾. Этотъ примѣръ наглядно освѣщаетъ все несоотвѣтствіе между реальнымъ экономическимъ бытомъ и традиціонной системою юриспруденціи; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ указываетъ на огромную практическую важность вопроса о пересмотрѣ теоретическихъ началъ гражданскаго права, съ точки зрѣнія современной народно-хозяйственной жизни. Идея Маркса, что юридическій бытъ есть продуктъ экономическаго строя и слѣдуетъ за нимъ въ своемъ развитіи, имѣетъ смыслъ только какъ пожеланіе относительно будущаго.

¹⁾ С. В. Пахманъ, О современномъ движеніи въ наукѣ права. Спб. 1882.

²⁾ К. Д. Кавелинъ, Права и обязанности по имуществамъ и обязательствамъ. Спб., 1879, стр. 108.

ПРИЛОЖЕНИЕ.

Письмо Маркса объ экономическомъ развитіи Россіи.

По поводу статьи г. Н. Михайловскаго въ «Отеч. Запискахъ» (1877 г.), въ которой допускалась возможность нежелательныхъ для Россіи выводовъ изъ сдѣланнаго Марксомъ очерка послѣдовательнаго развитія капиталистической формы производства въ западной Европѣ, Марксъ счелъ долгомъ объяснить свой взглядъ въ письмѣ къ редактору «Отеч. Записокъ». Тогда существовало уже второе нѣмецкое изданіе «Капитала» (1872 г.), въ которомъ обнаруживается, между прочимъ, особый интересъ къ Россіи и къ русской экономической литературѣ: выходка противъ Герцена, русскихъ «калмыковъ» и кнотовъ исчезла; авторъ съ похвалою отзывается о диссертации Зибера, называетъ Чернышевскаго «великимъ ученымъ» и приводитъ выдержки изъ замѣтки о «Капиталѣ» И. И. К—на въ «Вѣстникѣ Европы». Марксъ поддерживалъ уже извѣстныя отношенія съ своими русскими поклонниками и дорожилъ популярностью своего ученія въ русскомъ (недавно еще «калмыцкомъ») для него) обществѣ; поэтому онъ не могъ не заинтересоваться толкованіемъ, которому подверглась его историческая теорія въ популярнѣйшемъ русскомъ журналѣ,—толкованіемъ, способнымъ оттолкнуть отъ его книги многихъ русскихъ читателей. Письмо не было напечатано въ свое время или даже вовсе не было отправлено по адресу,—быть можетъ потому, что Марксъ успѣлъ убѣдиться въ ошибочности своихъ опасеній; оно появилось у насъ въ печати только въ

1888 году, послѣ смерти автора. Марксъ въ этомъ письмѣ опровергаетъ приписываемое ему недружелюбное отношеніе къ приверженцамъ русской общины, отрекается отъ своихъ словъ объ идеяхъ Герцена и доказываетъ совершенную невинность своей исторической теоріи съ точки зрѣнія русскихъ экономическихъ идеаловъ. Онъ не говоритъ прямо, что его философско-историческая теорія, какъ и всякая другая, опредѣляетъ только причинную связь изслѣдованныхъ явленій и ничего не рѣшаетъ относительно предметовъ, не затронутыхъ ею (какъ въ данномъ случаѣ относительно русскаго народнаго хозяйства); онъ утверждаетъ лишь, что его философско-историческая теорія вовсе не имѣетъ значенія философско-исторической теоріи, которой фатально должны подчиниться всѣ народы, независимо отъ своихъ разнородныхъ историческихъ условій. Изъ нѣкоторыхъ намековъ Маркса можно вывести заключеніе, что такая теорія, на его взглядъ, вообще невозможна; но онъ не высказываетъ этого положительно. По всему видно, что онъ не задавался мыслью дѣйствительно разъяснить свои историко-философскія воззрѣнія, а имѣлъ только чисто-практическую цѣль—успокоить своихъ русскихъ читателей и послѣдователей насчетъ возможныхъ послѣдствій принятія и распространенія его доктрины среди русской интеллигенціи. Приводимъ здѣсь это письмо цѣликомъ въ томъ видѣ какъ оно напечатано было въ «Юридич. Вѣстникѣ» (1888, кн. 10, стр. 270—3).

«Авторъ статьи: «Карлъ Марксъ предъ судомъ г. Ю. Жуковскаго»,—человѣкъ, очевидно, умный, и найди онъ въ моемъ изложеніи «первоначальнаго накопленія» хотя что нибудь, подтверждающее его выводы, онъ конечно привелъ бы такое мѣсто. За неимѣніемъ чего либо подобнаго, онъ былъ вынужденъ удовольствоваться небольшою вставкою (*hors d'oeuvre*), полемической выходкою противъ русскаго «беллетриста» (Герцена), помѣщенной въ примѣчаніи къ первому нѣмецкому изданію «Капитала». Въ чемъ же я упрекаю этого писателя? Въ томъ, что онъ сдѣлалъ открытіе «русскаго коммунизма» не въ Россіи, а въ сочиненіи прусскаго регирунгсрата Гакстауэна, и что въ его рукахъ русская община служить только доводомъ для доказательства того, что гнилая старуха Европа должна быть возрождена побѣдою панславизма. Моя оцѣнка этого писателя можетъ быть справедливою, можетъ быть и ложною, но ни въ какомъ случаѣ она не даетъ ключа къ моимъ воззрѣніямъ на усилія «русскихъ людей найти для своего отечества путь развитія, отличный отъ того, которымъ шла и идетъ западная Европа». Въ послѣсловіи ко второму нѣмецкому изданію «Капитала» я говорю о «великомъ русскомъ ученомъ и критикѣ» съ тѣмъ высокимъ уваженіемъ, какового онъ заслу-

живають. Учений зототъ (Чернышевскій) въ своихъ замѣчательныхъ статьяхъ изслѣдовалъ вопросъ, должна ли Россія, чтобы перейти къ капиталистическому строю, начать съ уничтоженія поземельной общины, какъ того доби-ваются либеральные экономисты, или же наоборотъ, она можетъ, не претерпѣвая всѣхъ мученій этого строя, усвоить всѣ плоды его, развивая собственныя историческія данныя. Онъ высказывается въ смыслѣ послѣдняго рѣшенія. И мой почтенный критикъ имѣлъ по меньшей мѣрѣ столько же основанія изъ моего уваженія къ этому «великому ученому и критику» вывести заключеніе, что я раздѣляю взгляды послѣдняго на зтотъ вопросъ, какъ и наоборотъ, изъ моей полемической выходки противъ русскаго «беллетриста» и панслависта сдѣлать выводъ, что я ихъ отвергаю. Наконецъ, такъ какъ я не люблю оставлять «quelque chose à deviner», то выскажусь безъ обиняковъ. Чтобы имѣть возможность судить съ знаніемъ дѣла объ экономическомъ развитіи современной Россіи, я выучился по-русски и затѣмъ въ теченіе долгихъ лѣтъ изучалъ официальные и другія изданія, имѣющія отношеніе къ этому предмету. Я пришелъ къ такому выводу: если Россія будетъ продолжать идти по тому же пути, по которому она шла съ 1861 года, то она лишится самаго прекраснаго случая, который когда либо представляла народу исторія, чтобы избѣжать всѣхъ перипетій капиталистическаго строя.

«Въ главѣ о «первоначальномъ накопленіи» я только имѣлъ намѣреніе прослѣдить тотъ путь, которымъ въ западной Европѣ экономической капиталистической строй вышелъ изъ нѣдръ экономическаго феодальнаго строя. А путь зтотъ вель къ тому, чтобы разединить производителя отъ его средствъ производства, обращая перваго въ наемника (пролетарія въ современномъ смыслѣ этого слова), а послѣдній—въ капиталъ. Въ этой исторіи «составляетъ эпоху всякій переворотъ, который служитъ средствомъ подвинуть впередъ формированіе капиталистическаго класса. Но основою всего процесса служитъ экспроприація земледѣльцевъ». Въ концѣ главы я разсматриваю историческое направленіе (tendance) капиталистическаго накопленія и утверждаю, что его послѣднее слово—преобразованіе капиталистической собственности въ общественную. Въ этомъ мѣстѣ я не приводилъ никакихъ доказательствъ этого положенія, по той простой причинѣ, что самое это положеніе есть не болѣе какъ краткое резюме длиннаго ряда данныхъ, уже разобранныхъ въ главѣ о капиталистическомъ производствѣ.

«Теперь спрашивается, какое же приложеніе къ Россіи можетъ извлечь мой критикъ изъ моего краткаго историческаго очерка? Только слѣдующее: если Россія стремится стать націей капиталистическою по образцу западно-европейскихъ націй,—а въ теченіе послѣднихъ лѣтъ она надѣлала себѣ въ этомъ смыслѣ много вреда,—она не достигнетъ этого, не преобразовавъ предварительно доброй доли своихъ крестьянъ въ пролетаріевъ; а послѣ этого, приведенная на лоно капиталистическаго строя, она подпадетъ подъ власть безжалостныхъ законовъ, какъ и всякая другая непосвященная (profane) нація. Вотъ и все. Но этого слишкомъ мало для моего критика. Ему непременно надо преобразовать мой очеркъ происхожденія капитализма въ западной Европѣ въ историко-философскую теорію общаго хода развитія, въ теорію,

которой фатально должны подчиниться всѣ народы, каковы бы ни были историческія условія, въ которыхъ они находятся, чтобы въ концѣ концовъ придти къ такому экономическому строю, который обезпечиваетъ наибольшую свободу проявленія производительныхъ способностей общественнаго труда и всестороннее развитие человѣка. Но прощу у него извиненія. Это значитъ дѣлать мнѣ много чести и въ то же время много безчестія (honte). Возьмемъ примѣръ. Въ различныхъ мѣстахъ «Капитала» я дѣлаю намеки на судьбу плебеевъ древняго Рима. Въ началѣ это были свободные крестьяне, обрабатывавшіе для себя свои собственные участки земли. Въ теченіе римской исторіи они были экспропрированы. То же движеніе, которое разъединило связь ихъ съ принадлежавшими имъ средствами производства и существованія, предполагаетъ не только образованіе крупной поземельной собственности, но также крупныхъ денежныхъ капиталовъ. И такъ, въ одно прекрасное утро появились съ одной стороны свободные люди, лишеныя всего, кромѣ ихъ рабочей силы, а съ другой—для эксплуатаціи этого труда—владѣльцы всѣхъ пріобрѣтенныхъ богатствъ. Что же произошло? Римскіе пролетаріи стали не наемными рабочими, но празднolibовую чернью, «mob», болѣе низкой, чѣмъ бывшіе «poor whites» Южныхъ штатовъ, и вмѣстѣ съ ними развился не капиталистическій способъ производства, а рабскій (т.-е. рабовладѣльческій) (прим. 211, стр. 623 р. перев.). Слѣдовательно, событія поразительно аналогичныя, но происходящія въ средѣ исторически различной, приводятъ къ результатамъ совершенно несходнымъ. Изучая каждую изъ этихъ эволюцій въ отдѣльности и затѣмъ сравнивая ихъ, легко найти ключъ къ этимъ явленіямъ, но никогда нельзя придти къ пониманію ихъ, имѣя въ рукахъ *passé-partout* историко-философской теоріи, высшее достоинство которой состоитъ въ томъ, чтобы быть надъ-историческою (*supra-historique*).

Итакъ, по словамъ Маркса, его очеркъ «первоначальнаго накопленія» не заключаетъ въ себѣ никакой общеобязательной философско-исторической теоріи, и усматривать подобную теорію въ его разсужденіяхъ значитъ причинять ему безчестіе. Но въ то же время Марксъ подтверждаетъ, что его очеркъ содержитъ обобщенія и выводы, совокупность которыхъ именно и составляетъ теорію; онъ не могъ бы также отрицать, что содержаніе этой главы тѣсно связано съ его общими историко-философскими воззрѣніями¹⁾. Если, какъ онъ говоритъ въ другомъ мѣстѣ,

1) Въ III-мъ томѣ (ч. II, стр. 155—6) Марксъ самъ ссылается на содержаніе этой главы, въ смыслѣ выясненія общаго хода развитія первоначальныхъ условій капиталистическаго производства. Впрочемъ, есть люди, готовые ставить въ заслугу Марксу даже его частыя противорѣчія съ самимъ собою; такъ напр., г. Ратнеръ приводитъ много цитатъ для доказательства того, что Марксъ принималъ во вниманіе всевозможныя фактическія условія и различія отдѣльныхъ странъ, исключаяція мысль о какихъ-либо общихъ форму-

экономическій строй болѣ развитыхъ въ промышленномъ отношеніи странъ показываетъ другимъ народамъ картину ихъ собственнаго будущаго, то его очеркъ «первоначальнаго накопленія» несомѣнно даетъ историческую формулу общаго хода развитія въ новѣйшей Европѣ, и значеніе этой формулы усиливается указаніемъ на безжалостные экономическіе законы, дѣйствующіе съ желѣзною необходимостью. Развиваемая Марксомъ идея, что всякая общественная форма сама вырабатываетъ матеріалъ для своего разрушенія и подготавливаетъ почву для новыхъ условій быта, также не можетъ быть названа иначе, какъ философско-историческою. Наконецъ, мысль о преобразованіи капиталистической собственности въ общественную развѣ не находится въ тѣснѣйшей связи съ особою философско-историческою теоріею? Очевидно, авторъ «Капитала» не желалъ быть отвѣтственнымъ за увлеченія своихъ наиболѣ усердныхъ послѣдователей, готовыхъ слѣпо мириться со зломъ и даже способствовать его торжеству изъ уваженія къ законамъ «капиталистической эволюціи»; но онъ не отказывается ни отъ одного изъ своихъ историко-философскихъ положеній, которыя могутъ быть истолкованы въ указанномъ смыслѣ. Онъ находитъ, напр., что искусственныя задержки въ ходѣ капиталистическаго процесса причиняютъ вредъ странѣ, что недостаточное развитіе всѣхъ особенностей новой промышленной организаціи и упорное сохраненіе старыхъ формъ производства служатъ такимъ же источникомъ бѣдствій, какъ и излишество въ развитіи капитализма: можно ли, съ точки зрѣнія этого взгляда, относиться иначе, чѣмъ отрицательно, къ существующему общинному владѣнію, къ кустарнымъ промысламъ и артелямъ? Примѣръ римскихъ плебеевъ, принимаемыхъ Марксомъ

лахъ и законахъ развитія («Р. Богатство», 1897, № 7, стр. 220 и слѣд.); подобныхъ цитатъ можно было бы привести гораздо больше, но изъ нихъ нисколько еще не слѣдуетъ, что надо забыть или игнорировать противоположныя категорическія утвержденія того же Маркса, имѣющія общій теоретическій характеръ. Если же въ самомъ дѣлѣ Марксъ ставилъ бы ходъ экономическаго развитія отдѣльныхъ культурныхъ странъ въ исключительную зависимость отъ мѣстныхъ обстоятельствъ и условій, то вся его философско-историческая теорія потеряла бы смыслъ, его формулы и законы развитія не имѣли бы никакого значенія, и трудно было бы сказать, въ чемъ заключалась бы тогда оригинальность воззрѣній Маркса.

за предковъ позднѣйшихъ пролетаріевъ, не имѣетъ ничего общаго съ спорнымъ вопросомъ и ни въ какомъ случаѣ не могъ показать читателямъ, какъ долженъ смотрѣть авторъ на русскія экономическія отношенія, ибо самый капиталистическій способъ производства, по Марксу, зародился въ Европѣ лишь въ XVI вѣкѣ, и слѣдовательно не было даже надобности специально упоминать объ отсутствіи условій для этой формы производства въ древнемъ Римѣ; Россія же принадлежитъ къ числу современныхъ европейскихъ государствъ, и хотя она отстала отъ Европы, но не настолько, чтобы не быть въ состояніи повторить у себя экономическіе опыты западныхъ странъ. Марксъ ссылается на свой сочувственный отзывъ о Чернышевскомъ и старается умалить значеніе своихъ словъ о Герценѣ, кнутѣ и калмыкахъ; онъ забываетъ только прибавить, что онъ просто измѣнилъ свое отношеніе къ Россіи и къ русскому обществу со времени выхода перваго изданія «Капитала». Марксу казалось смѣшнымъ, что «московитъ» Герценъ открылъ будто бы русскую поземельную общину въ сочиненіи нѣмецкаго писателя Гакстгаузена, специально изучавшаго нашъ сельскій бытъ и издававшего объ этомъ предметѣ весьма поучительную книгу; но ему кажется вполне естественнымъ, что русскіе люди отыскиваютъ указанія насчетъ будущихъ экономическихъ судьбъ Россіи въ трактатѣ нѣмецкаго автора, который не изучалъ Россіи и никогда не писалъ о русскомъ народномъ хозяйствѣ.

Что же говоритъ Марксъ по существу о примѣнимости своихъ историко-экономическихъ обобщеній къ Россіи? Онъ повторяетъ то, что хотѣлъ какъ будто опровергнуть, — а именно, что его выводы вполне обязательны для нынѣшней Россіи, зараженной уже капиталистическимъ недугомъ, и что, разъ вступивъ на путь промышленнаго развитія, она подпадаетъ подъ власть безпощадныхъ законовъ, дѣйствіе которыхъ было столь пагубно для трудящихся народныхъ массъ на Западѣ. Вообще, въ принципѣ, мы могли будто бы избѣгнуть всѣхъ перипетій капиталистическаго строя; но для этого надо было съ 1861 года пойти по другой дорогѣ, которая съ тѣхъ поръ стала намъ, пожалуй, недоступна: измѣнить принятое направленіе въ области народнаго хозяйства едва ли уже возможно послѣ всего сдѣланнаго у насъ въ послѣднія десятилѣтія, послѣ постройки обширной сѣти желѣзныхъ

дорогъ, открывшихъ намъ внѣшніе и внутренніе рынки, и послѣ всѣхъ усилій насадить у насъ различныя отрасли крупной промышленности и торговли, — такъ что Россія, быть можетъ, безповоротно подвержена уже господству капиталистическихъ законовъ, установленныхъ Марксомъ. О фактической возможности или невозможности поворота въ другую сторону при данныхъ условіяхъ ничего не говоритъ авторъ «Капитала»; изъ его словъ вытекаетъ скорѣе отрицательное заключеніе, чѣмъ положительное.

Отмѣтимъ здѣсь, что, вопреки своимъ общимъ историко-экономическимъ идеямъ, Марксъ основываетъ свой условный выводъ исключительно на направленіи нашей промышленной политики съ 1861 года, а не на реальныхъ условіяхъ русской народно-хозяйственной жизни со времени освобожденія крестьянъ. Онъ предполагаетъ, что Россія могла по произволу выбрать свой экономическій путь послѣ крестьянской реформы, что правительство могло направить народное хозяйство въ ту или другую сторону, независимо отъ матеріальнаго положенія различныхъ классовъ народа, отъ внутреннихъ и внѣшнихъ обстоятельствъ страны и, наконецъ, отъ характера и состава властвующей бюрократіи, — а эта мысль Маркса рѣзко противорѣчитъ не только ученію самого Маркса, но и здравому пониманію народно-хозяйственной жизни и политики вообще.

Далѣе: изъ чего заключаетъ Марксъ, что для водворенія у насъ капиталистическаго производства требуется превратить «добрую часть крестьянства» въ пролетаріевъ? Изслѣдовалъ ли онъ вопросъ, въ какой мѣрѣ естественный приростъ нашего земледѣльческаго населенія и избытокъ рабочихъ рукъ въ землѣли обеспечиваютъ возможный спросъ на рабочія руки со стороны крупной промышленности? Онъ высказалъ свое мнѣніе а priori, опираясь на односторонне понятыя факты западно-европейской исторіи и предполагая, слѣдовательно, обязательное повтореніе ихъ въ другихъ странахъ, каковы бы ни были мѣстныя фактическія условія.

Въ дѣйствительности, капиталистическая промышленность издавна существуетъ и развивается въ Россіи, не производя никакихъ серьезныхъ перемѣнъ въ составѣ и характерѣ крестьянскаго землевладѣнія. Въ предѣлахъ Россійской имперіи насчитывается около 25 тысячъ фабрикъ и заводовъ, съ полуторамилионною

массою рабочихъ и съ производительностью въ размѣрѣ до двухъ миллиардовъ рублей въ годъ; однѣ фабрики по обработкѣ волокнистыхъ веществъ производятъ на 620 милліоновъ рублей ежегодно, т.-е. почти столько же, сколько составляетъ стоимость всего нашего заграничнаго вывоза. Однихъ горнозаводскихъ рабочихъ считается до 500 тысячъ; горные промыслы и металлургія даютъ продуктовъ на 350 милліоновъ рублей въ годъ. Бумагопрядильныя и ткацкія фабрики занимаютъ около 225 тысячъ рабочихъ, при общемъ годовомъ заработкѣ ихъ въ 45 милліоновъ рублей ¹⁾. Такъ какъ многіе промыслы, причисляемые къ кустарнымъ или домашнимъ, устроены въ сущности на капиталистическихъ началахъ, съ участіемъ наемныхъ рабочихъ, то общая цифра промышленнаго рабочаго класса должна быть значительно выше оффиціальной, и мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что не менѣе двухъ милліоновъ человѣкъ занято въ различныхъ отрасляхъ нашей промышленности, въ качествѣ болѣе или менѣе постоянныхъ наемныхъ работниковъ, лишенныхъ самостоятельнаго хозяйства. Цифра эта еще болѣе увеличится, если мы примемъ во вниманіе многочисленныя разряды рабочихъ, находящихъ себѣ занятія въ предпріятіяхъ торговыхъ, въ дѣлахъ по перевозкѣ и сбыту товаровъ, на желѣзныхъ дорогахъ, парходахъ и т. п. Обширный классъ лицъ, не имѣющихъ никакого собственнаго имущества и живущихъ исключительно работою по найму, несомнѣнно у насъ существуетъ; онъ давно уже выдѣлился изъ среды земледѣльческаго населенія, съ которымъ сохраняетъ лишь внѣшнія формальныя связи. Наша фабрично-заводская промышленность поглощаетъ лишь часть тѣхъ рабочихъ силъ, которыя

¹⁾ По оффиціальнымъ даннымъ за 1893 годъ, опубликованнымъ въ концѣ 1886 года, числилось всего заводовъ и фабрикъ 22.483; годовая сумма ихъ производства—1.759.331.000 р.; рабочихъ всего—1.406.775 (1.094.973 мужчинъ и 311.803 женщинъ). Сводъ данныхъ о фабрично-заводской промышленности въ Россіи за 1893 годъ. Спб., 96, стр. 77, 86 и слѣд.—По другимъ свѣдѣніямъ, всѣхъ вообще фабрикъ и заводовъ считается въ одной Европейской Россіи и на Кавказѣ 25.386, и общая цифра ихъ производительности опредѣляется въ 1.280.301.000 р. См. Н. Нестерова, Пояснительная записка къ картамъ фабрикъ и заводовъ Европейской Россіи, Москва, 1895, стр. 85.—Ср. также Производительныя силы Россіи, Спб., 1896, отд. VII, стр. 58, и отд. VIII, стр. 6.

неизбѣжно отпадаютъ отъ земледѣлія и являются для него излишними; нашъ промышленно-рабочій классъ, какъ бы многочисленъ онъ ни былъ, составляетъ и будетъ еще долго составлять ничтожный процентъ сельскаго населенія, едва ли доходящій до размѣровъ его естественнаго періодическаго прироста. Фабрики и заводы притягиваютъ къ себѣ только нѣкоторую долю избыточнаго крестьянскаго элемента, фактически уже оторваннаго отъ земли или же не находящаго себѣ примѣненія въ деревнѣ. Если считать, что со временемъ выдѣлится такимъ образомъ до 10% всей массы сельскихъ обывателей, то число промышленныхъ рабочихъ можетъ достигнуть внушительной цифры въ 7 или 8 миллионовъ, безъ всякаго ущерба для существующихъ основъ и размѣровъ крестьянскаго землевладѣнія. Промышленный капитализмъ растетъ и крѣпнетъ у насъ не потому, что его искусственно насаждаетъ и поддерживаетъ ошибочная экономическая политика; онъ развивается, *несмотря* на эту ошибочную политику, и развивался бы еще свободнѣе и шире, если бы его не вела на помочахъ односторонняя покровительственная система, доставляющая непомѣрные выгоды фабрикантамъ и заводчикамъ безъ соотвѣтственной заботы объ интересахъ беспощадно эксплуатируемыхъ и бѣдствующихъ рабочихъ. Фабрично-заводская промышленность, сверхъ того, подрываетъ сельскіе домашніе промыслы, которые во всякомъ случаѣ не могли бы держаться съ развитіемъ техники производства; но взамѣнъ, при нормальныхъ условіяхъ, повышается доходность земель и создаются новые источники заработковъ для народа.

ეროვნული
ბიბლიოთეკა

